

туст — СЕПТЯБРЬ, 1927.

Цена 25 центов.

PROBUZHENIE

Пробуждение

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

НОМЕР 4.

СОДЕРЖАНИЕ 4-ГО НОМЕРА

Итоги русской революции	М. И. РУБЕЖАНИН
За что убили Сакко и Ванцетти?	М. СУК
Восток и Запад	РАБИНДРАНАТ ТАГОР
Общественный идеал и теософия Штейнера	Г. В. ФРАНК
У моря (Стихотворение)	Н. БЕРБЕРОВА
Неустранимое (Стихотворение)	К. БАЛЬМОНТ
Мечтания Уэллса	Е. З. МОРАВСКИЙ
Аннабель-Дин (Стихотворение)	ЭДГАР ПО
Сказка про долю заячью, про житье звериное	С. ЛАНИН
Анархизм и кооперация	В. ХУДОЛЕЙ
Прогресс	Д-Р ДЖ. П. САЙМОНДС
Личность и общество	А. А. СОЛОНОВИЧ
Философия Ницше	М. А. ИСТОЧНИКОВ
Никак не угодишь	М. Р
Заявление Редакции. Отчет по изданию журнала.	

Р 4-4
10с 1-105
#2022

Пробуждение

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ.

ИЗДАНИЕ РУССКИХ ПРОГРЕССИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

64-195

Адрес:

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 4

АВГУСТ—ОКТАБРЬ 1927.

М. И. РУБЕЖАНИН.

ИТОГИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(К 10-ти летию октябрьского переворота — 25 октября 1917 г. — 25 октября 1927 г.)

“Это было самое лучшее время; это было самое худшее время; это был век мудрости; это был век глупости; это была эпоха веры; это была эпоха разочарований; это было время Света; это было время Тьмы; это была весна надежды; это была зима отчаяния; мы казалось достигли всего; мы казалось достигли ничего; мы все летели прямо в рай; мы все летели прямо в другую сторону...”

Карлайль.

Считается теперь уже неоспоримым фактом, что участие России в мировой войне привело к Февральской революции 1917 года, и полной и окончательной ликвидации самодержавного строя, закончившейся физическим истреблением всей царской семьи.

Разразившаяся революция, разумеется, не была неожиданностью для русского мыслящего общества. Борьба с самодержавием, временами принимавшая характер массовых народных восстаний (Пугачов, Разин, Болотников, Декабристы, 1905 год), имеет за собой многовековую историю.

В эту борьбу постепенно втягивался все больший круг людей различных социальных положений и классов, начиная высшими — дворянство, военные, чиновничество, интеллигенция, и кончая низшими — рабочими и крестьянами.

До самого своего последнего момента падения, самодержавие цепко держалось за прерогативы своей власти, и думало не об уступках и компромиссах с довольно покладистым думским буржуазно-дворянским большинством, благонамеренно настроенным по отношению к монархии, но о том, чтобы уничтожить всякие следы “мнимого конституционализма”, олицетворение коего являла собою Государственная Дума, “дарованная” народу под давлением революционных событий после неудачной русско-японской войны.

Царь хотел быть опять полным хозяином, самодержцем. И в этом убеждении больше всего утверждала его императрица.

Она писала царю в Ставку, что "Россией надо управлять кнутом, а не посредством Государственной Думы, которую следует разогнать." ... "Вы — Господни и Хозяин в России, и всемогущий Господь посадил вас на трон" — писала царица, в свою очередь ссылавшаяся на авторитет пресловутого "нашего друга" Распутина, окруженного разного рода проходимцами и подозрительными людьми, имевшими связь с немецкими шпионами.

Неудачный ход войны и, соответственно этому складывавшееся, неблагоприятное правительству настроение во всех слоях русского общества, повелительно требовали от царя резкой перемены того курса реакционной политики, который предопределялся царицей и ее придворной кликой, руководимой Распутиным.

Но эта клика была далека от каких-либо уступок. Она шла наперекор всем требованиям общественности. Царица и Распутин добились от царя смещения с поста главнокомандующего армией в. к. Николая Николаевича. Этот пост, к великому смущению даже царских министров, занял сам царь, мало смысливший в военном деле.

Началась "министерская чехарда": на министерских постах появлялись все старые лица, непопулярные, неспособные и не пользующиеся никаким доверием страны. Кабинет Горемыкина, кабинет Штюрмера, кабинет Трепова. Завершилось все это появлением у власти на посту министра внутренних дел карьериста из думских децугатов, октябриста Протопопова, о котором, а также и о премьере Штюрмере, ходили упорные слухи об их тайных переговорах с Германией.

Всеми этими действиями царский двор компрометировал себя не только в глазах всей страны, но и своей главной опоры — военных, сваливавших неудачи на фронте на предательскую политику высших правительственных сфер, а больше всего — на царицу — немку, помогающую немцам.

В придворных кругах, враждебных императрице, делались приготовления к дворцовому перевороту. Заговорщики во главе с

ген. Крымовым, и не без одобрения многих великих князей и княгинь, председателя Думы Родзянко и др., — предполагали расправиться с царицей, а заодно, разумеется, и с царем, и провозгласить одного из великих князей конституционным монархом.

К этому заговору был также причастен ген. Алексеев — начальник штаба верховного главнокомандующего, который передавал кн. Г. Е. Львову, что он собирался арестовать царицу, если бы она приехала в Ставку.

Царя предупреждали.

В. к. Александр Михайлович в письме к царю от 4 февраля 1917 года писал:

"Твои советники продолжают вести Россию и тебя к верной гибели", ибо "недовольство растет с большой быстротой, и чем дальше, тем шире становится пропасть между тобой и народом. Правительство подготавливает революцию, народ ее не хочет. Такое положение продолжаться не может. Приходишь в полное отчаяние, что ты не хочешь внять голосу тех, которые знают, в каком положении находится Россия..."

И другие родственники царя предупреждали его об опасности и "эре новой смуты и покушений", если он не освободится от распутинского и царицы влияния и не пойдет навстречу желаниям общества.

Все эти предупреждения проходили мимо ушей царя. В. к. Николай Михайлович даже был выслан из Петрограда за свое "дерзкое" письмо царю.

Царь думал иную думушку: "как бы сократить государственную думу." Распутин советовал ему: "если будет победа, думу не надо созывать; если же нет, то надо."

17 декабря 1916 года заговорщический дворцовый кружок в особняке Юсупова убивает Распутина. (Он был убит Феликсом Юсуповым и Пуришкевичем при участии в. к. Дмитрия Павловича).

Это убийство, являющееся грозным предостережением царю, как бы напоминало ему о том, что и его может постигнуть подобная же судьба, не оказало надлежащего действия на него. Он еще с большим упрямством цепляется за свое призрачное само-

державие, обреченное на смерть. Оно стало ненавистным всему русскому обществу. Все ждало какой то развязки.

Весьма возможный дворцовый переворот был предупрежден разразившейся 27 февраля 1917 года народной революцией.

Когда утром 27 февраля члены Государственной Думы узнали о роспуске ее царем, на улицах Петрограда уже происходило восстание.

Начавшись в предшествовавшие дни забастовками и уличными демонстрациями, движение это приняло характер массового стихийного вооруженного выступления. Слабая попытка диктатора Протопопова подавить восстание не имела успеха, потому что посланные на усмирение бунта казаки стали брататься с рабочими, и перешли на их сторону.

С улицы восстание перенеслось в казармы. К восставшим примкнули Волынский и Литовский полки, предварительно расправившись с пытавшимися противодействовать офицерами.

Был захвачен арсенал и разобрано оружие, освобождены из тюрем заключенные, подожжены здания Литовского замка, окружного суда, охранного отделения и т. д.

Самоудержавию был нанесен сокрушительный удар, и оно рухнуло под общее ликование и восторги всей страны.

В. Б. Станкевич (трудовик) в своих "Воспоминаниях" об этом начальном моменте февральской революции пишет:

"Кто вызвал солдат на улицу? Ни одна партия, при всем желании присвоить себе эту честь, не могла дать на это ответ. Кто мог предвидеть выступление? Как раз накануне его было собрание представителей левых партий, и большинству казалось, что движение идет на убыль и что правительство победило. С каким лозунгом вышли солдаты? Они шли, повинаясь какому то тайному голосу, и с видимым равнодушием и холодною поволокли потом взвешивать на себя всевозможные лозунги. Кто вел их, когда они завоевывали Петроград, когда жгли окружной суд? Не политическая мысль, не революционный лозунг, не заговор и не

бунт. А стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений. Неизвестное и таинственное и иррациональное, корящееся в скованном виде в народных глубинах, вдруг засверкало штыками, загредело выстрелами, загудело, заволновалось серыми толпами на улицах. К этому неизвестному подошли и попробовали его взять в руки. И, не умея формулировать возражения, не зная, как оказать сопротивление, масса стала повторять чужие лозунги и чужие слова, дала расписать себя по партиям и по организациям. И естественно, наименее организованное и наименее требующее организованности оказалось наиболее по душе. Совет, это собрание полуграмотных солдат, оказался руководителем потому, что он ничего не требовал, потому что он был только фирмой, услужливо прикрывавшей полное безначалие. Но удержит ли Совет движение, когда он начнет требовать? Прочен ли слой хотя бы советской идеологии на бушующем море народной раскаленной лавы?"

И в другом месте Станкевич пишет:

"И все яснее чувствовалось нечто иное, более глубокое и беспокойное, чем вопрос о распределении влияний левых и правых кругов общественности. Чувствовалось, что масса ушла не только от среднего общественного мнения, от кругов, которые в свою пользу оспаривали власть у старого правительства, но что она вообще никем не руководится, что она живет своими законами и ощущениями, которые не укладываются ни в одну идеологию, ни в одну организацию, которые вообще против всякой идеологии и организации, так как это по природе своей **анархическая стихия.**" (Курсив наш. М. Р.)

Февральская революция, как мы видим из этих цитат, оказалась чем то большим, чего от нее ожидали политики умеренных и даже левых течений. Революционный переворот они мыслили просто: Николай ушел, нам следует перенять власть, распределить между собою министерские портфели, провозгласить себя правительством и на том остановиться.

Так и поступили наши думские деятели. Они не сделали даже попытки устроить хотя бы одно заседание своей куцой Думы, но зато в тиши одного из думских кабинетов сами себя провозгласили Временным Правительством, и сейчас же поспешили навязать его "анархической стихии".

Тот же В. Б. Станкевич, игравший, между прочим, крупную роль во Временном Правительстве так описывает впечатление, произведенное на солдат его сообщением о сформировании Временного Правительства:

"Я обходил роту за ротой, произносил коротенькие речи о необходимости правительства и о личном составе Временного Правительства. Мне припоминается, что слова о необходимости правительства принимались довольно сухо. Не особенно дружно приветствовали и отдельных министров." Имена министров "не вызывали энтузиазма, хотя я говорил о них с воодушевлением, так как хорошо знал, что значит в России переход власти в их руки. Но в аудитории чувствовался холодок..."

Этот "холодок" к новой власти, видимо, остался и до сего дня в России. Для Временного же Правительства он имел роковые последствия. С первых же шагов деятельности этого правительства обнаружилась целая пропасть, отделявшая его умеренную буржуазную программу от целей и идей, которыми было воодушевлено крестьянство и рабочие.

Если думским деятелям и патристически настроенной русской интеллигенции свержение царизма было необходимо для перенятия в свои руки власти, чтобы довести войну до победоносного конца, то народные массы, успешно совершившие революцию, прежде всего в этом факте видели — свое неотъемлемое право отказаться от продолжения войны, навязанной стране царем и другими иностранными державами, преследующими в войне завоевательные цели.

И опять таки стихийно, без всякой агитации, инстинктивно, — изнуренная и измученная армия оказалась единомысленной в отрицательном отношении к войне. В этом, разумеется, сказались величайшая народная

мудрость. Худой мир лучше успешной войны — в данном случае становится лозунгом солдатских масс, почувствовавших себя совершенно свободными.

Временное Правительство в этом вопросе оказалось не на высоте своего положения. Министр иностранных дел П. Миллюков стал на чисто формальную точку зрения — непосредственного выполнения заключенных с союзниками обязательств. Этому политику, еще недавно говорившему о превращении Восточной Пруссии в новую Остзейскую губернию и мечтавшему о захвате Дарданельских проливов, мысль о заключении с немцами сепаратного мира казалась невыгодным и "изменническим" делом.

П. Миллюков, несмотря на свою большую ученость и политический опыт, оказался недальновидным и плохим дипломатом. Он слепком верил в союзников, в "клячки" бумаги, в фразы и мимолетные обещания союзной дипломатии. Впоследствии, очевидно за свою лояльность к союзникам (и наивность), последние отплатили ему тем, что, когда он появился в Париже для переговоров с французским правительством, премьер Клемансо не пожелал с ним разговаривать и отдал распоряжение о высылке его из столицы.

Миллюков, а вместе с ним и театральный Керенский, не только не думали оканчивать бессмысленную войну, но всеми силами тискали солдат в окопы, на фронт.

Это, разумеется, было совершенно безнадельным предпрятием. Три года войны убили в солдатах всякую охоту к этому безумному и преступному занятию. Не было заметно особенно большого энтузиазма к войне среди младшего офицерства, разделявшего все невзгоды боевой жизни вместе с солдатами. Воевать больше Россия не желала.

Не хотели понять этого лишь Керенский и Миллюков. Последний все это время уверял союзников, что армия "пойдет" на врага, и она, действительно, пошла, но не на врага, а в свои села и деревни.

И в данном случае победила "анархическая стихия", оказавшаяся сильнее всяких

уговариваний и "государственных соображений."

Настроение солдат на фронте Станкевич описывает следующим образом:

"Он (солдат) свободен — так говорят все, да и весь уклад армии, такой новый и необычный, подтверждает, это. Но он все же должен идти умирать и убивать — так тоже говорят все, даже те комитеты, которые им избраны, даже те делегаты, которых он посылал на съезды. Но зачем умирать и убивать? Для государства, которое ему всегда до сих пор рисовалось, как зло, как принуждение платить подати, идти в солдаты, и творческую (?) роль которого он в своей грязной хижине и не чувствовал и не понимал никогда. За землю и волю? Но какая связь между защитой Риги или взятием Львова и землей соседнего помещика в Саратовской губернии? А при том он, быть может, не хочет ни умирать, ни убивать за эти земные блага."

И еще одна характерная подробность. В. Станкевич, присутствовавший на съезде юго-западного и румынского фронта, передает, что на этом съезде "всякая регламентация воспринималась уже как стеснение. Даже избираемому комитету не хотели предоставить каких-либо значительных функций, настаивая на том, чтобы дела решались "миром".

Больше же всего смутило Станкевича то, что съезд по вопросу — нужен ли России президент — "большинством всех голосов против одного робкого офицера, решил, что Россия должна быть без президента."

Хотя при подобном настроении фронта о войне не могло быть речи. Миллюков продолжал в своих заявлениях "воевать" с немцами. Это размахивание дипломатическим мечом повело к первым враждебным выступлениям против Временного Правительства 20 — 21 апреля.

Все определеннее и настойчивее складывается антивоенное настроение в стране и в войсках. Никто, кроме Ставки и Временного Правительства, не желает войны. Временное Правительство, благодаря своей патристической позиции в вопросе войны, ко-

лебаниям и неопределенности в земельном и других вопросах, быстро теряет популярность в массах, берется под подозрение и становится мишенью нападков.

Попытка генерала Корнилова сокрушить "гидру революции" только ускорила падение этого опереточного правительства. Поход Корнилова на Петроград состоялся не без ведома Керенского. Идея усмирения бунтующей столицы встречала с его стороны одобрение. Если Керенский выступил против Корнилова, то только после того, как убедился, что в случае успешности этого предприятия роль первой скрипки от него перейдет к Корнилову, а ему и его окружению может быть придется полатиться головами, несмотря на то, что Корнилов обещал и Керенскому и Савинкову министерские посты в своем правительстве.

Дни Временного Правительства, скомпрометировавшего себя косвенной причастностью к корниловской авантюре, — были сочтены. Оно утратило всякое доверие во всех слоях общества. Правые элементы не хотели поддерживать его за мнимую левизну, левые считали его враждебным интересам революционного народа, и Временное Правительство 25 октября 1917 года, когда вспыхнуло большевистское восстание, не могло ни на кого опереться.

Большевистское вооруженное выступление было произведено сравнительно слабыми и плохо организованными силами. Об этом говорит и тот факт, что выставленная против Керенского вся большевистская красная гвардия, собранная наспех, чуть было не была разбита у Гатчины отрядом казаков генерала Краснова в 500 человек, отказавшихся, однако, воевать за Керенского после того, как он не мог собрать даже 100 человек пехоты на подмогу казакам.

И Керенский бежал. Закончился период керенищины, и русская революция вступила в новый фазис — большевизма.

Тридцать русских большевиков, во главе с Лениным, доставленных в Россию в немецком запломбированном вагоне, свергли Временное Правительство Керенского.

Конечно, это было несколько не так. Ок-

тябрьский переворот совершила не кучка большевиков, а все та-же, бушевавшая в стране, анархическая стихия.

Большевиков в России, разумеется, было больше, чем тридцать. К моменту революции 1917 г., подпольников - большевиков насчитывалось 10.431 ч., а ко времени большевистского переворота в их партии было уже около 50.000 членов.

Большевицкая малочисленность зато вознаграждалась их самой беззащитной демагогией. Лидеры большевиков не напрасно, повидимому, провели свои годы изгнания за границей, и здесь лучше всего усвоили маккиавеллевскую догму: все средства хороши ради успеха. Они сразу же учли настроение масс, и подхватили все увлекавшие их революционные лозунги.

Они кричали: "Мир — армии! Земля — крестьянам! Фабрики и заводы — рабочим! Свобода — народу!"

С первого же дня Февральской революции, не взирая ни на какие правительственные и учредительные собрания, все эти вопросы сами по себе встали на очередь, и были по своему, иногда мудро, а иногда довольно примитивно, разрешены самим же народом.

Власть здесь была не причем, на "барина" больше уже не надеялись.

Крестьяне сами, по своему собственному почину, приступили к разрешению земельного вопроса. Не все при этом происходило так, как то было бы желательно нашим культурным политикам. Черный передел был произведен не без эксцессов — разгрома, сжигания экономий, убийств помещиков и т. п.

Словом, крестьяне в конце концов, начистую, рассчитались с своим вековым поработителем и врагом — помещиком, державшем их веками в крепостничестве и кабале.

Не надо, разумеется, обманывать себя относительно значительности этого земельного завоевания крестьянства. В руках помещиков, в момент освобождения крестьян в 1861 году осталось 105 миллионов десятин земли. Экономии, однако, разорались и помещики теряли землю. В течение полу-

столетия, предшествовавшего революции, из их рук ушла большая часть указанного земельного фонда, и ко времени революции в руках дворянства осталось 35 миллионов десятин.

Раздел этой земли на число крестьянских душ даст, разумеется, небольшие клочки земли. И это завоевание революции носит скорее всего характер морального удовлетворения, нежели материальной выгоды.

В разрешении земельного вопроса большевики ничего не помогли. Все, что следовало сделать, было сделано и без их позволения и одобрения.

В качестве практического политика Ленина, разумеется, гениально надул всю страну. Перед образцами его октябрьской демагогии бледнеют все выходки и трюки политиков - авантюристов буржуазных стран. Он всячески подделывается под анархическое настроение масс, и излагаемая им концепция нового государственного аппарата почти анархическая: он говорит о замене старого государственного аппарата "новым рабочим персоналом, для которого не нужно специальной выучки, т. к. в "пролетарском" государстве все функции выборных и сменяемых администраторов сводятся к контролю и регистрации — за одинаковую для всех рабочую плату — над деятельностью крупных общественных организаций ("по примеру почты.")

Мы знаем теперь, что большевицкий "госаппарат" несколько иной. И это только свидетельствует о том, как Ильич умел мастерски врать, убаюкивать и усыплять анархическую стихию, не желавшую никакой власти. За эти, повидимому, заслуги благодарная большевицкая партия и хранит теперь прах Ильича в мавзолее.

Войну большевики закончили "пахабным" Брест - Литовским миром. Немцы, благоволившие большевикам по военно - стратегическим соображениям, после того, как русский фронт утратил свое значение, сильно ущемили их в Брест - Литовске. Троцкий произнес свою знаменитую фразу: "ни войны, ни мира." Пробовал он пригрозить немцам генералам взрывом мирового проле-

тариата. На все это немцы ответили настижением на Петроград.

Ильич заметался и поспешно переселился в Москву. Сделано это было еще и потому, чтобы быть подальше от анархически настроенных кронштадтских матросов, начинавших подозрительно поглядывать на новую власть.

Большевицкий переворот, Брест-Литовский мир и разгон большевиками Учредительного Собрания после того, как выяснилось, что в нем они получили ничтожное число мест, — послужили сигналом к продолжительной и пагубной гражданской войне, именуемой также "белым движением."

Белое движение, поддерживаемое буржуазно-либеральными и даже некоторыми социалистическими элементами, несомненно преследовало реакционные и реставраторские цели.

Это был своего рода буржуазно-помещичий поход "за землю, волю и власть" для этих классов, потерявших свое господствующее положение.

Хотя оно и происходило под лозунгом: "освобождения родины от насильников большевиков, выполнения обязательств перед союзниками и борьбы с немцами", но подлинные мотивы и скрытые пружины этого движения, незаметные для большинства участников его, — были совсем иного и темного происхождения.

Люди, которых белые генералы толкали на войну с красными, могли быть воодушевлены благими и высокими порывами. Корниловцы даже цели:

"Мы былого не жалеем,

Царь нам не кумир" . . .

Но в то же самое время их руководители — генералы и политики — за их же спиной, сговаривались и с немцами и с союзниками как бы восстановить в России монархический строй.

Что именно белое движение преследовало реставраторские цели, а не помощь союзникам, — находит подтверждение, между прочим, и в том факте, что еще до поражения союзниками Германии, некоторые белые фронты были созданы на немецкие деньги.

На Украине генерал Скоропадский "признал" кайзера Вильгельма, дав ему обещание "неуклонно исполнять советы германцев."

"Спаситель" Керенского, атаман войска Донского, генерал Краснов, тоже продался Вильгельму, и дал обязательство не только "соблюдать полный нейтралитет," но и "не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы", под которыми, замечает П. Милюков в своей книге "Россия на переломе", приходилось разумеать и добровольческую армию.

Другие генералы, ставшие во главе "добровольческой" армии, стали служить Англии и Франции. На организацию этой армии союзники дали 10 миллионов рублей. Ими же финансировались и снабжались амуницией и все другие белые армии — в Архангельске, Сибири, на Кавказе, придерживавшиеся союзнической ориентации.

Если участие Англии и Франции в интервенции в Россию можно было во время войны с Германией оправдать военно-стратегическими соображениями, то после заключения мира с немцами, эта интервенция принимает уже иной смысл.

Интервенция после этого уже продолжается ради определенных империалистических, захватнических целей. В своем объяснении победой над немцами, французские и английские империалисты возмечтали о том, чтобы, пользуясь дезорганизованностью и слабостью военных сил революционной России, отторгнуть от нее окраинные приморские территории на севере, (Архангельск), юге (Украина, Кавказ) и на Дальнем Востоке (Владивосток; здесь эту мечту возделали японцы).

Ашкитты англичан особенно привлекал бакинский нефтяной район. Здесь они, как известно, и сосредоточили свои главные силы.

Французов особенно прельщал Донецкий угольный бассейн, и поэтому они и появились в Одессе.

Захватнические намерения своих друзей — "спасителей" России англичан — засвидетельствованы, между прочим, генералом

Деникиным, увезенным в Англию после изгнания из России интервентов.

В момент общей эвакуации 1919 года английский губернатор г. Баку, Шоттльворт, заявил представителям Деникина следующее:

“Если бы мы (англичане) остались здесь дольше, возможно, что народы Закавказья не захотели бы вернуться к вам, а предпочли бы остаться под британским владычеством”.. (См. о Закавказьи, IV т. Деникина, главы XVI-XIX).

Таковы были замыслы союзнической интервенции, и недальновидные руководители белого движения может быть сами того не подозревали, что они борются не “за единую и неделимую Россию”, а как раз за дробление и превращение ее наиболее важных и ценных частей в британские и французские колонии.

Разгром белого движения объясняется, главным образом, следующими причинами:

1) это движение носило, по признанию ген. Деникина, “печать классового отбора”, т. е. оно опиралось только на офицеров, юнкеров, старое чиновничество, помещиков, полнейших и т. п.;

2) оно было враждебно интересам крестьянства и рабочих, видевших в нем попытки к реставрации самодержавного строя, и, как таковое, это движение наткнулось на решительное сопротивление революционного народа;

3) белое движение создавалось на деньги иностранных держав, поддерживалось военной интервенцией этих держав, преследовавших империалистические, завоевательные цели.

Вот несколько иллюстраций порядков, установившихся на территории белых, объясняющих — почему народ не поддержал их.

Генерал Лукомский (белый), в своих воспоминаниях, пишет:

“Некоторые из администраторов придают своей деятельности характер защиты интересов одного, немногочисленного и непопулярного в широких кругах населения класса. — а именно крупных землевладельцев. Другие, получив видное место, стараются

как можно скорее вознаградить себя стерпленной за месяцы вынужденной нищеты и унижения, проявляя “полноту власти”..

Другой видный участник белого движения, к. д. Астров пишет:

“Насилие, порка, грабежи, пьянство, гнусное поведение начальствующих лиц на местах, безнаказанность явных преступников и предателей, убогие, бездарные люди, принесшие с собой на места старые пороки, старое неуменье, лень и самоуверенность — дискредитировали новую власть.”

Врангелевская администрация, по словам официального доклада, “пьянствует, дебоширит, бьет морды крестьянам, берет взятки за освобождение от мобилизации и ареста, или сажает под арест с целью вымогательства; высшие чины скрывают преступные деяния низших, делаясь с ними доходами.”

“Как раз, как у большевиков, но немного хуже”..

И еще одно свидетельство полк. Бородин (белый):

“Крестьяне уклоняются от подводной повинности, не желают продавать продукты войскам, высказывают неудовольствие по поводу постоя войск, кормят и укрывают дезертиров, которые десятками и сотнями наполняют сады и рощи, камыши и огороды.”

Вышеприведенные цитаты, конечно, несколько не дают оснований для предположений о том, что появление белых было встречено населением с распростертыми объятиями.

Крестьянство сразу поняло дух и замыслы белого движения, и оказало ему энергичное сопротивление. Всем известно, например, какое огромное решающее значение имело Махновское крестьянское движение в разгроме армии генерала Деникина, направлявшегося на Москву.

Главный удар в тыл деникинской армии был нанесен махновцами, и красная армия, находившаяся в то время в процессе формирования, сыграла в ликвидации деникинского фронта очень скромную роль, как, впрочем, и в разгроме Колчака, появившаяся на театре военных действий после уже со-

вершившегося факта т. е. поражения противника партизанскими отрядами. Большевикам оставалось только воспользоваться готовыми победами.

Кроме перечисленных органических недостатков белого движения, оно должно нести и ответственность за укрепление большевизма.

Как это ни парадоксально, но белое движение оказало большевикам неоценимые услуги, и больше чем кто — конечно помимо своего желания — помогло утверждению власти большевиков.

Если бы не белое движение, то вряд ли “анархическая стихия” позволила бы большевикам создать свой государственный аппарат, организовать красную армию, встать на путь террора и почувствовать себя господами положения.

По признанию многих большевистских лидеров, свергая правительство Керенского, большевики сами не думали продержаться у власти более нескольких месяцев. Им самим представлялась дерзостной мысль, чтобы горсточка коммунистов, в 50.000 человек, могла управлять 150 миллионной страной. Им было еще далеко до 130.000 полудеймейстеров, при посредстве которых Россией управляли цари.

Гражданская война приходит большевикам на выручку. Революция в опасности. Все боевые революционные элементы сплываются вокруг большевистского правительства. Оно становится нужным, оно встречает поддержку со стороны крестьянства и рабочих, как правительство, обещающее выполнить все революционные лозунги.

И лучшие, сознательные силы, составившие душу революции — кронштадтские матросы, питерские рабочие, крестьяне — идут на фронты умирать за землю и волю.

Гражданская война, несомненно, поглотила непомерное число революционных борцов, и тем ослабила силу самой революции. Большевистское же правительство тем самым временем создало свой мощный государственный аппарат, беспристрастно расправлявшийся со всеми противниками советской власти.

Анархист Ярчук (псевдоним), один из участников кронштадтского матросского движения, в своей брошюре “Кронштадт в Русской Революции”, между прочим рассказывает о том, что возвращавшиеся в Кронштадт, после свержения Керенского, матросы “спорили об опасности, могущей возникнуть из факта существования Народных Комиссаров, — некоторые говорили, что “верхи” способны изменять заветам Октябрьской Революции, но кронштадтцы в целом, опыненные легкой победой Октября, бражная оружием, заявляли: “В таком случае, если пушки достигли Зимнего дворца, они доберутся и до Смольного.”

Оно так и случилось бы, если бы большевикам “несчастье” не помогло, т. е. гражданская война, отвлекшая внимание революционных масс от того, что большевики делали, и поглотившая остатки революционной энергии.

Кронштадт, как известно, поднял знамя восстания против большевистской тирании 1-го марта 1921 года, закончившееся 17 того же марта разгромом “красы и гордости” русской революции, как любил лгательно говорить о кронштадтских матросах “фельд-маршал” Троцкий, на этот раз уже расстреливавший их.

Большевики омрачили свое царствование безудержным террором и потоками крови. Они захлебываются ею еще и сейчас, когда для красного террора нельзя казалось бы найти никакого оправдания.

И опять таки кровавожадность эта есть не что иное, как наследие и приемы, сложившиеся в период гражданской войны. Обе стороны в этой войне были беспристрастны, резали друг друга. И циничское отношение к жизни человека, убийство его, — вошло в систему, сделалось чуть ли не естественным, нормальным явлением советского быта.

В. Станкевич, при всем своем отрицательном отношении к большевикам, в своих “Воспоминаниях” признается, что до разгара гражданской войны большевистская власть вела себя более — менее сносно: комитеты всех социалистических партий (анархические организации тоже) вплоть до каде-

тской — существовали открыто и издавали свои газеты.

Террор почти отсутствовал. Такие знаменитые монархисты, как Пуришкевич, ген. Болдырев и др., предавались гласному суду с допущением защиты.

Но очевидно, что и как все другие великие революции, русская революция не могла обойтись без искупительных жертв, пролития человеческой крови.

В заключение этого, далеко неполного и сжатого, обозрения, несколько коснемся нынешнего состояния России.

Мы знаем, что ни мировая война, унесшая несколько миллионов русских жизней, ни последовавшая за ней революция, ни гражданская война, ни голод, ни большевизм, ни террор — не могли задержать дыхания жизни русского народа.

И он жив!

Страшные испытания и самые мрачные моменты, пережитые за все эти годы, — остались позади. Раны заживают, Россия выздоравливает и крепнет вопреки всяким препятствиям, собирается с силами, накапливает энергию для новых великих дел и дерзаний.

В экономическом отношении Россия делает заметные успехи, и приближается к до военному уровню благосостояния.

Россия без дара не погибла, и это подтверждает, к своему великому удивлению и смущению даже известный монархист Шульгин, не особенно давно тайно посетивший Россию. Он нашел "в России все как прежде, но только немного хуже."

Он, в общем, остался довольным советскими порядками. Твердая власть в России, по его словам, налицо. И если бы срезать "верхушку" и посадить в Кремле "своих людей", то, по мнению Шульгина, советский строй можно было бы приять в его настоящем виде, ибо даже монархисты ничего не могли бы больше прибавить к тому, что уже сделано большевиками для упрочения государственной власти. Монархистам, конечно, есть чему поучиться у большевиков.

Махнув рукой на коммунизм, большеви-

ки "своими левыми руками делают правое дело", что так и приятно любезному сердцу г. Шульгина.

В России все еще, разумеется, свирепствует "красная" реакция, или иначе говоря — советское правительство все еще не чувствует под собой прочной почвы, и все еще объято страхом за свое собственное существование.

Отсюда — спорадические эксцессы власти, прибегающей к террору по отношению к воображаемым "внутренним" врагам.

Особенных симпатий к советской власти у населения России не проявляется. Отношение народа к этой власти такое же, как и к царской — враждебное, ненавистное.

И, конечно, большевизм в России не вечен. Большевики теперь очутились приблизительно в том положении, в каком находилось царское правительство перед Февральской революцией. Этим случайным и непрощеным гостям, разумеется, придется уйти, если они не эволюционируют и не изживут отрицательных сторон своего режима настолько, чтобы предупредить новый революционный взрыв при первом удобном случае.

А этот случай может представиться . . .

Анархическая стихия, которая так ненавистна нашим патентованным государственным политикам, еще в более глубокой мере проникнет в недра души и сознания русских народных масс после опытов большевизмического властвования.

И не требуется большой прозорливости для того, чтобы не предвидеть, что, в случае ликвидации большевизмической власти, революционный процесс примет такое же направление, как и во время Февральской революции, т. е. игнорирования и отрицательного отношения ко всякой власти, а соответственно этому и выкристаллизуются формы общественного устройства — анархистского, свободного, без всякого принудительного государственного аппарата, замененного общественным сотрудничеством людей на началах добровольного соглашения.

М. И. РУБЕЖАНИН.

М. СУК.

ЗА ЧТО УБИЛИ САККО И ВАНЦЕТТИ?

“Мы всегда звали, что губернатор Фуллер, Тайер и Кацман — палачи.”

Никола Сакко.

“Какие страдания мы перенесли в эти семь лет невозможно выразить на человеческом языке, и тем не менее, вы (судьи Тайер) видите меня перед собою не дрожащим, вы видите меня смотрящим вам прямо в глаза, не краснеющим, не млеющим в лице, не пристыженным и не испуганным.”

Бартоломео Ванцетти.

“Они (Сакко и Ванцетти) слишком светозарны; мы закрываем наши глаза и убиваем их. Мы — мертвецы . . .”

Гейвуд Браун.

23-го августа 1927 года, Сакко и Ванцетти погибли на электрическом стуле.

Массачусетские палачи восторжествовали. Они убили свои жертвы после долгого семилетнего мученичества и нравственных пыток.

Убили и превратили их в пепел.

Больше нет в живых “проклятых анархистов.” Тайеры, Фуллеры и Кацманы получили “свой фунт” человеческого мяса, и они наивно думают, что покончили не только с делом Сакко и Ванцетти, но, вместе с их телами, убили, — страшную для всех слуг тьмы и желтого дьявола, — великую и бессмертную идею Анархии, свободы и братства всего человечества, носителями которой погибли два борца.

Дело Сакко и Ванцетти не окончено, не ликвидировано. Оно лишь вступает в первую фазу своего развития. Нег больше в живых Сакко и Ванцетти — этих главных обвинителей и свидетелей самого возмутительного преступления когда либо совершенного государственной властью на протяжении человеческой истории.

Но остались в живых Каины и Пилаты — Тайеры, Фуллеры, Кацманы, Ловелы и все их пособники, соучастники, защитники и вдохновители, словом — вся система государственного насилия, лжи, обмана и не-

справедливости, существующая для удешевления правды и справедливости, для преследования праведников и казни невинных.

На скамью подсудимых должны быть посажены не только прямые убийцы Сакко и Ванцетти — судьи, прокуроры, губернаторы, сыщики и лжесвидетели, но и вся современная американская демократическая система управления, порождающая подобные злодеяния.

Дело Сакко и Ванцетти было порождено военной истерией, и поэтому начнем наш обвинительный акт с того, что американское правительство, без согласия народа, ввергло страну в мировую войну, во время которой было убито, искалечено и ранено более миллиона молодых людей. Материальные потери достигли миллиардов долларов.

Америке не угрожала никакая внешняя опасность. Она не интересовалась и завоеванием новых территорий в Европе. Втянута же она была в войну с Германией, главным образом, по двум мотивам: 1) американские банкиры дали большие военные займы Франции, Англии, России и другим союзным державам. Опасение за эти займы, в случае выигрыша войны Германией, было одной из причин вступления Америки в войну; и 2) американским предпринимателям было выгодно вступление Америки в войну, так как это сулило им баснословные барыши и безнаказанный грабеж населения через спекуляцию на товарах и предметах потребления.

Результаты войны: Союзники победили, но долга своего Америке не думают выплачивать; в Америке прибавилось несколько сот новых миллионеров и миллиардеров; война не улучшила, а ухудшила условия жизни в Америке.

Что же делают Сакко и Ванцетти в разгар американского военного умопомрачительства? Как анархисты и решительные противники человекоубийства, они отказались от

участия в войне, затеянной американскими банкирами и предпринимателями.

В 1917 году, когда американское правительство насильственно, не имея на то права, брало на военную службу не только своих американских граждан, но и иностранцев, Сакко и Ванцетти благоразумно уехали в Мексику.

Когда же охота на рекрутов немного затихла, они снова вернулись в Соед. Штаты, и здесь на митингах вели агитацию против войны. Во время ареста Сакко и Ванцетти, у первого из них в кармане была найдена летучка, призывающая на митинг, на котором в качестве оратора выступал Ванцетти.

Летучка эта гласила:

“Вы вели все войны. Вы работали для всех капиталистов. Вы бродили по всем странам. Пользуетесь ли вы плодами трудов своих, результатами своих побед? Удовлетворяет ли вас прошлое? Улыбается ли вам настоящее? Обещает ли вам чтонибудь будущее? Нашли ли вы клочек земли, где бы вы могли жить и умереть подобно человеческому существу? По этим вопросам и на эту тему — борьбу за существование — будет говорить Бартоломео Ванцетти.”

Отказ от убийства, от участия в войне, с точки зрения прокурора Кацмана — большое преступление, и на суде он постарался раздуть “дезертирство” Сакко и Ванцетти, и изобразить их “преступниками”, не желавшими быть пушечным мясом.

Преступниками, конечно, являются не Сакко и Ванцетти, отказавшиеся от убийства на войне, а Кацманы, Вильсоны, Фуллеры и Тайеры, посылавшие цвет американской молодежи на убой ради того, чтобы другие превращали их кровь в бездушное золото.

— ** —

Военная истерия породила в Америке “Палмеризму”. “Великий демократ” Вилсон благословил своего генерал - прокурора Митчелла Палмера (он же министр юстиции) на всеобщее и поголовное избиение иностранцев. Эта мера нужна была для упорочения “демократии”, и устрашения американского

населения, которое не выказывало особенного патриотизма к войне. Бить сразу американцев нельзя было, а потому в Вашингтоне решили пощупать косточки более беззащитным козлам отпущения — иностранцам.

И всем еще памяты зверские, башибузуцкие налеты и погромы палмеровских молодцов на иностранные клубы, организации, школы, “подозрительные” дома и т. д. Полицейская стихия врывалась в помещения, громила обстановку, рвала книги, бумаги, предавая все уничтожению и разрушению; всех захваченных в помещениях людей избивали до крови, до потери сознания, тащили в охранные отделения, и там опять подвергали свои жертвы жестоким побоям, издевательствам и пыткам.

Все арестованные проходили через, так называемую, “третью степень.” Эта процедура заключается в следующем:

Чтобы вызнать все нужное для сыщиков, надо сперва запугать “грамольника.” В охранных отделениях имеется специальная для этого большая комната. Сюда собираются 200-300 сыщиков - профессионалов (есть и добровольцы). Все они — в масках. Располагаются в форме круга. Перед испытанием жертву запирают в совершенно темную комнату, а потом вталкивают ее в залитую электрическим светом большую комнату, где люди в масках встречают ее самым оглушительным воем, гиканьем, свистом и криком...

Настоящий демократический ад с чертами!

Между тем, ошеловленную жертву тащат по живому кругу, и каждый сыщик, оглядывая ее с ног до головы, по долгу своей демократической службы и присяги, должен плюнуть ей в лицо, произнести по ее адресу какое либо ругательное, бранное, неприличное или скабрзное слово, и непременно все это сопроводить пинком ноги в какоенибудь самое больное и чувствительное место человеческого тела...

Из этой комнаты пыток люди выходят опотавленными, ослепленными, избитыми до

потери сознания, а некоторые — сумасшедшими.

Вот так в Америке извлекают “собственные сознания” у арестованных; вот такими запечатанных дел мастерами создаются дела и

анархиста Солседо, убитого в нью-йоркской охранке — конторе Департамента Юстиции.

Прокурор Капман, проявивший столько сыщического рвения в раскрытии перед судом “преступной деятельности” Сакко и Ва-

ВАНЦЕТТИ.

САККО

обвинения против людей, не имеющих часто никакого отношения к тому или иному преступлению.

В деле Сакко и Ванцетти, как бы вскользь и незаметно, упоминается имя

ицетти — их антимилитаристского поведения и анархической революционной пропаганды, — прошел мимо такого, общеизвестного факта, как убийство сыщиками анархиста Солседо.

А ведь убийство этого человека должно, казалось бы, заинтересовать блюстителя правосудия, тем более, что дело Сакко и Ванцетти находится не только в тесной связи с ним, но и явилось следствием этого убийства.

Если бы в Нью Йорке не был убит Солседо, то, пожалуй, Сакко и Ванцетти не были бы арестованы, и не были бы тоже убиты, более хитро и тонко, чем Солседо.

Солседо, вместе с другими итальянскими анархистами, был арестован в Нью Йорке палмерскими агентами юстиции во время погромов на иностранцев.

Никакого преступления он не совершил. Но очутившись в руках защитников "закона и порядка," его подвергли в сыском отделении прохождению через знакомую уже нам "третью стеньгу". Был ли он запытан во время этой процедуры и выброшен затем сыщиками через окно на улицу, с 14-го этажа конторы Департамента Юстиции в Парк Роу Билдинг, в Нью Йорке, с целью сокрытия следов преступления, или сам, вырвавшись из рук мучителей — бросился с 14 этажа на улицу — остается, конечно, тайной Департамента Юстиции.

Было ли это убийство, или вынужденное самоубийство — существенного значения не имеет. В обоих случаях убийцами являются агенты американского правительства, которых за это убийство неповинного человека даже не судили и, весьма возможно, еще и наградили.

Прокурор Кацман этим убийством не интересовался, хотя на суде и выяснилось, что убитый в Нью Йорке Солседо принадлежал, вместе с Сакко, Ванцетти и другими бостонскими анархистами, к одной и той же анархической организации, что Сакко и Ванцетти собирали на митингах средства на защиту Солседо, и что накануне своего ареста Ванцетти ездил в Нью Йорк, чтобы узнать о судьбе своего товарища Солседо, и привез оттуда ужасную весть об его трагической смерти.

В Нью Йорке Ванцетти был предупрежден о возможности арестов в Бостоне и окрестностях, т. е. у полиции были сведения о

бостонских "сообщниках" Солседо. Надо было, следовательно, предупредить всех членов организации о готовящемся на них налете, уничтожить и спрятать радикальную литературу, чтобы не дать в руки полиции доказательств, могущих послужить основанием для арестов, пыток, депортации, и, возможно, убийств.

**

Коснемся теперь двух уголовных преступлений, которые перед арестом Сакко и Ванцетти были совершены в Бриджвотер, Масс., и Саут Брайнтри, Масс.

В первом случае было произведено вооруженное покушение на ограбление 24 декабря 1919 года, накануне Рождества. Бандиты, после перестрелки, скрылись на автомобиле "Бюик" в направлении к Кочесетту.

В Саут Брайнтри, 15-го апреля 1920 года, около 3 ч. дня, на главной улице, было произведено вооруженное нападение на артельщика обувной фабрики Слатер и Моррилл. — Парментера, переносившего в двух ящиках, из конторы в фабрику, 15.776 д. 51 ц., под охраной сторожа Берарделли.

Артельщик и сторож были убиты бандитами шестью выстрелами. В момент нападения к месту ограбления подъехал автомобиль "Бюик", в котором находилось несколько других соучастников ограбления, оба ящика с деньгами были брошены в автомобиль, который быстро скрылся через полностью железной дороги. Два дня спустя этот автомобиль был найден оставленным в лесу на далеком расстоянии от места преступления, причем, неподалеку от него, были заметны следы другого, меньшего автомобиля, которым грабители, повидимому, воспользовались, заматая следы своего преступления.

В обоих случаях подозрение падало на одну и ту же шайку итальянцев. Начальник штатной полиции все время был убежден, что оба преступления совершены профессиональными грабителями, но не радикалами. Полицеймейстер же г. Бриджвотера Стюарт, занятый в то же самое время охотой на иностранцев - радикалов, был на этот счет иного мнения.

Если бандиты, после перестрелки скры-

лись в направлении к Кочесетту, то здесь, следовательно, и надо искать разгадки преступления. Стюарт установил, что итальянец Бода имеет автомобиль "Оверленд", который находится в гараже Джонсона для починки. Им было также выяснено, что другой итальянец радикал Коаччи, предназначенный для депортации и уехавший 16 апреля в Италию, жил одно время с Бодой.

Автомобиль Бода, внезапный отъезд его товарища Коаччи в Италию на другой день после грабежа в Саут Брайнтри и — полицейская фантазия заработала:

Коаччи удрал в Италию с ограбленными деньгами, спрятанными в большом сундуке.

Когда в Италии на пароходе, по требованию из Америки, обыскали сундук Коаччи, то в нем, разумеется, ограбленных денег не нашли.

Но фантазия полицейского работала дальше. Кто явится в гараж Джонсона за автомобилем, тот и будет участник грабежей в Бриджвотере и Саут Брайнтри. Владелец гаража была дана инструкция задержать выдачу автомобиля Боды лицам, которые будут его требовать, немедленно дав знать об этом полиции.

Вечером, 5-го мая 1920 года, в гараж Джонсона за получением автомобиля явились Бода, Орчани, Сакко и Ванцетти.

Владелец гаража Джонсон стал уговаривать Боду не брать автомобиля из гаража до получения номерной доски 1920 года; жена же Джонсона тем временем направилась в соседний дом, чтобы по телефону сообщить полиции. По ее словам, Сакко и Ванцетти следовали за ней по другой стороне улицы, когда она шла в соседний дом и обратно.

Бода согласился с советом Джонсона не пользоваться автомобилем без номера, и вся компания оставила гараж Джонсона: Орчани и Бода на мотоциклете, а Сакко и Ванцетти — сели в трамвай, направлявшийся в Брактоп.

Сакко и Ванцетти были арестованы полицейским в трамвае, Орчани был арестован на другой день, а Бода успел бесследно скрыться.

С момента ареста Сакко и Ванцетти и начинается, собственно говоря, преступная работа агентов правительства и юстиции.

Оба арестованные были на черном списке у массачусетских властей. Они были анархисты, принимавшие активное участие в забастовках рабочих и в пропаганде анархических идей. Ванцетти к тому же был хороший оратор, очень часто выступавший на всевозможных массовых митингах и собраниях.

За душами этих анархистов давно уже охотились агенты департамента юстиции и искали удобного случая, чтобы избавиться от этих опасных и нежелательных иностранцев. Но для того, чтобы депортировать их из страны, у департамента юстиции не было прямых доказательств неблагонадежности, без которых, ввиду поднявшегося в обществе ронота, суды в то время стали отказывать в санкциях депортации.

Но агенты департамента юстиции не хотели выпускать попавших в их руки жертв, и пытались создать против них политическое дело, чтобы добиться депортации.

Первые допросы Сакко и Ванцетти собственно и носили политический характер. Их спрашивали относительно политических убеждений, лояльности к правительству С. Штатов, знакомств с известными, уже депортированными, итальянскими анархистами, принадлежности к радикальным организациям и т. п.

И у Сакко и Ванцетти сложилось определенное мнение, что их намерены преследовать за политическую деятельность, что их может быть ожидать судьба Солседа, а в лучшем случае — муки, пытки и депортация из страны.

Все это заставляло их быть весьма осторожными в ответах на допросах. Они, разумеется, не могли говорить правду о том, где они были, что делали, с кем и о чем со своими товарищами разговаривали, не могли они на первом допросе сказать, что им нужен был автомобиль для того, чтобы предупредить всех своих друзей очистить свои квартиры от всякой компрометирующей

радикальной литературы, и избежать таким образом ареста и других неприятностей.

Сказать все это прямо — значило бы с головой выдать себя и подвергнуть опасности своих товарищей, что, по понятиям революционной этики, было бы равносильно предательству.

Сакко и Ванцетти на такое черное дело были не способны. Они решили обманывать своих врагов и палачей, чтобы ничем не повредить и не подвергнуть опасности своих товарищей.

Все эти “ложные и противоречивые” показания, главным образом, и послужили впоследствии к их осуждению.

Когда ловкие сыщики и агенты департамента юстиции достаточно сбили с толку и запутали в показаниях мало сведущих во всех этих судебных ухищрениях людей, они повернули дело в другую сторону.

Департаменту юстиции надо было избавиться от этих двух анархистов, а полицейским властям и сыщикам показать свою работу и обнаружить виновников ограблений.

Защита Сакко и Ванцетти упорно и напрасно добивалась представления в суд переписки, происходившей между департаментом юстиции с одной стороны и полицией и прокуратурой — с другой. Из этой переписки, по утверждению двух бывших агентов юстиции, с несомненностью явствует, что ни у полиции, ни у агентов юстиции не было никаких оснований приписывать дело о грабеже и убийствах — Сакко и Ванцетти, и что было создано это дело искусственно, в результате сговора между полицией и агентами юстиции, чтобы одним ударом убить двух зайцев: “обнаружить” грабителей и избавиться от двух опасных радикалов. Осуждение их по уголовному делу устраивало бы и Департамент юстиции и полицию.

В представлении этой переписки защита было отказано. Федеральные, мол, секреты не подлежат оглашению на суде...

Не из за одного простого любопытства защита требовала от бостонской конторы Федерального департамента юстиции

представления этой переписки. Ей удалось получить от двух бывших агентов этого департамента, Летермана и Вейнера, (первый из них пробыл на этой службе 36 лет, а второй — 8 лет) сделанные под присягой заявления о том, что “осуждение Сакко и Ванцетти было результатом сговора между бостонскими агентами департамента юстиции и прокурором окружного суда.”

Эта переписка была бы очень важна в том отношении, что она раскрыла бы закулисную сторону дела Сакко и Ванцетти, я показала бы, что уголовное обвинение их возникло чисто случайно, искусственно, после того, как против попавших в руки полиции, хорошо известных в этом штате, анархистов нельзя было создать политического дела и добиться их депортации.

Самый арест Сакко и Ванцетти, 5 мая 1920 года, т. е. спустя 20 дней после грабежа и убийства в Саут Брайнтри, был чисто случайным. Палмерская антирадикальная эпидемия все еще давала себя чувствовать в это время в штате Массачусетс. Полиция была на стороже и задерживала всех “подозрительных” иностранцев.

Арест Сакко и Ванцетти в вагоне трамвая полицейским произошел вследствие “подозрительности” этих двух итальянцев. Иными словами говоря, полицейский усмотрел в их физиономиях нечто крамольное и радикальное. (Ванцетти носил усы, а не брил их, как это полагается по американскому обычаю). Он и потащил их в участок для того, чтобы они дали ответ перед начальством.

Надо отметить одно важное обстоятельство, которое должно, казалось бы, послужить веским, хотя и косвенным доказательством, непричастности Сакко и Ванцетти к уголовному преступлению.

Арестовал их всего лишь один полицейский, которому они не оказали никакого сопротивления, хотя оба имели при себе, спрятанными, револьверы. Полицейский наспех их обыскал, но револьверов не нашел, и сопровождал в полицейский участок “подозрительных” вооруженных людей, нисколько не подозревая об этом.

Если бы Сакко и Ванцетти действительно были участники бандитской шайки, совершившей два вооруженных ограбления с двумя убийствами, то, более чем вероятно, они не позволили бы одному полицейскому арестовать себя, оказали бы ему вооруженное сопротивление, и сделали бы попытку к побегу.

Но ничего подобного не случилось. Люди эти не содеяли никаких уголовных преступлений, их совесть была чиста, и они не считали нужным нападать на арестовавшего их полицейского.

Хотя они и анархисты, хотя и имеются у них револьверы, но все может окончиться непродолжительной тюремной сидкой за хранение оружия без надлежащего разрешения, а в худшем случае — депортацией из страны. Так, вероятно, думали Сакко и Ванцетти, когда их сопровождал в полицейский участок одинокий полисмен.

В полицейском участке, как уже было сказано выше, арестованных третируют, как политических, и стараются получить от них инкриминирующие в этом смысле показания, чтобы создать дело о депортации.

Когда все эти допросы окончились безрезультатно для полиции, то, по мысли агентов департамента юстиции (политическая полиция), в соседнюю с Сакко камеру тюрьмы был посажен сыщик — шпион для подслушивания за их разговором. И этим путем полиция ничего не узнала.

Допознательств для политического дела не было. Жертвы ускользали из рук агентов департамента юстиции.

Вот в этот момент и приступили к фабрикации уголовного дела против Сакко и Ванцетти.

Фреймирование (frame up) этого дела душой которого является начальник бриджвотерской полиции Стюарт и прокурор Каппан, происходило по следующему плану:

Оба преступления в Бриджвотере (покушение на вооруженное ограбление) и в Саут Брайнтри (ограбление с двумя убийствами) совершено одной и той же итальянской шайкой бандитов, участниками которой и являются Сакко и Ванцетти. Их, следова-

тельно, и надо привлечь к ответу по этим делам.

Стали создавать ранние Бриджвотерское дело, но наткнулись на маленькое затруднение: участие в этом преступлении ни в коем случае нельзя было приписать Сакко, так как последний в день его совершения работал в обувной фабрике.

Ванцетти, — продавец рыбы с подвижного лотка (пэдлер), и, следовательно, свой собственный хозяин, — не мог представить такого несомненного alibi, какое имелось в отношении Сакко. К суду по этому делу был привлечен лишь один Ванцетти. И хотя более 20 свидетелей удостоверили на суде, что в момент совершения преступления — накануне Рождества — 24 декабря 1919 г., он продавал им рыбу в Палмуте, был, следовательно, в другом месте, и не мог быть участником преступления в Бриджвотере, судья Тайер и прокурор Каппан добились осуждения Ванцетти по этому делу на основании одного показания мальчика — газетчика, заявившего, что, спрятавшись во время перестрелки за телеграфный столб, он мельком видел убегавшего преступника и "он знал по тому, как этот преступник бежал, что это был иностранец."

И суд сделал из этого заключение, что иностранец этот был никто иной, как Ванцетти, тем более, что у него, четыре месяца спустя, после нападения в Бриджвотере, были найдены пули, имевшие сходство с теми, которыми отстреливались бандиты в Бриджвотере.

Судья Тайер приговорил Ванцетти к вышей мере наказания от 6 до 12 лет только за одно покушение на ограбление, сопровождавшееся перестрелкой, но не убийством или ранением кого бы то ни было.

Это дело явилось как бы пробным шаром, и подготовкой более важного судебного процесса, закончившегося смертным приговором для обоих обвиняемых.

Над фабрикацией Саут-Брайнтрекского дела больше всего поработали прокурор Каппан, судья Тайер и губернатор Фуллер. Помогали им, разумеется, агенты департа-

мента юстиции, полицейские сыщики, лже-свидетели и прочие вольные и невольные лакеи толстосумов.

В конторе прокурора Кацмана был разработан план заговора против жизни этих невинных людей. Прокурор Кацман был творцом и вдохновителем этого заговора, и под его опытным руководством приводились в исполнение все адские, преступные замыслы.

По Саут-Брайнтрскому делу были привлечены к ответственности оба обвиняемые. Мы уже знаем, что сузя Тайер и прокурор Кацман не пожелали считаться с "алиби" Ванцетти в Бриджвотерском деле на том основании, что в подтверждение его были выставлены свидетели - итальянцы.

Случилось так, что 15 апреля 1920 года, в день совершения преступления в Саут Брайнтри, Сакко не был на работе. За это случайное совпадение фактов и ухватилась прокуратура.

Где же был Сакко? Он в этот день ездил в Бостон, и в 2 ч. 15 м. дня был в итальянском консульстве за получением паспорта на поездку в Италию. Он принес с собой слишком большую фотографическую карточку вместо маленькой, которая приклеивается к паспорту, и консульский чиновник поэтому хорошо помнил лицо этого, непонимающего правил, своего соотечественника. Данное под присягой показание этого чиновника устанавливало "алиби" для Сакко. Если он был в Бостоне в 2 ч. 15 м. дня то, следовательно, он не мог участвовать в ограблении в Саут Брайнтри, совершенном около 3-х часов того же дня.

Ванцетти сослался на многих своих покупателей рыбы в день преступления, которую он продавал в другом городе. Этим исключалась возможность и его участия в преступлении.

С этими алиби ни следственные власти, ни суд не пожелали считаться.

На каких же данных и доказательствах было построено обвинение?

На различных случайных, косвенных уликах, явно вымышленных и сомнительных свидетельских показаниях.

Следственная власть подбирала только таких свидетелей, показания которых могли быть использованы против обвиняемых.

Во время следствия, например, не пожелали даже формально допросить и внести в протокол показание одного из очевидцев грабежа и убийств, — продавца бритв Голда, в которого одним из грабителей был произведен выстрел, коснувшийся, к счастью, только его пиджака. И лишь потому, что Голд не признал в Сакко и Ванцетти участников преступления - следственная власть не пожелала воспользоваться показаниями этого свидетеля.

И через весь процесс красной нитью проходит игнорирование и полное нежелание со стороны суда считаться с какими бы то ни было доказательствами — прямо или косвенно устанавливавшими непричастность Сакко и Ванцетти к данному преступлению. В каждом слове и вопросе, в каждом действии и поступке суда и прокуратуры проявляется в отношении обвиняемых пристрастие и враждебность, предубеждение и плохое замаскированное желание добиться какой угодно ценой осуждения "проклятых анархистов."

Опознание Сакко и Ванцетти свидетелями - очевидцами преступления походило скорее на фарс, чем на серьезное дознание. Залодозренное в преступлении лицо обыкновенно пред'является для опознания в группе других лиц. Сакко и Ванцетти же пред'являлись полицией свидетелям для опознания в одиночку. Еще до опознания полиция показывала свидетелям их фотографические карточки. У свидетеля уже заранее фиксировалось известное фальшивое представление о лице, которое ему предстоит опознать, внушаемое полицейскими и следственными властями.

Кроме всего этого, полиция еще заставляла Сакко и Ванцетти разыгрывать перед свидетелями их опознававшими, роль производящих нападение бандитов... Словом, полиция прибегала ко всяким ухищрениям, чтобы добиться "результатов."

Главные свидетели со стороны обвинения — Мэри Сизэйн и Франсес Девлин

лишь мельком, одно мгновение, видели быстро мчавшихся в автомобиле бандитов из окна второго этажа фабрики, у которой произошло ограбление. Убегавший со скоростью от 15 до 18 миль в час автомобиль, находившийся от них в 60 - 80 футах, они могли наблюдать на расстоянии около 30 футов, т. е. не дальше от одной с половиной до трех секунд. Запомнить какие либо приметы скрывающихся, при таких обстоятельствах, незнакомых людей, представляется совершенно невозможным с психологической точки зрения.

Д-р Мортон Принс — профессор абнормальной и динамической психологии Гарвардского Университета, — анализируя показание Мэри Силэйн, год спустя на суде признавшей в Сакко — грабителя и описавшей 16 различных примет этого человека, — определенно утверждает, что психологически невозможно в три секунды (когда перед взором ее промелькнул автомобиль) заметить столько примет. Все эти приметы запечатлелись у нее в памяти уже после преступления, когда ей приходилось сталкиваться с обвиняемыми на полицейском и судебном дознаниях.

Если бы, говорит проф. Принс, Сакко в первый раз был показан Мэри Силэйн не в одиночку, а в группе, то свидетельница, конечно, не могла бы его опознать и, таким образом, была бы предупреждена “фальсификация памяти.”

Показание свидетельницы Дэвлин еще более сомнительно. На суде она, как и Силэйн, “опознала” Сакко. Но на допросе, месяц спустя после совершения преступления, она заявила, что он похож на виденного ею в автомобиле бандита, но что положительно утверждать этого она не может.

Два других очевидца грабежа, наблюдавшие его из окна третьего этажа той же самой фабрики, в которой работали две упомянутых свидетельницы, имевшие, следовательно, такую же самую возможность видеть преступников, как и эти свидетельницы, — на суде заявили (Фергусон и Пирс), что они не могут ни опознать в обвиняемых грабителей, ни дать описание примет последних,

так как видели их одно лишь мгновение.

Фергусон показал, что он видел “итальянца с большой бородой”, а Пирс, что — “черноватого человека с револьвером.”

Молодой обувной закройщик Пелцер, работавший в той же фабрике, показал, что, услышав стрельбу, он открыл окно, чтобы посмотреть, и заметил человека, убившего Берарделли. В окне он простоял около минуты.

На суде Пелцер дал двусмысленное показание.

Вопрос: Видите ли вы в суде человека, убившего Берарделли?

Ответ: Я не скажу, что это он (указывает на Сакко), но он — подлинное изображение его.

В.: Вы заявляете, что не можете сказать, что это — он, но что он подлинное изображение его? Что вы подразумеваете под этим?

О.: Он имеет такую же внешность.

Такое показание Пелцер дал на суде. На предварительном же следствии, вскоре после ареста Сакко, во время перекрестного допроса, Пелцер заявил, что “он недостаточно видел, чтобы опознать кого бы то ни было.”

Допрошенные трое рабочих, находившихся с Пелцером в одной комнате, показали, что он в окно совсем не смотрел, а спрятался под скамейку, когда услышал на улице выстрелы.

Сакко был еще “опознан” Лолой Андриус — женщиной сомнительной нравственности, показавшей, что она будто бы видела утром его и другого “светлого человека” (это не мог быть Ванцетти) стоявшими возле автомобиля у фабрики, где произошло ограбление.

Другая женщина, Кэмпбел, ходившая вместе с Лолой Андриус в поисках работы на фабрику, опровергла показание своей знакомой, и не признала в Сакко и Ванцетти людей, находившихся у автомобиля.

Лавочник Курлянский передал на суде свой разговор с Лолой Андриус, в котором она жаловалась ему, что власти таскают ее по тюрьмам и требуют, чтобы она опознала

виновников преступления, которых она совершенно не знает.

Были и другие свидетельские показания, устанавливавшие ложность свидетельств Лолы Андрус, но несмотря на все это, эта проститутка фигурировала на суде в числе главных свидетелей обвинения.

И еще один лжесвидетель Карлос Гудрич, услугами которого прокуратура не побрезгала воспользоваться. Этот свидетель, как выяснилось после суда, сам — уголовный преступник, скрывшийся от суда. Свои показания он давал под вымышленным именем и фамилией. Семь месяцев спустя после ареста Сакко, он “опознал” его в первый раз, а затем на суде во второй раз, как участника преступления, который при удалении автомобиля “направил в него револьвер.” Гудрич в момент совершения преступления находился в билиардной, и “видел” он Сакко, когда открыл дверь, чтобы посмотреть на улицу.

Целый ряд свидетелей, выставленных защитой, опровергают достоверность показаний этого свидетеля. В разговоре с этими свидетелями, Гудрич определенно заявлял, что перед ним лишь промелькнули лица бандитов с револьверами в руках, но что опознать кого бы то ни было из них он не может. На суде он, однако, говорил совсем иное. Он всемерно помогал прокуратуре в надежде, что эта заслуга не забудется при разборе его собственного дела. Так оно и случилось. После осуждения Сакко и Ванцетти, Гудрич открыл себя и предстал перед судом по своему делу. Прокуратура и суд оказались снисходительны к этому лжесвидетелю, и хотя обвинялся он в совершении крупного воровства, дело это было замято. Гудрич получил свои тридцать серебряников.

В отношении Ванцетти имеется несколько сбивчивых и сомнительных свидетельских показаний.

Свидетель Фолкнер показал, что проездом по железной дороге из Кочесетта в Бостон он заметил в поезде пассажира, остановившегося в Ист Брайнтри в 9 ч. 45 м., в котором он “опознал” Ванцетти. Это показание было настолько глупатым, и при

том противоречило показаниям трех других железнодорожных служащих, что всерьез его нельзя было принимать.

Железнодорожный сторож Рид, час спустя после ограбления, и на значительном расстоянии от места его совершения, видел перехавший переезд автомобиль, и “опознал” в Ванцетти человека, занимавшего переднее место в автомобиле. Это показание расходилось с мнением прокуратуры о том, что Ванцетти сидел в автомобиле сзади, а не спереди. Рид также заявил, что находившееся в автомобиле лицо говорило на безошибочном и ясном английском языке, в то время, как Ванцетти по-английски говорил настолько плохо, что на суде пришлось прибегнуть к помощи переводчика.

Гарри Долбир, между 10 и 12 часами дня, будто бы видел в С. Брайнтри проехавший мимо него автомобиль, в котором находилось пять “подозрительных” иностранцев. В одном из них он “опознал” Ванцетти. Он, как и в случае с другими свидетелями, видел проехавший автомобиль лишь мельком; он не мог дать никакого описания примет других, бывших в этом автомобиле, людей. “Этот один человек (Ванцетти) обратил на себя мое внимание” — заявил на суде Долбир.

Сторож железнодорожного переезда, Леванжи в Саут Брайнтри, показал, что автомобиль с грабителями подъехал к переезду, как раз в тот момент, когда он закрывал ворота переезда. Один из грабителей, сидевший в середине автомобиля, пригрозив револьвером, заставил его открыть ворота и пропустить автомобиль. Леванжи “опознал” в Ванцетти человека, управлявшего этим автомобилем.

В разговоре с железнодорожным кочегаром, Мак-Карти, три четверти часа спустя после этого инцидента, Леванжи сказал ему, что, при виде направленного в него револьвера, он спрятался в свою сторожевую будку, и был настолько перепуган, что никого из грабителей не мог разглядеть.

Кроме того, другими свидетелями было установлено, что автомобилем управлял молодой человек, светло - русский, в то время,

как Ванцетти — человек средних лет, с черными волосами и усами, и автомобилем он управлять не умел.

Такова сущность свидетельских показаний со стороны обвинения. Все они носят не достоверный, двусмысленный или гадательный характер. Не подтвержденные другими фактами, эти показания не должны были иметь существенного значения для дела.

Защита представила целую массу доказательств в пользу непричастности Сакко и Ванцетти к данному преступлению. Уже было упомянуто об алиби Сакко, бывшего в итальянском консульстве в момент совершения преступления. 30 свидетелей очевидцев грабежа удостоверили, что Ванцетти не было в числе бандитов, скрывшихся в автомобиле. 13 свидетелей показали, что он в этот день был в Плимуте, и был занят продажей рыбы.

— ** —

Сакко и Ванцетти были арестованы 5 мая 1920 г., 14 октября того же года преданы суду, 31 мая 1921 года в Дедгаме, Норфолкского уезда, началось судебное разбирательство их дела, продолжавшееся около 7 недель и закончившееся 14-го июля 1921 года вынесением смертного приговора.

Суд происходил с участием присяжных заседателей под председательством судьи Вебстера Тайера из Уорсестера, Масс.

Главным защитником по делу был — Фред Мур — сам радикал и профессиональный защитник радикалов. Он — уроженец западного штата, к адвокатскому сословию штата Массачусетс не принадлежал, и не был знаком с традициями и обычаями массачусетского правосудия. Он был в этом штате “чужой” человек, и между ним и судьей Тайером сразу же установились неприязненные отношения.

На суде не могло состояться выбора присяжных заседателей с обоюдного согласия сторон, т. е. защиты и прокуратуры. Защита опротестовывала присяжных заседателей, угодных прокуратуре, а последняя — приемлемых для защиты.

А в таком случае судья имеет право избирать присяжных по своему усмотрению, по-

ручив полиции разыскать для этой надобности подходящих людей. Полиция, разумеется, постаралась и нашла “надежных” присяжных из отставных полицейских, и вообще “богобоязненных” и благонамеренных людей.

Как были настроены подобранные полицией присяжные в отношении обвиняемых, можно судить по следующему факту:

Доли, приятель старшины присяжных Рипли — отставного начальника полиции г. Квинси, — под присягой показал, что, встретившись с Рипли на железнодорожной станции, последний сказал ему, что он назначен в присяжные заседатели по делу двух “гитинис” (американская оскорбительная кличка итальянцев). Когда Доли высказал ему свое мнение о невиновности их в этом преступлении, то будущий старшина присяжных так отозвался о подсудимых: “Будь они прокляты: они должны быть повешены во всяком случае.”

Занутанности дела много способствовало и плохое понимание английского языка Сакко и Ванцетти. Они часто не понимали задаваемых им на суде вопросов, и давали плохо понятные для суда ответы.

Пришлось прибегнуть к помощи переводчика, который в свою очередь стал при переводе искажать их ответы. Пришлось поэтому пригласить еще одного частного переводчика, который следил бы за казенным переводчиком. Последний, вскоре после суда, сам попал под суд за воровство.

Проф. Феликс Франкфуртер, в своей замечательной книге “The Case of Sacco and Vanzetti” (“Дело Сакко и Ванцетти”), между прочим, пишет, что в течение 1918-19 г. г. в Соед. Штатах апелляционным судом было отменено 48 обвинительных приговоров за неподобающее поведение на суде судей и прокуроров; в 33 из этих случаев приговоры были отменены вследствие воспалительных речей прокурора о предметах, не имевших прямого отношения к делу.

Нью-йоркский апелляционный суд например, отменил приговор присяжных на том основании, что прокурор в своей речи доказывал присяжным, что фамилия обвиняемого

“Эспозито” означает — незаконнорожденный, что он — иностранец, избегающий военной службы.

Дело Сакко и Ванцетти изобилует подобными воспламенительными речами прокурора и пристрастными действиями судьи Тайера. Все их усилия были направлены не на выяснение истины в этом деле, а на ее сокрытие, и главным образом — на возбуждение и восстановление присяжных заседателей (и без того предубежденных) против обвиняемых.

Сакко и Ванцетти, как известно, уклонились от военной службы. В своем обращении к присяжным, судья Тайер называет последних “верными солдатами, явившимися на призыв, чтобы исполнить долг американской лояльности,” т. е. расправиться с иностранцами, зараженными пораженческими настроениями.

Прокурор Кацман свою обвинительную речь закончил призывом к присяжным быть солидарными в отношении иностранцев:

“Господа присяжные! Исполните ваш долг. Исполните его мужественно! Будьте непоколебимы, о, вы, люди Норфолка!”

Само собой понятно, что ни уклонение обвиняемых от воинской повинности, ни их анархические убеждения не имели ничего общего с делом об ограблении. Но прокуратура на суде самым незунтским способом все это использовала для предубеждения присяжных против Сакко и Ванцетти.

Вот, например, вопросы прокурора Кацмана и ответы Ванцетти:

В.: Итак, вы оставили Плимут, г-н Ванцетти, в мае 1917 года, чтобы избежать призыва на военную службу?

О.: Да сэр.

В.: Вы агитировали бы на публичных митингах солдат против войны? Этот ли вы человек?

О.: Да, сэр, я — этот человек, а не человек, которым вы хотели, чтобы я был (т. е. бандитом), но я этот человек.

На “крамольничестве” Сакко прокурор играл на суде еще больше.

В.: Вы сказали вчера, что любите свободную страну?

Да, сэр.

В.: Вы уехали в Мексику, чтобы избежать военной службы в стране, которую вы любите?

О.: Да.

В.: Было ли бы хорошо показать вашу любовь к жене тем, что в то время, как она нуждается в вас, вы убежали бы от нее?

О.: Я не убежал от нее.

В.: Не думаете ли вы, что оставление своей страны является вульгарным поступком в то время, когда она нуждается в вас?

О.: Я противник войны.

В.: Вы не верите в войну?

О.: Нет, сэр.

Не думаете ли вы, что вы поступили коварно?

О.: Нет, сэр.

В.: Думаете ли вы, что в данном случае совершили храбрый поступок?

Да, сэр.

В.: Думаете ли вы, что было бы достойным поступком покинуть свою жену?

Нет.

В.: Когда она нуждается в вас?

Нет.

В.: Измеряется ли ваша любовь к этой стране суммой зарабатываемых денег?

О.: Я никогда не любил денег.

Затем следует вопрос прокурора, что Сакко подразумевает под свободной страной, и его длинный, на ломаном английском языке, мало связанный ответ. В нем он говорит о капиталистической эксплуатации рабочих, об их преследованиях властью, о господстве в этой стране толстосумов, о рабской доле трудящихся, о невозможности для рабочего послать своих детей в Гарвардский Университет, о войне, затеянной капиталистами и других неприятных для суда и присяжных вещах.

Судья Тайер, в своем резюме дела, занимающем 24 страницы, являющемся постановлением для присяжных заседателей, обходит или замалчивает все спорные пункты и сомнительные места, могущие быть истолкованными в пользу обвиняемых.

Различным отвлеченным юридическим рассуждениям в этом резюме уделено 14

страниц. Лишь мимоходом и в общих выражениях касается судья разных, противоречивых свидетельских показаний относительно опознания Сакко и Ванцетти. Этому вопросу он отводит только 2 страницы, не делает оценки степени достоверности этих показаний и даже не упоминает фамилии ни одного свидетеля.

Вопрос о том — были ли Сакко и Ванцетти 15 апреля в Саут Брайтри для судьи Тайера, повидимому, существенного значения не имел. Зато целых пять страниц резюме посвящены, так называемой, “сознательности вины” (consciousness of guilt).

В этот разряд улик входит поведение Сакко и Ванцетти в гараже Джонсона, куда они, вместе с Бодой и Орчани, явились, чтобы получить автомобиль, который им был нужен для предупреждения своих друзей-радикалов о возможности у них обысков и необходимости сокрытия литературы после того, как накануне им стало известно об убийстве в Нью Йорке, в охранном отделении, их товарища — анархиста Солседо.

Они, разумеется, вели себя осторожно, боясь ареста, депортации и, возможно, судьбы Солседо. Этим и объясняется то обстоятельство, что они следили за женой Джонсона (и не без оснований), отпавившейся в соседний дом, чтобы по телефону донести полиции.

Но то, что они послушались совета Джонсона и не воспользовались автомобилем без надлежащего номера, — не говорит ли это в их пользу. Если бы они были грабители, совершившие несколько серьезных преступлений, то, конечно, не стали бы считаться с таким пустяком, как неимение номерной доски на автомобиле, и им все таки воспользовались бы помимо всяких уговоров, и даже могли бы увести его силой.

Будучи арестованными, Сакко и Ванцетти давали неверные показания, лгали полиции опять таки ради того, чтобы не подвергать опасности ареста своих друзей — радикалов, за которыми в то время еще охотилась полиция. Они, например, отговаривались незнанием Боды.

И дальше — револьверы. В Америке

это — самая обыкновенная вещь. Даже дети имеют револьверы. У Сакко был найден 32-х калиберный Кольт. Сакко привык к ношению оружия в бытность свою ночным сторожем. Ванцетти, хотя и мелкий продавец рыбы, тоже имел основание носить оружие для самообороны.

Из тел убитых Парментера и Берарделли было извлечено шесть пуль. Пять из них были выпущены из револьвера системы “Стар”, а шестая — из Колта. Револьвер Ванцетти оказался совершенно другой системы. У Сакко же был найден Кольт.

На сцену появились эксперты, потратившие немало усилий на то, чтобы найти какие либо доказательства тому, что извлеченная из тела Берарделли пуля была выпущена из револьвера Сакко.

Экспертиза, разумеется, производилась закулисно. И добытый ею результат был далеко не удовлетворительным для прокурора Кацмана. Он потребовал от экспертов определенного показания, что убившая Берарделли пуля прошла через револьвер Сакко. Такое показание главный эксперт капитан Практор отказался дать. Но чтобы помочь все таки прокуратуре, согласились на том, что на суде кап. Практор покажет, что злополучная пуля “похожа на выстреленную из револьвера Сакко.”

Прокурор Кацман, знавший подлинный смысл экспертизы, внушал, однако, на суде присяжным заседателям:

“Вы можете не считаться с опознанием свидетелями обвиняемых, и основать свой вердикт на показаниях этих экспертов.”

Судья Тайер этой двусмысленной экспертизе тоже придал важное значение, истолковав ее присяжным заседателям в том смысле, что пуля, которой был убит Берарделли, была выпущена из револьвера Сакко.

Защита во время суда, очевидно, по оплошности, не сделала возражений против заключения экспертов, и не попыталась объяснить перед судом более ясно смысл данного ими показания.

Впоследствии, после осуждения, защита возбудила ходатайство о пересмотре дела

вследствие вновь открывшегося обстоятельства, а именно: главный по делу эксперт, он же начальник штатной полиции, капитан Практор в заявлении, сделанном под присягой, раскрыл подлинный смысл своей экспертизы. В этом заявлении он говорит, что прокуратура, на предварительном следствии, все время настаивала, чтобы найти улики, устанавливающие факт рокового выстрела из револьвера Сакко, но что найти эти улики не было никакой возможности.

И он, Практор, откровенно заявил прокурору, что хотя пуля и была выпущена из такого же самого 32-х калиберного Кольта, какой был найден у Сакко, но положительно не сказать на суде, что выстрел был произведен именно из Кольта Сакко — он не может.

Прокуратура тогда бросилась на хитрость, и поставила вопрос не прямо, а двусмысленно. Ответ тоже носил такой же характер, которому, однако, и прокуратура и судья придали важное значение на суде. Очевидно, что и присяжные заседатели были такого же мнения об этой экспертизе, и может быть всецело базировали свой вердикт на ней.

Судья Тайер, однако, не был смущен этим обстоятельством. Он отказывает защите в новом пересмотре дела на том основании, что "с его ограниченным знанием капитан Практор не удостоверял, что роковая пуля прошла через револьвер Сакко, но что она могла пройти."

Мнение судьи Тайера об экспертизе, как видно из этого, совершенно изменилось три года спустя после разбора дела; на суде же он говорил присяжным о положительности утверждения экспертизы.

Почему судья Тайер тогда не высказался в таком смысле перед присяжными заседателями? Когда ему надо было ввести в заблуждение присяжных, он говорил совершенно другое. Тогда ему надо было добиться обвинительного вердикта. Но когда тот же самый эксперт разоблачает судебные махинации и выбивает почву из под ног обвинения, то у судьи Тайера меняется мнение об экспертизе, он пугается назад, и счи-

тает ее не существенной после того, как, может быть, на основании этой, подтасованной и ложно переданной присяжным, экспертизы был вынесен смертный приговор.

Со времени 1-го октября 1923 года, когда защиту дела принял на себя известный бостонский адвокат Вильям Томпсон, был возбужден целый ряд ходатайств о пересмотре дела. Все эти ходатайства судья Тайером неизменно отклонялись.

**

Последнее ходатайство о пересмотре дела было возбуждено после того, как Салестино Мадейрос, содержащийся в одной и той же тюрьме вместе с Сакко и Ванцетти, сделал формальное заявление об его участии в шайке, совершившей ограбление и 2 убийства в Саут Брэйнтри, за которое осуждены Сакко и Ванцетти.

Мадейрос несколько раз пытался передать Сакко, что он знает настоящих виновников преступления, но Сакко на это не обращал внимания, опасаясь, что в лице Мадейроса он имеет дело с подосланным властями шпионом. (Власти, как известно, держали одно время шпиона в соседней с Сакко тюремной камере, и шпион проник даже в состав бостонского комитета защиты).

18-го ноября 1925 года, через тюремного надзирателя, Сакко была вручена записка следующего содержания:

"Сим сознаюсь, что я являюсь участником преступления, совершенного у обувной фабрики, и что Сакко и Ванцетти не были участниками его.

Салестино Ф. Мадейрос."

Молодой португалец Мадейрос содержался в тюрьме по делу об убийстве во время покушения на ограбление банка. Его дело, по апелляции, находилось на рассмотрении высшего суда, который впоследствии приговор первой инстанции отменил.

Само по себе сознание Мадейроса, над которым висел смертный приговор, не имело особенного значения для дела Сакко и Ванцетти, тем более, что Мадейрос, когда его стали допрашивать, решительно отказался назвать других соучастников преступления.

Себя он несколько не щадил, но других всечески выгораживал и старался сбить с толку и прокуратуру и защиту.

О самом преступлении он рассказал следующее:

В 1920 году он, Мадейрос, тогда 18-ти летний юноша, жил в Провиденсе. Он уже имел за собой несколько судимостей, и принадлежал к шайке итальянцев, занимавшейся кражами из вагонов. Однажды, ему предложили принять участие в ограблении артельщика в Саут Брэйнтри. Он согласился. Как 18-ти летнему новичку, ему предложили второстепенную роль — сидеть в автомобиле сзади с револьвером в руках, и помогать удерживать толпу, если она сделает попытку задержать автомобиль.

В ограблении, кроме Мадейроса, приняли участие три итальянца и "сухопарый парень, светловолосый." Чтобы затруднить опознание, они пользовались двумя автомобилями. Уехали они на Гудсоне, а в лесу, вблизи Рандольфа, они обменяли его на Бьюик, доставленный одним из участников шайки, и в этом автомобиле прибыли в Саут Брэйнтри в полдень. Стреляли в артельщика и сторожа старший итальянец, — человек лет около 40, и другой. С подобранными убийцами и захваченными деньгами, они вернулись в Рандольфский лес, здесь опять обменялись автомобилями и поехали в Провиденсе. Было условлено здесь встретиться ночью в кабаке, чтобы разделить добычу.

Больше этого ничего не удалось добыть у Мадейроса.

Ловкий адвокат Томпсон, однако, на основании этих скудных сведений, смог установить, с известной долей вероятности, личности остальных участников преступления.

Мадейрос в своем показании заявил, что "шайка занималась ограблением товарных вагонов в Провиденсе."

Действительно, такая шайка (бр. Морелли) здесь была, и некоторые из ее участников во время совершения преступления в Саут Брэйнтри находились под судом за кражи из товарных вагонов. По пяти из 9 дел обвиняемые привлекались к ответственности за кражу обуви, отправленной

из Саут Брэйнтри фабрикой Слатер и Моррил и соседней с ней фабрикой Райс и Готчинс.

По тому, каким образом кражи обуви совершались, можно было предположить, что провиденская шайка имеет в Саут Брэйнтри соучастника, выезжающего отправки обуви по железной дороге. Этот соучастник шайки мог также ежедневно наблюдать проходящего с деньгами артельщика.

Здесь надо напомнить, что был ограблен и убит именно артельщик и сторож Слатер и Моррил фабрики, и что это преступление было совершено на улице, как раз у этой и соседней фабрики Райса и Готчинса. Братья Морелли, находившиеся под залогом до суда, нуждались в деньгах на защиту; источником их дохода было лишь преступление. Они находились на свободе до 25 мая, когда были осуждены и посланы в федеральную тюрьму в Атланту.

Как подходит данное Мадейросом описание примет участников ограбления к шайке братьев Морелли?

Главарь шайки, Джо — человек 39 летнего возраста. Его братья: Майк, Патен, Вотси и Фред. Другие участники шайки: Бибба Барон, Джим Блод, Манчини и Стив Поляк.

Бибба Барон и Фред Морелли 15 апреля находились в тюрьме.

По показанию Мадейроса, в автомобиле в Саут Брэйнтри было 5 участников, включая и себя, из коих три итальянца и шофер "поляк или фини, или человек из северной части Европы."

Две работницы Слатер и Моррил фабрики опознали в Стиве Поляке человека, которого в день совершения преступления видели стоявшим в течение получаса возле фабрики у автомобиля. Два других свидетеля, дававшие показания на суде по делу Сакко и Ванцетти, опознали в Джо Морелли человека, стрелявшего в артельщика и сторожа, и один свидетель опознал Манчини, как участника грабежа.

Другие факты тоже говорят за то, что Саут Брэйнтрское преступление — дело шайки Морелли.

Джо Морелли имел в это время 32 калиберный Кольт, Манчини имел револьвер такой же самой системы, пятью пулями из которого был убит артельщик. Майк Морелли, по заявлению Нью-Бедфордской полиции, имел автомобиль Бюик, который немедленно исчез после 15 апреля 1920 года. Эта полиция подозревала шайку Морелли в совершении преступления в Саут Брайнтри, но оставила ее в покое после того, как прокуратура ухватилась за Сакко и Ванцетти.

Вскоре после Саут Брайнтрского преступления, Мадейрос был послан в тюрьму на 5 месяцев за мелкую кражу. Сейчас же после выхода из тюрьмы у него в банке оказалось 2800 дол. Откуда взялись эти деньги? Конечно, это была доля Саут Брайнтского грабежа.

Целая масса фактов и веских доказательств были представлены судье Тайеру в подтверждение вновь открывшихся обстоятельств, определенно указывавших на совершение преступления шайкой братьев Морелли.

Судья Тайер, отказывая в новом пересмотре, побил все предыдущие рекорды пристрастия и предубежденности. Он изложил мотивы своего отказа в документе из 25.000 слов. Этот документ проф. Ф. Франкфуртер (бывший прокурор, а ныне декан юридического факультета Гарвардского Университета) называет "смесью передержек, извращений, подтасовок и обезображений фактов."

Документ этот настолько выявил судью Тайера в его настоящем садистском виде, что консервативный "Бостон Геральд", все время требовавший казни Сакко и Ванцетти, радикальным образом изменил свое мнение об этом деле, и потребовал нового разбора на том основании, что судья Тайер уклонился от своей обязанности беспристрастного арбитра, и "похож скорее всего на адвоката," вернее сказать бы — на прокурора.

В своей книге "Дело Сакко и Ванцетти", проф. Ф. Франкфуртер приводит несколько случаев осуждения американским судом к смертной казни лиц, оказавшихся,

при новом пересмотре дела, невиновными и по суду оправданными.

Дело китайца - студента Вана, приговоренного в Вашингтоне, Д. К., в 1922 году к смертной казни за убийство, очень напоминает процесс Сакко и Ванцетти. Попад в руки полиции по подозрению в убийстве, Ван прошел через "третью стеньгу", и под влиянием пыток "сознался" в преступлении, которого он, конечно, не совершил.

Суд присяжных вынес ему смертный приговор. Апелляционный суд утвердил приговор. Однако, благодаря заступничеству влиятельного адвоката Джона Дэйвиса, в дело вмешался высший федеральный суд.

Дело затем два раза рассматривалось при новом составе присяжных заседателей, и каждый раз они выносили обвиняемому оправдательный вердикт. Просидевший под смертным приговором в течение 7 лет, и в чем неповинный китаец - студент, был освобожден.

В прошлом году, в штате Нью Джерси, был освобожден из тюрьмы итальянец Морелло, невиновно осужденный за убийство своей жены, только благодаря ошибочности переводчика, неправильно передавшего суду смысл ответа обвиняемого на заданный ему вопрос.

Американское скоропалительное правосудие изобилует подобными ошибками осуждения совершенно невиновных людей. И каждый беспристрастный человек, хотя бы немного ознакомившийся с обстоятельствами дела Сакко и Ванцетти, несколько не задумываясь, скажет, что и в данном случае была совершена уже не судебная ошибка, а заранее обдуманное убийство двух, совершенно не причастных к этому уголовному преступлению, людей.

Почему так упорно отказывал судья Тайер в назначении нового суда?

Потому что этот выживший из ума старик прекрасно понимал, что при всей той массе доказательств, собранных защитой в течение этих кошмарных семи лет, устанавливающих полную и несомненную не причастность Сакко и Ванцетти к преступлению, за которое их казнили, никакой новый со-

став присяжных заседателей не вынесет им обвинительного приговора. И хорошо зная это, судья Тайер не желал подвергать всю свою дьявольскую работу риску, связанному с новым разбором дела, и выпускать из своих рук жертвы, обреченные им на смерть.

По тем же соображениям, по пилатовски, умыла свои руки губернаторская комиссия из лакействующих профессоров Гарвардского Университета.

Сакко на суде, заявив, что сыну бедняка не попасть в этот Университет, вероятно, не предполагал, что жрецы этого храма науки не только не впустят в него его сына, но и помогут властям отправить на тот свет и отца этого сына, высказывающего крамольные мысли, оскорбительные для зазнавшихся господ.

Умыли руки, страха ради толстосумов, и высшие блюстители юстиции — штатного суда и вашигтонские судьи федерального суда: Хольмс, Брандес, Тафт и Ко. Все они оказались жалкими трусами и лакеями “желтого дьявола.”

Нарядившись в палаческие колпаки, идя наперекор требованиям мирового общественного мнения, попирая свои собственные дешевенькие законы, изо всей мочи все господствующие и властвующие тянули на

эшафот заведомо ни в чем неповинных людей.

И добились своего: главный лакей толстосумов — губернатор Фуллер — нажал кнопку электрического стула и убил “проклятых анархистов.”

Радуйтесь и ликуйте! Упивайтесь кровью невинных, убитых вами людей!

Но не забудьте одного — что вы не сожгли на электрическом стуле ненавистной для вас идеи — Анархии, которая сокрушит крепкие стены ваших бастилий, разметет ваши виселицы и эшафоты, восстановит на земле поруганные и оплеванные вами права человека на жизнь, счастье и свободу, без тюрем и судов, без надругательств и казней.

Вы, убившие двух невинных людей, не забывайте того, что теперь вы — преступники и подлецы, что рано или поздно вам придется дать ответ за содеянные злодеяния.

Вечная память Сакко и Ванцетти, погибшим во имя великой идеи Анархии — свободы и братства всех людей!

Проклятия и позор убившим их палачам!

М. СУК.

Сентябрь, 1927 года.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕД. КОЛЛЕГИИ: Статья М. Сука представляет собой лишь часть работы, посвященной делу Сакко и Ванцетти.

Ввиду важности разоблачения судебных махинаций американского правосудия по делам анархистов, весьма желательно издание полной работы М. Сука отдельной брошюрой.

М. Сук также заканчивает другую большую работу об известном деле Чикагских анархистов.

Если издать обе эти работы вместе, то получилась бы небольшая книжка.

Заинтересованные в издании этих работ организации, группы и сочувствующие лица могут списаться с Издательской Группой журнала “Пробуждение.”

РАБИНДРАНАТ ТАГОР.

ВОСТОК И ЗАПАД

(ПРИМ. ПЕРЕВОДЧИКА: Появившаяся недавно в газетах заметка о том, что Рабиндранат Тагор, в разговоре с газетными репортерами, во время его последнего посещения Европы осенью 1926 г., высказал резкое осуждение Америки и намерение никогда больше сюда не приезжать, заставила редактора важнейшего американо-американского месячного журнала "Атлантик Монгли", обратиться с письмом к великому бенгальскому поэту и просить у него подробных разъяснений.

В июньской книжке "А. М." напечатано краткое письмо редактора вместе с ответной статьей Р. Тагора, заслуживающей по глубине мыслей и красоте изложения живейшего интереса).

Г. С.

I

Из вашего письма, только что полученного мной, я вижу, что одно из моих несчастных замечаний, насмеш сказанное в ответ на случайный вопрос относительно моих намерений посетить Америку, было, как бабочка, подхвачено на лету и приколото булавкой в одной из ваших газет. Неустанный современный печатный станок, у которого больше энергии, чем требуется для блага общества, видно на каждом шагу играет маловажными словами, облекая их слабой широкой рекламой, ими вовсе не заслуженной.

Наш век похож на ребенка, слишком развитого для своего возраста, который держит в руках сверх-современную игрушку — мегафон, неизменно усиливающий слабейший шепот, делая его доступным всем и каждому. Этим поддерживается безостановочный вихрь пыли, одинаково подхватывающий с земли цветы и гнилые листья. В былые времена, когда газеты еще были ограничены в средствах, печатное слово стояло на достойной высоте, избегая всячески будничных кривотолков и мертворожденных сплетен. Крайне мало гостеприимства оказывалось подозрительным иммигрантам, незаслуживающим права гражданства в мире литературы. Теперь дело обстоит наоборот. Ворота настежь открыты для всех праздно-

шатающихся и опустившихся субъектов в царстве печати. Они вводятся в ежедневное тесное общение с широчайшими массами, без предохранения от опасности заразы нечистоплотностью от прикосновения с ней. Широко разветвленные организации по сбору новостей и репортерские агентства раскинуты по всему белому свету. Их единственная цель — служить слишком уже занятым людям, ощущающим болезненную жажду тусклых фактов и разнузданных тем. Тем самым люди привыкают к умственному опному.

Постоянный спрос на опиум для ума, кончающийся пенем и дымом, уничтожающий тонкость вкусового чувства и аппетит к здоровой пище, лишь усиливает подпольную торговлю и подделку наркотических средств этого рода. Я в этом однажды убедился на личном опыте, во время моего путешествия по Соединенным Штатам, где я выступал с докладами. Ко мне обратились сыщики, находившиеся видно на содержании у заинтересованных лиц, и довели до моего сведения, что индусская революционная партия в Сан-Франциско будто бы вынесла постановление меня убить, ибо она не соглашалась с моими политическими взглядами. Эта "утка" была разнесена по всему миру, и когда я выслал протест с выражением подозрения в правдоподобности сей темной истории, мое обращение к печати не было напечатано. Очевидно тут была явно — политическая цель: усилить у американцев предубеждения против индусских выходцев, поселившихся в Америке, накануне новых законодательных мероприятий об эмигрантах из Азии, т. е. полного запрета их въезда. Впрочем возможно, что эта "новость" была слишком сенсационного свойства, чтобы допустить утрату ее яркости от тени сомнения, выраженного исключительно в интересах истины.

Вскоре после моего возвращения в Индию я узнал из японских газет, что против вышеупомянутой партии было возбуждено

судебное преследование за намерения свергнуть британское владычество над Индией. И мое имя также втянуто было в это дело. Я будто бы получал от немцев деньги для ведения противобританской пропаганды в Америке и для приготовления подпольными средствами восстания в Индии. Ко мне прибывало множество писем от американцев, упрекавших меня в злоупотреблении доверчивостью гостеприимной американской нации, считавшей меня чистейшим идеалистом. На посланную мной объяснительную телеграмму президенту Вильсону, с просьбой оказать мне некоторую защиту, ответа не последовало.

Это происходило в то время, когда американский народ с внезапной злобой вспомнил, что кровь гуще воды, совершенно забыв, что (в конце 18-го века) им же, с оружием в руках, прервана была политическая связь с единокровной нацией. Во мне лично, в результате подобных примеров, родилась мысль, что в аристократическом строе сильно культивируется чувство самоуважения, иногда даже в ущерб материальным интересам, и вообще охраняется высокий культурный уровень. Зато чистая демократия явно имеет тенденцию падать к низжайшему уровню посредственности, ибо все ее стремления направлены к расширению прав человека, а не к его высшему совершенству. Она намеренно изучает законы темных углов человеческой психологии, при помощи которых легко создать атмосферу лжи, а средством к этому служат неясные намеки, жесты, бешенный лай и дикие гримасы, имеющие все одну конечную цель — одурачить ум людей. Однажды, будучи в Чикаго, я повсюду на стенах видел одно и то же имя, расписанное на показ большими буквами и повторявшееся невероятное число раз, подобно монотонно вращающемуся дервину, который, долго танцуя, сам того не замечая, цепенеет и заодно вводит своих зрителей в умственное отупение. Вероятно имя это принадлежало какому-то кандидату во время политических выборов. Подумайте, какое оскорбление наносится народу, считающемуся у вас высшей инстанцией в государстве, когда по его адресу пу-

скается в ход чистейший гипноз взамен разумных средств, точь в точь как поступает доморощенный лекарь в глуши Центральной Африки!

Тот же самый дефект — неуважение к разуму, является виной того, что жадная легкая наживы повела у вас к открытию школ для обучения искусству доходного обмана, к устройству психологических мышеловок по навязыванию покупателям всяческих товаров, к распространению листовозаманчивых реклам на основе полнейшего надуательства. Это умонастроение имеет также свою аналогию в Индии, где огромное большинство населения, непринадлежащее к браминской вере, живет среди грубо-суеверной культуры и прибегает к приемам богослужения, представляющим собой в сущности пережиток примитивнейших форм месмерических (гипнотизирующих) обрядов. Результатом этого появилось быстрое вырождение самих браминов, сильный рост диких трав глупости, вытесняющих всходы высшей духовной жизни. И так создались очаги религиозного шарлатанства и густые сети суеверия, препятствующие на каждом шагу ходу прогресса. Мы с глубокой болью замечаем, как недоверие к лучшим чертам человека отлекает жизненные соки от того, что есть в нашей природе высокого, и отдает их тем качествам характера, на которых зиждется чисто детская глупость и неотесанность у взрослых людей.

Я всячески избегаю газетных репортажей, употребляя для этой цели наивысшие усилия нервов. В минуту же, когда я попадаю им в руки, я стараюсь не касаться сомнительных вопросов. Но в моменты рассеянности, когда ум утомлен, у меня вырываются неосторожные замечания, жадно подхватываемые журналистами. То, что мной было сказано в данном случае насчет вашей страны, было вызвано одним из моих поверхностных переживаний, которое рано или поздно покрылось бы пылью полнейшего забвения. Такое впечатление обычно образуется от столкновения быстро проходящего опыта с фоном нашей индивидуальной восприимчивости к тем или иным сторонам жизни. Эти следы меняются или стираются

от дальнейшего опыта или от долгого размышления.

Лично я не считаю свою темпераментную позицию по отношению к Америке вполне окончательной и справедливой. Ведь и мне самому хорошо известно с какой легкостью наши писатели выносят обвинительный приговор над народами Востока, в то время как они не имеют ни желания, ни времени заподозрить себя в полном невежестве! Я также уверен, что их слабое знание и традиционные предрассудки даже стирают выразительные черты у лиц, обрисованных ими, подобно тому, как нам неясны лица людей на картине, застланной от нашего взора густым туманом. Один раз во всей моей жизни, когда мне было лет семнадцать, я опубликовал в печати мой взгляд об англичанах, с которыми я тогда впервые лично встретился на их родине. Но уже и тогда я старался отличиться ловкостью пера и оттачивал свои предложения так, что ими можно было глумиться над истиной и искажать ее, но никак уже не давать ей правильного отражения. Это было лишь чванством строгостя, которому никак в ум не попало, что для самоуважающего себя знания требуется снот терпеливого проникновения в предмет, а не вспышка литературной спички, загоревшейся от слабого трения об одно краткое переживание.

Я твердо убежден, что в качестве великой нации вы имеете свою собственную сложную духовную личность, полную кажущихся противоречий. Она теряет свою тайну живой истины, лишь только ей дается логическое определение путем остро-отточенных линий, на подобие фрагмента нот, коих музыкальное значение нам непонятно. Когда, например, мы утверждаем, что Америка материалистична, мы указываем на факт слишком очевидный, чтобы быть истинным. Мне думается, что в американском уме, под его поверхностными слоями, можно обнаружить сильное течение идеализма. Ваш неукротимый индустриализм, высшим идеалом которого является безудержное умножение материальных богатств, должен неминуемо породить глубокую тоску по вечно-живым духовным ценностям. Я ничуть не сомне-

ваюсь, что от поры до времени это находит свое воплощение в единичных личностях, которые хотя и не особенно многочисленны, но все же являются представителями сонма грядущих поколений. Чтобы хорошо понять какой либо народ, нужно быть знакомым с такими людьми, которые с виду противоречат кажущейся природе нации, оставаясь на половину скрытыми за толстой ширмой очевидности, на подобие тонкого фитиля в объемистой лампе. У меня, однако, не оказалось случая встретить их, а потому я вынужден предложить вам, по заслуживающей им ценности, краткое описание моего личного опыта. На основе этого опыта образовалось мое мнение об Америке, и после него у меня прошла охота когданибудь рискнуть повторения подобных переживаний.

II

После моего посещения Японии в 1916 году я отправился в Калифорнию, приняв приглашение читать доклады в некоторых главнейших городах Соединенных Штатов. Темой моих лекций был "Национализм." На эту же тему я выступал с докладами в двух главнейших университетах Токио. В результате получилось то, что горячий прием, оказанный мне вначале японцами, сразу опустился до точки замерзания. Мне кажется, что терпимость по отношению к этой теме, обнаружившаяся в Соединенных Штатах, объясняется просто спесивым и самодовольным умом трезвых американцев, великодушно готовых простить мечтания восточного мудреца, пустившегося в размышления насчет чисто - практического вопроса. В то же время они обнаружили безотчетную веру в оккультизм этого мечтателя и видно приписывали ему безграничный кредит в каком то неимоверно солидном банке Небесного Царства. Я вспоминаю, как после одной из этих лекций ко мне подошел господин, пытавшийся распросить меня насчет личных секретов человека, о существовании которого мне ничего не было известно. Я почувствовал, что этому господину моя лекция показалась в высшей степени непонятной, и так зародилась в нем мысль о моих сверх-естественных силах. Но после всего, я не имею оснований жаловаться на

успех моих докладов, давший мне немного денег для моего учреждения в Индии и доставивший мне много признательности со стороны читателей книги "Национализм" в континентальной Европе.

В этой книге я описал западный культ националистического самообоготворения, потребовавшего себе человеческих жертв в чужих странах, эксплуатируя и оскорбляя в своем спесивом ослеплении физической мощью большую часть земного шара, и не терпящего ни малейшего знака протеста со стороны народов, на которых обрушилось это несчастье. Я указал каким образом это явление, путем пробуждения страстей ненависти и мести, накопившихся подобно динамиту в темной пропасти, отделяющей мир восточный от мира западного, создало величайшую мировую проблему нашего времени.

Тем временем великая война в Европе остановилась, на подобие закончившегося припадка у ошалевшего дьявола, обессиленного своим бешенством и, наконец, впавшим в сон, прерываемый, однако, криками и конвульсиями от страшных сновидений. Я ясно чувствовал, что под влиянием висельей над нами тучи новой катастрофы, угрожающей опять вовлечь весь мир в кровавое пожарное, обязанностью всех и каждого должно быть способствовать воспитанию молодого поколения в таком духе, чтобы оно увидело все свои проблемы с точки зрения общечеловеческих идеалов. Ведь самым важным фактом наших дней есть то, что спеной, на которой разыгрывается драма наших судеб, является весь мир.

Пусть политики орудуют этой мировой ситуацией согласно их традициям националистического фанатизма. Прочие же люди должны мыслить и действовать на основе широко — гуманистического поведения.

Исходя из такого взгляда, я основал у себя на родине учреждение, имеющее целью выразить нашу веру в солидарность всех народов и наше стремление перекинуть мост над зияющей бездной между Востоком и Западом. Мне казалось, что подобное учреждение должно быть принято с радостью всеми народами. Когда я отправился в Соединенные Штаты в 1921 году, я был больше чем

уверен, что мой призыв найдет горячий отклик в стране, восточный и западный берег которой омывается океанами, из под которых восходит солнце над Европой и Азией.

Письмо, посланное мной из Нью Йорка в Индию, объяснит вам миссию, которой я посвящал себя в то время:

"Во всякую эпоху и во всякой стране факты предоставлены в наше распоряжение, дабы мы могли-бы с их помощью придать истине особенно удачное выражение. Факты подобны атомам в газах. Они постоянно сталкиваются друг с другом или разлетаются в разные стороны. Но лишь только они соединяются между собой в капле росы, они облекаются сущностью и красотой. Человек должен обладать чарами созидания, чтобы претворить факты своей эпохи в некоторое творческое единство. Важнейшим фактом нашего времени есть то, что Восток и Запад сошлись. До тех пор, откуда это останется просто фактом, последуют нескончаемые распри. Но обязанностью всех истинно — религиозных людей есть миссия претворить этот факт в истину. Мне так хотелось иметь вас со мной в Европе. Вы тогда сразу увидели бы, в чем заключается задача нашего времени, о чем кричат люди, но чего не слышат политики. Ведь были же политики и при дворе Великих Моголов. Они за собой ничего кроме развалин не оставили. Но зато Кабир и Нанак! Они завещали нам их бессмертную веру в единство человечества через любовь Бога к людям."

Хотя я был уверен, что проблема, занимавшая меня, касалась не только Индии: что она задевала жизненные и нравственные интересы Запада — было бы с моей стороны глупо не замечать того простого факта, что мне не по силам быть вполне убедительным провозвестником этой истины перед народами Запада. Не имеет смысла жаловаться на контраст между семенем и почвой в вопросах духа, как было бы бесполезно пенять на то, что стройной пальме не расцвести в парках Нью Йорка.

И вот, впервые в своей жизни, я имел честь выступить перед крупнейшими китами финансового мира. Я почувствовал свою ничтожность перед властителями мира сего,

но горячее приветствие с их стороны оказалось, по сравнению с оказанной конкретной помощью, еще ничтожней, почти как ушко иголки по сравнению с верблюдом. Не следует считать, что я думал, будто сердце американской нации находится на хранении у банкиров. Это было бы чистейшим абсурдом. Напротив, я всячески старался, при помощи моих американских друзей, непосредственно апеллировать к массам. Но к моему вящему сожалению я нашел сердце народа твердокаменным, ожесточенным какой то грубостью, которой я не заслужил, и оскорбившим меня подозрениями в преследовании каких то темных политических целей и попытке злоупотреблять доверчивостью и добродушием Америки. Мои лучшие друзья сообщили мне, что, как видно, кем то была пущена в ход могучая пропаганда против моей личности, стоящая в связи с моим отчаянным протестом против английских зверств в Жалианвалабаге накануне моего отъезда из Индии. Если оно действительно так, то тем подтверждается лишь моя мысль, что Америка очень легко попадаетеся на удочку всяческих силетен и клевет, и что ее массовая психология становится хорошим орудием в руках ловких манипуляторов.

Такое постоянное взбывание грязной нечи на злобой поверхности народной души, в то время как нет попыток проникнуть в глубины духа, не может воспитать ум к приятию истины и мудрости. Мне было больно видеть насколько в Америке упала цена духовных начал в человеке, вследствие непрекращающейся эксплуатации души, огульно и с помощью научных приемов, для наживы и достижения власти. Имея случай лично сойтись с богатой Америкой, с умонастроением, умением создать быстрый севооборот крупных урожаев материального успеха, я испугался ее. Следующая выдержка из письма, которое я тогда писал английскому другу в Индии, даст вам некоторое представление о моих переживаниях в то время:

“С каждым днем я все более поддаюсь ужасу, охватывающему меня при самой мы-

сли об этом успехе. В Упанишадах сказано: “Счастье и есть величие.” Но честолюбие стремится к крупным результатам и самодовольно называет это величием; отсюда возникают все наши блуждания. Присматриваясь к портрету Будды, я замечаю и хочу огласить великое спокойствие его внутреннего совершенства. Мое стремление достигает высшей напряженности, когда моя душа впадает в отчаяние при мысли об огромнейшей пустоте крупных затей, предпринимаемых в этой стране. Каждое утро я сижу у окна в номере гостиницы и говорю себе: “Я не должен поклоняться этому отвратительному идолу, которому Запад ежедневно приносит человеческие жертвы.” Я вспоминаю то утро в Шелиде, когда Вайшавская женщина лилась ко мне в комнату с напимиванием: “Не пора ли уже тебе спуститься с третьего этажа, чтобы встретить любовь под тенью деревьев?” Теперь же я сижу на самом верхнем этаже огромнейшего небоскреба, с которым даже наиболее высокие из деревьев не в состоянии перешептываться. Но любовь тихо подходит и говорит: “Когда же ты спустишься вниз и встретишься со мной на зеленой траве, под шелестом листьев, где ждет тебя поднебесный простор, сияние солнца и нежное прикосновение природы во всей ее простоте и скромности.” В ответ я пытаюсь сказать ей нечто о деньгах, но это звучит так смешно, хотя и трагично, что слова мои стыдятся самих себя и умолкают.”

В заключение я приведу выдержку из другого письма, относящегося к тому же периоду:

“Когда я кончаю чтение ваших писем из Сантиникетана*), я пробуждаюсь от своего лирического сна и нахожу себя под огромной грудой газетной прозы. Окружающая среда кажется мне тогда внутренностью кита, который меня проглотил.

Идея свободы, которая живет у американцев, есть кажущаяся свобода мухи, за-

*) Так называется школа Р. Тагора, в переводе означающая Мирная Обитель, основанная лет 30 тому назад.

ключенной в стеклянную клетку, стенки которой незаметны. Они (американцы) окружены непроницаемым копаком иллюзий, к которому они крепко пристали, воображая, что в их владении находится небо. Но уверяю вас, нужно хохотать над этими суетнившими существами со всем их идиотским самодовольством и гордыми толками о том, что их небо обладает свойствами реальной вещественности. Они тешатся свободой, которая есть сущий обман зрения, и замуровывают себя в темницу в смысле духовной жизни.

Свобода человека не реальна до того времени, пока он остается рабом души. Это тупизм, подобно нашим мыслям о смерти: но вот подвергается случай, и мы это обнаруживаем на личном опыте; и тогда лишь мы замечаем в этом всю свежесть истины. Мне кажется, что, находясь в Америке, я прохожу хорошую подготовительную школу к факирству. Будда родился при царском дворе, что дало ему полную подготовку к постижению величия нищенства. В Индии я однажды написал стихотворение: "Я никогда не буду аскетом." Но когда я на-

хожусь в Америке, меня с вихрем лирического жара охватывает вдохновение сочинить гимн Шиве, богу аскетизма, которому все небо служит плащом.

Вам может показаться парадоксальным, когда вы узнаете, что меня больше всего поражает и угнетает в Америке. Это полное отсутствие свободы, чувствуемое на каждом шагу, ибо этим обстоятельством насыщена вся американская атмосфера. А между тем это не парадокс, но сущая правда. Я делаю попытку дышать дуновением жизни, но мои поздры заполняются пылью и сажой. Тогда я вынужден признать, что самым гажным в жизни суть не вещественные предметы, а отсутствие их.

Величайшие дары в распоряжении людей — это свобода располагать временем и простор, так как мы все созданы, чтобы творить. Наша настоящая свобода в том мире, который нами самими создан, где наш дух может работать беспрепятственно и где наша душа находит трон, с высоты которого она царит над ее собственной страпой."

Перевел с английского

Г. Световостонов.

Г. В. ФРАНК.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ И ТЕОСОФИЯ ШТЕЙНЕРА.

I

Проблема идеальной политической системы глубоко занимает умы великих мыслителей от Платона до наших дней. Платоном, впервые в истории политических учений, была сделана попытка провести параллель между устройством государства с одной стороны и живым организмом — с другой стороны. Он сравнил важнейшие части тела — голову, сердце и желудок — с тремя особыми общественными группами. Подобно голове, которая управляет всем телом, и на подобие сердца, обладающего (по воззрениям той эпохи) способностью возгораться чувствами и страстями, лучшие и умнейшие люди в государстве, т. е. философы, должны господствовать над обществом. Точь в точь как человеческий рассудок должен повелевать чувствами, и государственное устройство имеет задачей обуздать своеволие и эгоизм и предохранять общество от распада.

Платон довел свое учение еще до более далеких пределов. Он думал, что, помимо управления, и многие другие общественные функции соответствуют отправлениям здорового человеческого тела, как то питание, защита от врагов и т. д. Эти обязанности должны в государстве выполняться ремесленниками, торговцами и воинами. К тому еще добавляются рабы — как бы руки и ноги общественного организма, — которым величайший философ древности, при составлении своей схемы, даже не уделил прав гражданства. Эта своеобразная аналогия между обществом и человеческим телом надолго определила направление политической мысли.

Уже гениальный ученик Платона, Аристотель, замечательнейший по эрудиции и глубине ученый древней Греции, указал на то, что Платоновое государство в сущности состояло бы из двух отдельных государств. Правители — философы, вместе с их добровольными и наемными приверженцами, об-

разовали бы одно государственное целое, а торговцы, промышленники и их прислужники составили бы своего рода особое государство со своим собственным чиновничеством по рангам богатств, влияния или профессиональных интересов. Вероятно и рабы также устроили бы для себя своего рода государство в государстве, конечно, враждебное в отношении каждого из двух перечисленных государств. Как мы видим, в государстве Платона и речи не было бы о каком либо общественном единстве. Да и вообще, вся эта система весьма односторонне и поверхностно рассматривает взаимоотношения между общественными группами и крайне упрощает внутренние законы общественной жизни.

Метод Платона — аналогия между человеческим организмом и обществом — нельзя считать научным. Как однажды заметил Н. К. Михайловский, не общество является организмом, а живой организм есть общество, сотрудничество множества особей и групп. Кроме нескольких удачных примеров и глубокомысленных намеков от метода аналогии в данном случае, конечно, многого ждать нельзя. Но все же логика признает за аналогией крупное вспомогательное значение в науке. Если и признать, что в учении об обществе, в социологии, аналогия не может служить аргументом, то она как бы свидетельствует, что так или иначе могут быть обнаружены стойкие аргументы для того или иного утверждения.

Такой в сильной степени удачный пример аналогии был в наше время употреблен немецким мыслителем Рудольфом Штейнером (род. в 1861 г. в Карловицах, быв. Австрия; умер в 1925 г. в Германии), основавшим целое духовное движение на почве оккультизма и создавшим собственную школу в современной политической мысли. Его система подробно изложена в сочинении, озаглавленном "Тройственное расчленение социального организма", вызвавшем глубо-

кий интерес к себе во всех странах Европы. Не меньшим успехом впрочем пользуются и его многочисленные книги и статьи по оккультизму, особенно его "Теософия" (в русском переводе "Тайноведение"), вышедшая в 1922 г. в двадцатом издании на немецком языке.

Следующие три системы являются, по учению д-ра Рудольфа Штейнера, наиболее важными для функционирования организма: 1) нервная система, центром которой служит мозг; 2) кровеносная и мускульная система, в центре которой стоит сердце, и 3) пищеварительный аппарат, группирующийся вокруг желудка.

В социальном организме Штейнер также находит три особые функции, соответствующие его схеме человеческого организма: 1) духовная культура, т. е. наука, искусство, воспитание, религия, и т. п.; 2) законодательство и общественное управление вообще; и 3) экономика, т. е. использование богатств природы для удовлетворения человеческих потребностей.

Не трудно сразу уловить чем это учение отличается от разных прежних аналогий между организмом и обществом: Штейнера система базируется на идее социального **триединства**. Он рассматривает общество, как воплощение трех начал в одном целом, или же — что одно и то же — как единое в трех различных видах, друг от друга впрочем зависимых. Штейнер и словом не упоминает подобно Платону, что общество будто состоит из трех частей, легко друг от друга отделимых. Он лишь тонко намекает, что и в общественном организме, как и в теле человека, можно обнаружить три самостоятельные функции — культуру, политику и экономику, — находящиеся в постоянной более или менее удачной и последовательной кооперации, но все же друг от друга ясно отграниченных. Каждая из этих систем не должна вмешиваться в функции двух других, подобно тому, как в здоровом организме голова, сердце и желудок, хотя и влияют на функции всего тела, но никак не выходят из пределов своих ком-

петенций в подведомственных им троим областях.

Вывод Штейнера тот, что государство, в качестве политической организации, не должно вмешиваться в дела общества по части культуры или в общественные вопросы на почве экономических задач.

Это учение имеет в себе много глубокомысленно и чутко подмеченных черт, и свой широкий, хотя и не общепризнанный, успех оно вполне заслужило. В разных странах учредились издательства для распространения социальных идеалов д-ра Штейнера. Некоторые журналы специально посвящены разработке оригинальных взглядов Рудольфа Штейнера по вопросам социологии. Важнейшим из таких журналов является "Социал Цукунфт" (Общественная Будущность), издаваемая "Лигой Триединого Общественного Строя" в Швейцарии.

II

Учение Рудольфа Штейнера об общественном идеале является ветвью созданной им же очень своеобразной оккультивной системы под названием "Антропософия", т. е. наука о человеческом духе.

Эта система стремится найти и упрочить пути, посредством которых духовный мир может явно обнаружиться в отношениях между людьми и во всех многообразных и непреодолимых взаимоотношениях между человеком и космосом, т. е. вселенной. Понятно, что в таком случае, из за включения в систему надличного, вечно пребывающего, мироздания, это учение выступает из рамок чисто логических, опытно доказуемых принципов, легших в основу современной науки. Оно напоминает учение индийских мистиков, погов, создавших много теософических систем, которыми в последнее время сильно увлекаются и на Западе. В этом отношении трезвая, деловито - практическая Америка даже пожалуй перегнала Европу.

По учению Штейнера, мир является человеку в тройном образе, или — что то же самое — человек постоянно связан тройным образом с вещами мира, ибо человеческое существо обладает тремя сторонами: телом, душой и духом. Под телом здесь ра-

зумеется то, посредством чего для человека открываются предметы окружающего его мира.

Словом **душа** указывается на то, чем человек связывает вещи со своим собственным бытием, чем он ощущает от них удовольствие и неудовольствие, приятное и неприятное, радость и боль. Под **духом** разумеется то, что открывается в человеке, когда он "как богоподобное существо" взирает на вещи, как бы погружаясь в тайны бытия. "Через дух, по словам Штейнера, открывается человеку то, что сами вещи хранят в себе."^{*})

Итак, человек — гражданин **трех** миров. Своим **телом** он принадлежит к миру, который он воспринимает тоже своим телом: своей **душой** он строит себе свой собственный мир: через его **дух** перед ним раскрывается мир, который выше этих обоих миров. Воспринимаемый человеком живой физический мир, т. е. растения и животные, имеет кроме физического облика еще **духовный, исполненный жизни облик**.

Этот **духовный облик**, неуловимый нашим телесным оком, Штейнер называет **эфирным** или **жизненным телом**. Оно есть сущность, которой в каждое мгновение в течение жизни физическое тело охраняется от распада. Для того-же, чтобы увидеть это жизненное тело, чтобы воспринять его у другого существа, необходимо иметь пробужденное **духовное око**. Без него можно все же принять его существование в силу логических оснований. Но его можно увидеть духовным оком, утверждает Штейнер, так же точно, как видят цвет физическим глазом.

Физическое тело, построенное из минеральных веществ и оживленное эфирным телом, вмещает в себе ощущающую человеческую душу. Но из того факта, что душа часто сказывается более мощной, чем тело, Штейнер заключает, что душа несколько

выступает над физическим телом. Между физическим и эфирным телом с одной стороны и душой ощущающей, с другой стороны, вставляется еще один особый член человеческого существа — **тело душевное**, или **тело ощущений**. Оно то, это душевное тело, и воспринимает чувства удовольствия и неудовольствия, влечения, инстинкты, страсти. Все это носит характер личной жизни, на подобие пестрых ощущений, попадающих в наш внутренний мир через глаза, уши, нос, и т. п. и как все они также зависит от телесности.

Но подобно тому, как жизненно - образующая сила проникает физическое тело, так сила мысли проникает душу ощущающую. Жизненно - образующая сила связывает физическое тело с его предками и потомками и этим вводит его в закономерность, которой нет в мире минералов. Точно также и мыслительная сила вводит душу в закономерность, которая не замечается у души ощущающей в низших существах, как, напр., у животных или у неразвитых людей. У животных ощущения не переплетаются с самостоятельными, переходящими за пределы непосредственных переживаний **мыслями**. Поэтому, простая душа ощущающая отличается от более высоко развитого члена души, которому служит **мышление**. Эту, пользующуюся услугами мышления, душу Рудольф Штейнер обозначает душой **расудочной**, считая ее также душой характера или прямо характером.

До сих пор мышление д-ра Штейнера ничуть не переступало пределов конкретно осязаемого мира. Но вот возникает перед ним, как и для всякого теософа, вопрос: не скрывается ли за этим видимым, вечно меняющимся, преходящим миром **какая то высшая, постоянная реальность?**

Приемами опытной науки нельзя дать хоть подобие ответа на этот роковой вопрос. А все же люди, и даже научно мыслящие среди них, непрестанно бьются над разгадкой этого вечного вопроса, бесжалостно и повелительно напоминающем о себе при каждом случае смерти среди близких людей.

Как же все-таки добиться решения воп-

^{*}) Все выдержки взяты из недавно появившейся на русском яз. книги "Духовенство", изданной философско - антропософским издательством в Дорнахе, Швейцария.

роса! Тут на помощь приходит теософия. Наше высшее душевное чувство, к которому все физические чувства относятся как средства к цели, постоянно утверждает, что в живой природе, и во всем мире вообще, господствует целесообразность, при которой последующее никогда не бывает чем то низким по сравнению с предыдущим, и цель всегда лучше нежели какое либо из средств. Это, совершенно независимо от Штейнера и прочих теософов, очень тонко заметил наш глубокий мыслитель В. В. Розанов лет тридцать тому назад (в его сочинении "Природа и История"). Он твердо полагал, что всякое сожаление о разрушении смертию средств есть только ошибка чувства, неруководимого мыслью. Нечто подобное тому глубокому явлению, которое совершается в природе, когда органическая энергия преобразуется в психическую, совершается без сомнения, думал Розанов, и в момент окончательного угасания физической организации человека. В чем заключается это явление и какая иная высшая форма существования, нежели психическая, наступает для человека за этим угасанием — об этом мы ничего не можем знать. Все аналогии в природе, однако, убедили Розанова предполагать, как сущий факт, эту высшую форму существования, о которой религии говорят, как о чем то светлом и радостном.

Обращаясь, после этого экскурса в область интеллектуального мистицизма у одного из крупнейших русских философов последнего поколения, снова к учению Штейнера, мы встречаем сходную мысль, что человек, уже при жизни, может подняться выше простой души ощущающей. Условием для этого есть стремление дать ожить внутри себя истине и добру. Тогда та и начинает пронизывать душу ощущающую вечный дух, ибо в ней восходит свет, который не преходящ. Душа в эти мгновения соединяет свое бытие с вечным бытием. То, что несет в себе душа, как истину и добро, то в ней бессмертно, а то, что в душе вспыхивает, и озаряет ее светом и радостью, как вечное, Рудольф Штейнер называет душой сознательной.

Таким образом, как в теле, так и в душе, надо различать три члена: душу ощущающую, душу рассудочную и душу сознательную. И подобно тому, как на душу снизу вверх телесность действует ограничивающим, так сверх внизу духовность действует на нее расширяющим образом. Ибо чем больше наполняется душа истиной и добром тем дальше и глубже проникает ее вечное.

Эти рассуждения приводят Рудольфа Штейнера к центральному пункту его оккультизма — к учению об окружающем человеческое существо ауре (зримый духовным оком ореол). Для того, кто может "созерцать" душу, сияние, которое исходит от человека, т. е. свет, распространяющийся, как от центра, от вечного в нем, есть нечто столь же действительное, как действителен для чувственного глаза свет, излучаемый пламенем. Для видящего духовным оком телесный человек есть лишь одна часть всего человека. Тело, как самое грубое образование, лежит среди других образований, взаимно проникающих и тело и друг друга. Как жизнеформой, физическое тело наполняется телом эфирным; со всех сторон, выступая за пределы тела эфирного, видно тело душевное (астральный облик). И опять таки, выступая над ним, видна душа ощущающая, затем душа рассудочная, которая становится тем больше (размерами), чем более она воспринимает в себя истину и добро. Ибо истина и добро способны расширять душу рассудочной. Рассудочная душа человека, живущего исключительно своими склонностями, своими удовольствиями и неудовольствиями, вполне совпала бы с границами его души ощущающей. Эти образования, покрывающие, как оболочка, тело человека, ярко окрашены всеми отливками семи цветов солнечного спектра и своей величиной в три - четыре раза превосходят размеры физического тела. Среди них человеческое тело является как бы в облаке, которое д-р Штейнер называет "человеческой аурой."

**

"Не душа живет в мире, а мир пребывает в душе," учил еще великий мистик

древности, Платин. Это мнение не может быть принято или обосновано опытной наукой. Но никак уже не может быть опровергнуто, что человеческое "Я" живет в душе. Хотя высшее проявление "Я" принадлежит душе сознательной, говорит Рудольф Штейнер, но все же то "Я", излучаясь оттуда, заполняет всю душу и через нее воздействует на тело. И в "Я" дух полон жизни. Дух излучается в "Я" и живет в нем, как в своей оболочке, подобно тому, как "Я" живет в теле и душе, как в своих оболочках. Дух образует "Я" изнутри наружу, минеральный мир действует на "Я" извне во внутрь. Это образующее "Я", живущее в человеке как "Я" — дух, Штейнер называет Само - духом, т. е. оно является как "Я", или сам, в человеке. Благодаря тому, что вечная истина становится таким образом самостоятельной и связанной с "Я" в единое существо, само "Я" также приобретает вечность.

Подобно тому, как своим физическим телом человек принадлежит к минеральному миру, так своим эфирным телом он принадлежит к миру жизни. После смерти физическое тело растворяется в минеральном мире, тело эфирное — в мире жизни. "Телом", следовательно, Штейнер называет не только всякий осязательный предмет, но все, что придает существу какого либо рода форму, облик. Не надо смешивать Штейнерово выражение "тело" с чувственной телесной формой. Все, что принимает известный облик, будь это даже душевное или духовное, подходит под Штейнеровский термин "тело."

Так же, как в пределах физического мира каждое отдельное физическое тело строится, как особое существо, так обстоит дело и с духовным телом в пределах духовного мира. В духовном мире для человека точно также существует внутреннее и внешнее, как в мире физическом. Подобно тому, как человек берет вещества из окружающего его физического мира и перерабатывает их в своем физическом теле, так же берет он духовное из окружающего его духовного мира и делает его своей собственностью. По

Штейнеру, духовное есть извечная пища человека. И как человек родился из физического мира, так же родился он из духа, в силу вечных законов истины и добра. Он отъединен от находящегося вне его духовного мира так же, как он, как самостоятельное существо, отделен от всего физического мира. Это самостоятельное духовное существо Штейнер называет Духо - человеком.

Исследуя физическое тело человека, мы находим в нем те же вещества и силы, как и вне его в остальном физическом мире. То же самое и с Духо - человеком. В нем пульсируют элементы внешнего духовного мира, в нем действуют силы остального духовного мира, как в физической коже замыкается в себе существо, которое живет и ощущает также и в духовном мире. Духовная кожа, отделяющая Духо - человека от общего духовного мира, делает его внутри этого мира самостоятельным духовным существом, живущим в самом себе и непрестанно воспринимающим духо - содержание мира. Эта духовная кожа может быть названа духо - оболочкой (аурической оболочкой) человека. Нужно только твердо помнить, что она, по мере человеческого развития, непрерывно вытягивается, так что духовная индивидуальность человека обладает способностью неограниченного роста.

Внутри этой духо - оболочки живет духо - человек. Он строится духовной жизненной силой в том же смысле, как физическое тело строится физической жизненной силой. Так же как эфирное тело является связующим началом в физической организации человеческого существа, эфирный дух выполняет ту же функцию в отношении Духо - человека. Этот эфирный дух Штейнер называет Жизне - духом. Таким образом, духовное существо человека расчлениется им на три части: на Духо - человека, на Жизне - дух и на Само - дух. Весь же человек расчленился им на девять частей по следующей схеме:

- А. Физическое тело
- Б. Эфирное, или жизненное, тело
- В. Душевное тело
- Г. Душа ощущающая

- Д. Душа рассудочная
- Е. Душа сознательная
- Ж. Само - дух
- З. Жизнь - дух
- И. Духо - человек

Душевное тело (В) и душа осязающая (Г) в земном человеке сливаются воедино. Также душа сознательная (Е) и Само - дух (Ж). И вот оказывается семь частей земного человека:

- 1. Физическое тело
- 2. Эфирное, или жизненное, тело
- 3. Осязающее душевное тело
- 4. Душа рассудочная
- 5. Исполненная духом душа сознательная
- 6. Жизнь - дух
- 7. Духо - человек.

В душе вспыхивает "Я", получает импульс от духа и благодаря этому становится носителем Духо - человека, который есть высшая ступень преображения физического тела. Тем самым каждый человек может стать соучастником трех миров (физического, душевного, духовного). Физическим телом, эфирным телом и телом душевным он коренится в физическом мире, а Само - духом, Жизнь - духом и Духо - человеком он расцветает в мире духовном. Пускающий же с одной стороны корни, с другой цветы, стебель, это есть сама душа.

III

Заключается ли, однако, в учении Рудольфа Штейнера нечто конкретное, помимо глубокомысленных обобщений о духе и весьма ярких поэтических образов?

На этот вопрос можно дать удовлетворительный ответ. Смысл Штейнера учения состоит в том, что он указал на органический недостаток современной науки, особенно естествознания. Все наши науки о природе доходят до своих выводов одним и тем же способом. Он заключается в том, что человек рассматривает природу извне, как бы будучи лишь посторонним зрителем. Этим он сразу обрывает всякую духовную связь между "внешней" природой и его внутренним миром, его душой. Ввиду этого наука и не может ничего сообщить душе про космиче-

ские процессы — эти вечные тайны мироздания для непосвященных — частью которых также является личное существование людей. Должна, следовательно, быть создана новая наука, сближающая космический мир с внутренним, душевным миром человека.

Не лучше дело обстоит и в области общественного устройства. Духовная жизнь современного человечества протекает в двух отдельных потоках. Одно течение исходит из государственной и экономической деятельности — работа политиков, предпринимателей, банкиров, вождей тред-юнионов и т. п. Их деятельность совершенно не соприкасается с духовной жизнью человечества. Они беспрестанно создают новые системы, в которые они впрягают живых людей, даже не спрашивая у этих людей, что об этом думают их собственные дух и воля.

Второй поток духовной работы в нашем обществе истекает из глубинных побуждений духа — из идеалов добра и справедливости, стремления к красоте и интереса к чисто научному исследованию. Этот поток настолько слаб в действительной жизни, что он почти не определяет собой хода общественного развития. За последние пять веков была вырыта глубокая пропасть между обоими потоками духовной энергии. Выработалась поэтому привычка недоверчиво относиться ко всякой попытке живого человеческого духа найти для себя воплощение в реальной действительности. Вот почему все идеалы и планы социалистов - утопистов, как Фурье, Оуэн и Сен - Симон, были народами, признавшими в теории начала свободы и равенства, отвергнуты. Наоборот, создалось даже, и быстро распространилось, противоположное утопичное учение, более всего обязанное трудам Карла Маркса, о том, что лишь общественные условия, а ни в коем случае не идеалы, поведут к образованию нового общественного порядка на основах свободы, справедливости и братства.

Итак, раньше всего нужно доказать современному человечеству, что внешнее бессилие и беспомощность духа, наблюдаемое в наше время, не является чем то вечным,

неизменным, абсолютно предустановленным. В интересах общественного прогресса нужно в человеке вселить веру в огромную силу духа, в его творческие способности для нужд повседневной жизни. Штейнер и стремился всячески убеждать людей, до каких высот творчества может подняться человеческий дух через посредство полной душевной жизни.

Как же, однако, антропософия Штейнера, полная таинственных намеков и загадочных аналогий, связывается с его учением об общественном идеале?

— А вот как. По его мнению, каждый человек может развить полностью лишь те духовные интересы, которые наиболее характерны для сферы, в которой он живет и работает. Исходя, например, из области экономики, он может развить и удовлетворить свои хозяйственные задачи. Если такой человек одновременно посвятит себя и другим интересам, как то политике, педагогике и т. д., то из этого выйдет не что иное, как замаскированное служение тем же интересам экономики. Наоборот, только на почве духовных стремлений, всецело посвященных, например, вопросам нравственности и права, могут взойти здоровые плоды в виде этических правил или норм общественного правопорядка. Только такие настоящие законы и в состоянии будут оказывать благотворное влияние на ход самой экономики и прекратят систему эксплуатации и хищничества, на которых держится хозяйственный уклад современной цивилизации.

Между тремя основными общественными функциями — культура, право, экономика — нет фундаментальных различий, ибо каждая из них проникается двумя другими. Раз, например, такой важный отдел культуры, как воспитание молодежи, принял форму, навязанную ему государством (правом), то и господствующие экономические интересы вполне поддерживают нашу воспитательную систему, очень далекую от совершенства. Из школы сделана промышленность, регулярно выпускающая на рынок свои бездушные, в духовном отношении безжизненные, изделия — массу покорных ору-

дий в руках государства и капитала.

Что получилось бы, однако, спрашивает д-р Штейнер, если бы социалисты перенесли в свои руки хорошо знакомую нам государственную власть? — Экономическая жизнь тогда стала бы тем, чем теперь является политическая жизнь, т. е. бездушно-бюрократической, механической работой. Духовная энергия вождей в экономической области — администраторов, организаторов рабочих лидеров и т. д. — не только не поднялась бы, а скорее опустилась бы с ее теперешнего уровня. Все эти люди, живущие почти исключительно экономическими интересами, никогда не сочтут за благо уничтожение свободы экономической инициативы и предприимчивости с вытекающим отсюда ущербом для их видов на обогащение и на прочие выгоды. В результате, прежние экономические устои будут подрублены, а новые справедливые и успешные формы хозяйства не создадутся, как это видно на примере большевистского эксперимента.

Социальное переустройство общества есть вопрос духовного перерождения — вот культурно философское содержание Штейнера учения. Его экономическая программа очень близка к учению Кропоткина о добровольных продуктивных ассоциациях, вырастающих снизу, т. е. естественным путем, на началах правды и справедливости. Новым и оригинальным принципом у Штейнера является лишь его теория социального триединства, т. е. его учение о том, что культура, право и экономика, или нравственность, закон и труд, хотя и вполне отдельные области, но не существуют в раздельности. Точно так же нервная система есть особая часть организма, но никак ее не отделить от других частей тела — мускулов, желудка, артерий и вен. В обществе все три функции должны быть поручены трем особым группам, работающим самостоятельно, но в полном согласии между собой, и в интересах общего им всем целого, т. е. всей нации или страны.

Критики этого учения находили, что расчленение социальных функций на три группы противоречит как бы единству об-

существования и общности его интересов. На это Рудольф Штейнер возразил, что искусственным способом, т. е. современным насильственным государством, прямо уничтожают всякое подобие общественной солидарности и единство. Право, вырастающее на почве эгоистических экономических интересов, подкапывает свою же основу. Народные массы, притесняемые экономически, бессознательно чувствуют, что государственный и правовой строй, на которых держится такая экономическая несправедливость, есть своего рода чужое тело, заноза, в общественном организме и его нужно отсюда извлечь, хотя бы и путем кровавой операции. Так воз-

никают революции и перевороты, уничтожающие и видимость социального единства.

Теория Штейнера интересна уже потому, что она отражает великую культурно-историческую тенденцию нашей эпохи, впервые оглашенную Прудоном, Бакуниным и Кропоткиным: стремление сократить, вплоть до полного уничтожения, роль государственного начала, т. е. принуждения и силы, в области чисто духовных и экономических интересов людей. Тогда лишь и открылся бы для этих насущных человеческих потребностей широкий и свободный путь к их далеким и ярко светящимся целям.

Г. В. ФРАНК.

У МОРЯ.

Мне этот вечер слишком ясен,
Мне этот ветер слишком тих,
И только горизонт прекрасен —
Он грань далеких вод живых.

Как шов, соединивший ткани,
Он слишком вечен, слишком прям,
Он — часть вселенских очертаний,
Которых не увидеть нам.

Такою же прямой чертою
Соединен твой слабый взор
С взойшедшей на воды луною
И со звездой над кряжем гор,

И, может быть, мы не узнали
Еще, как непреложно, тут,
С земли восходят вертикали
И к Божьей воле нас ведут.

Н. Берберова.

Кани.

НЕУСТРАНИМОЕ.

Все меньше веселия в сердце,
Все реже мы верим надежде.
Себя обрести в иноверце
Мы больше не мыслим, как прежде.

Из водчѣй исторглись мы пасти,
С ожогами вышли из Ада.
Из Дьявольской вырваться власти
Смогли мы, и было так надо.

На время — припомним — на время
Покинули Мать мы в безчасье,
Так хольте же доброе семя,
Не распри блюдя, а согласие.

Мы в мире чужом — меж чужими,
Так брат не косись же на брата.
Не будь в удушении, в дыме, —
Ты будешь в предвестьи возврата.

Нам всем несосчитанно дорог
Заветниѣйшій образ Желанной.
У нас есть единственный враг,
Звериным числом сочѣтанный.

Подменыш, облыжнѣй, обманнѣй,
Сосуиѣй тигриное вымя,
Идуѣй с ножом, без'имяннѣй,
На наше священное Имя.

Где зоркость? Пребудем не мы ли
В оплоте Господнего Дома,
Когда не бесовскіе были
Верховности рушатся грома?

Для Духа — лишь правдой — лишь Духом
Все создано в мире телесном.
Земля уже полнится слухом
О празднике в утре чудесном.

Сверхмерность открыта всем людям,
Что сердцем созвѣнны с сердцами.
Мы будем — так будем — мы будем
Родными дышать васильками.

К. Бальмонт.

Е. З. МОРАВСКИЙ.

МЕЧТАНИЯ УЭЛЛСА

Герберт Уэллс принадлежит к разряду тех писателей, которые интересуются больше всего грядущими судьбами человечества. Грядущий день так же реален для Уэллса, как и настоящий день. Во имя дня грядущего он не приемлет этого страшного мира, в котором нет ни справедливости, ни счастья, ни свободы, и мысленно уносится в грядущия тысячелетия. Эти тысячелетия рисуются писателю в каком то лучезарном свете. Он видит в них эпоху Золотого века, которая, как говорят сказания, уже была когда то на земле. Трудно сказать, однако, где и когда была эта счастливая эпоха. Если в этих сказаниях имеется какая либо доля правды, то надо полагать, что все эти сказания относятся к погибшей Атлантиде. Имел в виду, повидимому, Атлантиду и Бульвер-Литтон, когда писал свою чудесную книгу „Грядущая раса“.

Вся наша современная действительность является настолько уродливой и кошмарной, что всякая мечта о нашем лучшем будущем считается нами утопией. Мы так привыкли к ужасам нашей действительности, что не способны верить даже в возможность завтрашнего дня. Мы так привыкли ко всевозможным страданиям в жизни (личной и общественной), что не осмеливаемся никогда даже и думать о счастье. Счастье является для нас чем то почти невозможным. Оно улыбается нам иногда на одно мгновение и исчезает навеки; коснется нас крылом и улетает прочь. Но мы довольствуемся даже и этим мгновением, если не в состоянии продлить его или остановить, как не был в состоянии остановить его и Фауст, когда говорил: „Остановись, прекрасное мгновение!“ Счастье сильнее страданий и смерти. Ради мгновения счастья мы соглашаемся страдать целые годы. „Ради одной минуты счастья, — сказала однажды недавно умершая молодая русская девушка, — стоит страдать даже всю жизнь!“ Судьба приносит нам очень редко эти мгновения счастья. А многие не видят счастья никогда. По-

этому, быть может, мы и называем утопией всякую мечту о счастье. Поэтому, быть может, мы и относимся с некоторой проницей ко всяким мечтаниям о нашем грядущем дне и называем их „безплодными фантазиями“.

К числу таких людей, которые могут заглядывать в наше будущее, принадлежит и Уэллс. Лучшие произведения этого выдающегося английского писателя посвящены этим грядущим тысячелетиям. Уэллс не может примириться с нашим сегодняшним днем и пробует нас перенести в наше земное будущее. И мы, вместе с писателем, уносимся в этот далекий сказочный мир и наслаждаемся, хотя бы мысленно, своим грядущим счастьем.

Уэллс очень редко рисует нам это будущее какими то трагическими красками. Уэллс является глубоким оптимистом. Он верит искренно в возможность Золотого века. Сказания об этом веке он не считает утопиями. И этот век осуществится в будущем, ибо в основе социальной жизни, как и в основе нашей жизни личной, лежат законы вечного прогресса. С каждым днем совершенствуются не только наши духовные достижения, но совершенствуется также и наша социальная действительность. Так думает Уэллс.

Он написал много романов о всевозможных технических достижениях в будущем („Машина времени“, „Война миров“, „Первые люди на луне“, „Человек невидимка“ и другие), но лучшими его произведениями являются, конечно, те, в которых освещаются вопросы социальные. К числу этих романов относятся следующие: „Когда спящий проснется“, „Чудесное посещение“, „Люди-боги“ и „Сон.“ В первом из них, грядущий день рисуется писателю чем то довольно мрачным. В этом романе Уэллс нарисовал кошмарную картину централизованного капиталистического общества, которое мерещится ему где то в тумане будущего. Во втором романе он описал подробно разные

приключения Ангела в нашей земной действительности. В третьем романе Уэллс нарисовал чудесную картину будущего общества. Будущий социальный строй, как он описан в этой очаровательной книге, почти ничем не отличается от того социального и политического устройства, к которому стремятся нынешние анархисты. Недаром, очевидно, люди этого будущего общества и кажутся ему почти богами ("Люди-боги" или "Яко боги").

Четвертый же роман посвящен Уэллсом нашей суровой действительности. Эту действительность он подвергает в этой книге самой жестокой критике. Но и этот роман является романом "фантастическим", хотя в нем нет даже и признака гаданий и пророчеств. В этом произведении Уэллс опередил нас на два тысячелетия и устами своего героя, Сарнака, рассказывает людям той эпохи о положении вещей в нашем XX веке. В этом и заключается "фантазия" Уэллса.

В романе "Сон" Уэллс изображает группу молодых людей, очень внимательно выслушивающих повесть Сарнака о людях XX века. Среди его слушателей имеются, конечно, и две девушки, Сэнрей и Файерфлай, которые не менее мужчин интересуются серьезными вопросами. Они совсем непохожи на нынешних женщин, ибо почти все нынешние женщины интересуются только своею внешностью. О внутреннем же содержании они не беспокоятся. Имеются, конечно, исключения. Имеются и в наше время эти чудесные Сэнрей и Файерфлай. Никто не может их назвать "сосудами скудельными." Они озарены не только лишь тем Женственностью - Вечным сиянием, которое к небу влечет человека, как говорится в "Фаусте", но обладают вместе с тем громадными духовными сокровищами. Но эти женщины встречаются необычайно редко. И все они живут недолго, ибо, по слову Ницше, "любимцы богов умирают рано."

Они, подобно ярким метеорам, живут один лишь миг на небе нашей жизни. И счастлив тот из нас, кто может заметить такую звезду! Пусть она утонула в вечности, но яркий свет ее остался навеки в той

душе, которая эту звезду заметила на небе. Пусть этот человек оплакивает вместе с Беранже эту погибшую звезду ("О, плачь, мой сын, еще звезда скатилась."), но он в своих слезах является большим счастливецом, чем кто бы то ни было. Ибо самым несчастным человеком является тот человек, которому нечего в жизни оплакивать. Иные слезы дают нам больше счастья, нежели смех и веселье. Вот этими яркими звездами и грезятся Уэллсу Сэнрей и Файерфлай.

Каким же образом мог знать Сарнак об этих странных людях, живших в XX веке? Как мог он говорить о той социальной действительности, которая теряется где то во тьме истории? Не мог же он ознакомиться с культурой и цивилизацией XX столетия по всевозможным книгам об этой эпохе, как, например, не можем мы сейчас подробно изучить жизнь Древнего Египта.

Вопрос разрешается просто: Сарнак успел после своей прогулки и в этом сне он вспомнил свою жизнь в том отдаленном прошлом. Вся эта жизнь прошла перед Сарнаком подобно кинематографической ленте. Были сфотографированы даже все мелочи этой жизни. Вспомнил он свое детство, сопровождавшееся страшными лишениями, вспомнил весь социальный быт XX столетия, вспомнил свои случайные успехи в жизни, вспомнил свою любовь в этой прошедшей жизни, вспомнил даже и тот момент, когда он был убит какими то громадами. Дальше он ничего не помнит. Где же он был в течение двух тысяч лет? Жил ведь Сарнак, под именем Гарри Мортимера Смита, в XX столетии, а возродился вновь после двух тысяч лет. Этого он не вспомнил. Это осталось тайной для Сарнака.

Сарнак рассказывает, что жил он в Англии "за некоторое время до великой войны и социальной катастрофы." Это была какая то жуткая и чудовищная эпоха. Эту далекую эпоху можно назвать, по мнению Сарнака, детством человечества. Вот что рассказывает Сарнак об этой эпохе:

"В том старом мире, где не существовало ни свободы, ни порядка, вся земля была поделена на разного вида и величины участ-

ки. Последние принадлежали людям, которые делали с ними, что им было угодно, и которые сами тогда подвергались разным притеснениям и бесполезным ограничениям. И в Черри - Гарденс определенного типа люди, называвшиеся спекулянтами, скупали участки земли, зачастую совершенно неподходящей, и строили на них дома для все возрастающего населения, которому иначе некуда было бы деваться. Эти постройки возводились без всякого плана. Спекулянты строили их то здесь, то там, и каждый из них старался только о том, чтобы построить дома как можно дешевле и продать или сдать их в наем как можно дороже. "Все это происходило потому, рассказывает дальше Сарнак, что в том мире существовало какое то право частной собственности, совсем неведомое его слушателям. Земля принадлежала частным лицам, считалась, по какому то праву, их собственностью. Право это приводило к тому, что человек не мог даже ходить там, где ему захочется. Всюду в то время можно было видеть следующие грозные надписи:

Частная собственность.

Вход строго воспрещается.

Всюду господствовал тогда принцип "нерегулируемого и бесконтрольного размножения." "Нелепое размножение это, — говорит Сарнак, — было зрелищем, драмой всей атмосферой моей жизни."

"Но были же у них наставники, священники, доктора и правители, которые могли бы научить их лучшему?" — сказала одна слушательница.

"Они существовали не для того, чтобы наставлять их и вести на путь истины, — ответил Сарнак. Эти руководители и учителя жизни были какие то странные люди. Их было много и они ни кем не руководили. Вместо того, чтобы учить мужчин и женщин регулировать рождаемость, предотвращать болезни и благородно совместно трудиться, они просто мешали всему этому." Этот вопрос считался тогда запретным. В том мире не было никаких детских садов. Были только какие то сборные места, называвшиеся школами, но и в этих школах детей ничему

не учили. В этих школах, рассказывает Сарнак, были только какие то старые карты Европы и Азии, рванные хрестоматии, экземпляры библии и сборники гимнов. "Нас выстраивали, — говорит он, — в ряд и заставляли распевать оригинальную вещь, носившую название таблицы умножения:

Дважды два — четыре,

Дважды три — шесть,

Дважды четыре — восемь.

Вообще, большей частью нас заставляли распевать — разумеется, в унисон — религиозные гимны. Историю же нам преподавали таким образом: Вильгельм Завоеватель — 1027, Вильгельм Рыжий — 1087." Почему не было в то время лучших школ? "Потому, что Англия скупилась на самое жалкое образование своим детям. Таким же точно образом поступали и все прочие страны. Тогда на эти вещи смотрели иначе, чем теперь. Все были охвачены каким то умственным затмением. В Америке, считавшейся по понятиям того времени гораздо более богатой, чем Англия, народные школы были поставлены, если только это возможно, еще хуже и оборудованы еще хуже."

Церковь в то время тоже была очень странным явлением. "Каждая церковь утверждала, что именно она является представителем истинного христианства." "Общее мнение от церковной службы получалось следующее: под видом восхвалений и поклонения Богу, мы в сущности винили именно и исключительно его во всех бедствиях, которые постигали человечество. При этом мы снимали с людей всякую ответственность за весь хаос в их жизни и за те несчастия, которые обрушивались на человечество." Дальше Сарнак говорит, что хотя эти церкви считались тогда христианскими, но они не имели, вероятно, даже малейшего представления о том, чему учил Христос.

Самыми выдающимися героями той эпохи были не гении, не выдающиеся ученые и моралисты, а всевозможные авантюристы и правители. Так, например, те люди относились с каким то благоговением к какому то цезарю, "который назывался

Юлием Цезарем и был тем авантюристом, который подавил последние вспышки угасшей Римской республики. Все короли того времени пользовались большими почестями, хотя почти все эти короли и правители были совсем ничтожными людьми.

Вот что говорит Сарнак своим слушателям об английском парламенте XX столетия:

“Тут заседал парламент. В его палатах король, являвшийся просто куклою, гнусная аристократия и мошеническим образом избранный сборище законовеев, финансистов и авантюристов, среди всеобщего умышленного застоя того времени, принимали на себя личину мудрости и выявляли свою власть.” Вот каковы были парламенты и правители в этой далекой древности! Такое положение вещей несколько не мешало людям считать подобные формы правления, являвшиеся страшным издевательством над людьми, формами демократическими. Нужно еще заметить здесь, что это английское правительство считалось одним из лучших. Правительства же других стран, даже республиканских, были еще хуже.

Каковы же были аристократы того времени, каковы были те люди, которым всячески старались подражать и все простые смертные? Чтобы познакомить своих слушателей с аристократами XX века, Сарнак подробно описал им лондонского лорда Брамбля. Этот лорд Брамбль прекрасно играл в карты. Значительную часть своего времени он тратил на посещение различных ипподромов и на палбу по голубям. “Его сиятельство был тонкий гурман и во время обедов слишком уж увлекался портвейном. В те времена люди еще курили и лорд Брамбль уничтожал ежедневно по 3-4 сигары. В трубку он усматривал нечто плебейское, папиросы считал пригодными для лиц с женственным, слабым складом нервной системы. Газету он еще мог кое как прочесть, но отнюдь не книгу, не будучи в состоянии на некоторое время сосредоточить на ней свое внимание. После обеда в гостях он обыкновенно отправлялся в театр или какой мюзик-холл, где можно было видеть более или менее обнаженных женщин. Ко-

стюмы того времени вызывали в таких людях, как лорд Брамбль, острое ощущение потребности наготы. Такова была жизнь аристократии в те времена.”

“Сами женщины того времени, — продолжает Сарнак, — сочувствовали упомянутой стрельбе, называли лошадей “милыми”, разводили карликовых, уродливых комнатных собачек и охотно разрешали всем желающим любоваться их собственной наготою.” В этом они находили громадное удовольствие. Эту наготу женщины демонстрировали тогда не только в театрах, но и в повседневной жизни. “Женщины проводили большую часть дней недели за приобретением разных вещей, платьев, украшений, столового белья, ковров и драпировок. Они ничем не были заняты. Женщины были слишком невежественны, чтобы интересоваться чем либо дельным. Им больше ничего и не оставалось, как бегать по магазинам. Эти покупки представлялись им наивысшим в жизни, сущностью ее успеха; ими определялось их счастье!” Такую характеристику дает Сарнак нашим прелестным современникам.

Само собой разумеется, что при таком примитивном сознании человечества не могло быть и речи о счастливой семейной жизни. Счастливая семейная жизнь была почти что чудом. Семейная жизнь большинства людей была каким то адом. Не могли связать людей узами вечной любви и дружбы ни церковные, ни гражданские браки. Существование же брака 40 столетия мы узнаем из следующих слов Сарнака: “Священники всех религий, — говорит он, — когда либо существовавших на свете, не смогли бы крепче связать меня с Сэврей, чем я сейчас связан с нею. Для того, чтобы соединить топор с рукояткою, разве нужны книга и алтарь?”

Слушая эту печальную повесть о человечестве, все его слушатели поняли, в конце концов, что люди того времени совсем не знали счастья.

“Но, — возразил один, — яверное счастье все таки существовало? Была же хоть иллюзия счастья?”

“Лишь мельком и обрывками, — ответил

Сарнак. Впрочем, мне думается, что Файерфайл совершенно права: во всем том мире не было счастливых жизней!

“Даже у детей?”

“Жизней, — сказал я, — а не частей жизни. Дети готовы смеяться и некоторое время прыгать, даже родившись в аду.”

Сарнак прожил в той жизни больше четверти века, но он ни разу не встретил счастливого человека. Сам же он “только один раз видел счастье вдали.” Подобная же мысль проводится и в книге Анатоля Франса “Сказка о рубашке.” Герои этой сказки тоже искали на нашей злосчастной земле счастливого человека, но все их поиски оказались бесплодными. Впрочем, они нашли одного счастливицу, но этот счастливчик жил где-то в лесу и не имел даже рубашки.

Величайшим же ужасом прошлых тысячелетий были, несомненно, войны. Люди безжалостно истребляли друг друга, но никто из них не мог бы ответить тогда на вопрос: ради чего устраиваются эти войны. Вот почему Сарнак и говорил тогда, что “лучше было бы, если бы они собрали нас, бросили бы жребий, убили бы кого нужно и покончили бы со всем этим разом, чтобы можно было либо умереть, либо возвратиться домой и заняться чем-нибудь серьезным.” Какая из воюющих сторон ждала от войны хороших результатов, но она приносила зло и победителям и побежденным. “Мировая война, — говорит Сарнак, — убила и перекалечила миллионы людей, всех сделала беднее. Война не изменила ни природы, ни невежества, ни дурных наклонностей тех миллионов, которые от нее уцелели. Хотя мировая война и возникла как следствие невежества и неправильных представлений, однако, она не сделала ничего, чтобы внести изменения в эту область. Когда она окончилась, мир стал гораздо беднее, но и беспокойнее прежнего, оставаясь, впрочем, все тем же презренным, гнусным, полным разных случайностей миром, миром лоботной затылки, расколовшимся, жеманно-патристическим, неразумно плодовитым, грязным, больным, злобным и тщеславным. Потребовалось до двух десятков веков научных ис-

следований, тренировки, мышления и труда, чтобы произошла значительная перемена.”

Впрочем, это и не удивительно. Ничего лучшего и невозможно было ожидать в то время: ибо люди того времени были почти дикарями, хотя они и гордились своими научными достижениями. Культура того времени была очень убогой и плачевной. “Как в школе, так и в церкви упрямый педантизм затемнял рассудок человека. Европейцы XX века, — продолжает Сарнак, — соизмеряли теологию фараонов, космологию шумерийских царей - первосвященников с политическими учениями XVII столетия и с этикой крикета и скачек ... Все европейские столицы того времени, отличаясь честностью, сорок и самостоятельностью обезьян, украсились обелисками, выкраденными из Египта.” “Одной из действительно прекрасных вещей того времени была музыка. В некоторых областях человечество очень рано достигло совершенства. Мне кажется, что в области ювелирного дела ничто никогда не смогло прозойти изделий из золота и драгоценных камней эпохи семнадцатой египетской династии; много веков тому назад мраморная скульптура достигла своего апогея в Афинах задолго до завоеваний Александра Македонского. Сомневаюсь, — говорит Сарнак, — существовала ли когда-нибудь на свете более чарующая музыка, чем те мелодии, которыми мы располагаем от эпохи смятения.” Сарнак уверен, что он ни когда не забудет тех музыкальных мелодий, которые слышал 2 тысячи лет тому назад. Впервые в этой жизни слушал он в хорошем исполнении отрывки из шумановского “Карнавала” и из произведений Баха и Бетховена. Эта музыка не утратила своего величественного значения даже в сороковом столетии! Не джаз - банд, конечно.

Вот какова была жизнь человечества в его далеком прошлом! Рассказ Сарнака обрывается. Он вспомнил всю свою земную жизнь в XX веке, но он не помнит ничего о своей дальнейшей жизни. Он сам не может понять этого вопроса. Он знает только то, что если он родился вновь через 2 тысячи лет и вспомнил одно из своих прек-

них существований, то говорить о какой то смерти было бы бессмысленно. "Мы можем, — говорит Старлайт в конце его рассказа, — победить пространство и время, но никогда не одолеть нам тайны бытия; ровно и того, отчего мы, существа, одаренные сознанием и волей. Жизнь и смерть как бы находятся в хрустальном шаре, в котором мы заключены навеки и который составляет наш предел. Жизнь не может, а смерть не хочет проникнуть за эти пределы."

Заключает же Сарнак свой рассказ следующими словами: "То была действительная жизнь, и, вместе с тем, то был сон, сон в жизни; эта же теперешняя жизнь — также сон. — Сон в снах, сны, содержащие в свою очередь, сны, пока мы, быть может, не доберемся до видящего все сны существа,

содержащего в себе все существующее. Жизнь не знает пределов чудесного и прекрасного."

Очень жаль, конечно, что Сарнак ничего не сказал нам о той совершенной и счастливой жизни, которую он встретил на земле в конце 4-го тысячелетия.

Но надо полагать, что эта жизнь похожа на жизнь тех людей, которую Уэллс так ярко описал в своем романе "Люди - боги." К ней приложимы, вероятно, те же слова, которые звучат так гордо и торжественно в последней сцене "Фауста":

"Здесь совершается невероятное,
Здесь достигается недостижимое".

Этимися словами можно и закончить.

Е. З. МОРАВСКИЙ.

АННАБЕЛЬ-ЛИ.

Это было давно, это было давно,

В королевстве приморской земли:—

Там жила и цвела та, что звалась всегда,
Называлась Аннабель-Ли,

Я любил, был любим, мы любили вдвоем,

Только этим мы жить и могли.

И, любовью дыша, были оба детьми

В королевстве приморской земли,

Но любили мы больше, чем любят в любви,—

Я и нежная Аннабель-Ли,

И, взирая на нас, серафимы небес

Той любви нам простить не могли.

Оттого и случилось когда то давно,

В королевстве приморской земли, —

С неба ветер повеял холодный из туч,

Он повеял на Аннабель-Ли;

И родные толпой многозвонной сошлись,

И ее от меня унесли,

Чтоб навеки ее положить в саркофаг,

В королевстве приморской земли.

Половины такого блаженства узнать

Серафимы в раю не могли, —

Оттого и случилось, (как ведомо всем

В королевстве приморской земли), —

Ветер ночью повеял холодный из туч

И убил мою Аннабель-Ли.

Но, любя, мы любили сильнее и полней

Тех, что старости бремя несли, —

Тех, что мудростью нас превзошли, —

И ни ангелы неба, ни демоны тьмы

Разлучить никогда не могли,

Не могли разлучить мою душу с душой

Обольстительной Аннабель-Ли.

И всегда луч луны навевает мне сны

О пленительной Аннабель-Ли;

И зажжется ль звезда, вижу очи всегда

Обольстительной Аннабель-Ли;

И в мерцаньи ночей я все с ней, я все с ней,

С незабвенной — с невестой — с любовью
моей —

Рядом с ней распростерт я вдали,

В саркофаге приморской земли.

Эдгар По.

С. ЛАНИН.

СКАЗКА ПРО ДОЛЮ ЗАЯЧЬЮ, ПРО ЖИТЬЕ ЗВЕРИНОЕ.

В старое время, когда вокруг Теплого Кута, Жилынки тож, шумел темный, дремучий лес, водилось в том лесе зверья всякого видимо - невидимо: что медведей, что волков, что лисец, а уж зайцам косым и счета не было.

И жили там звери по звериному: ни любви, ни правды не соблюдали и друг дружку живьем допали. Того правда была, кто других сильнее был, а слабое да немощное лютой смертью пропадало. А как зайцы-то послабей других были, то ихняя доля горше всех была. И обидно им под конец это стало:

— «Что, мол, за житье наше такое растрепчатое! Нет тебе ни отдыха, ни сроку; день и ночь на чеку держись. А чуть маленько зазеваешься, глядь, разбойник навалился, зайчат полопал, зайчишку опозорил, да и сам коли подвернешься, живьем не выскочишь! Как бы это так устроить, чтобы от сильного без опаски жить?»

И стали над этим зайцы думать. Думали год, думали два, а на третий и надувались. А надувавши, давай по логовам ходить, да такие речи разводить:

— Нехорошо мы это, братцы, живем; не по правде да не по истине! Насильники мы окающиеся, и нету нам спасения, коли не покоемся и в разум истины не придем.

— А истина в любви... А любовь — это не токмо, чтоб друг дружку живьем не локали, а и думать плохо один про другого не смели!

Ну, правда, потрепали зайцам шубы немало, пока они лес со своей проповедью обещали, но речи их заячья даром не пропали. Стали над ними звери задумываться:

А и в самом, мол, деле, хорошо бы было уговор такой положить, чтобы тот, кто меня сильнее, обижать меня не смел. Жилось бы вольготно - весело, не житье бы стало, а масленица.

И собрали звери совет большой, и на том на совете большом положили сильному

слабого не обижать. И лапки вверх подымали и на том дубовый листок целовали, чтобы слабого от сильного гуртом оборонять, и чтоб на новой правде целый век стоять.

А чтобы дело то вернее было, то медведю и двум волкам за порядком следить и суд и расправу чинить, когда потребуется. А зайцам на охрану собак отрядить. А за ту за их собачью службу положить им по дохлому коню на неделю да на шестеро. А расходы все на зайцев поровну, по правде да по истине разложить.

И пошла с тех пор жизнь по новому, по новому да по-хорошему. Не житье стало а масленица. Попритихло с грабежами да с убийствами. Зато дела гражданские так и посыпались.

Началось с того, что жил на Козихинном огороде русак один, матерой такой, здоровенный да злощный был. Никого он к тому огороду и близко не подпускал - сам всей капустой пользовался. А капусты там было целое море.

Ну, как зайцы русачьих когтей да зубов боялись, то при жизни его никто в Козихин огород и носу совать не смел. А как только умер русак, тут все зайцы с округи в огород кинулись, потому что зайчишка, что от русака остался, такой мозглявый да хиленький был, что смотреть не на что. Испугался он, как зайцев увидал, на смерть: двое суток голодом в норе просидел, выходить боялся.

Только тут возьми кто то и надоумь зайчишку, что зайцы это не по новой правде поступают, и что нужно ему на них челобитную подать.

Вызвалась лиса одна и челобитную написать, да таково то ловко все одно к одному подвела... Что, мол, «незабвенной памяти родитель наш вступили во владение Козихинным огородом и владели оным бесспорно до кончины своей, последовавшей сего сентября шестнадцатого дня.

“Удрученный глубокою скорбью, а также будучи весьма слабого здоровья и телосложения, я, единственный сын вышеозначенного папаша, нахожусь в невозможности оградить свои заповедные владения от всякого звания злоумышленников, истребляющих добро мое.

“А посему честь имею покоейше просить Ваше - ство назначить мне достаточное количество стражников, дабы личность мою, а также и принадлежащее мне имущество от насилия обезопасить“....

Послал зайчишка свою челобитную, и скоро и решение вышло:

“Принимая во внимание . . . просьбу удовлетворить и подложки собак для охраны отрядить.“

Стали собаки караул держать, а зайчишка как сыр в масле закатался: только и делал, что капусту жевал.

Только прибежал как то чужой заяц, не теплокутский. Увидал огород, в огороде капусты много, скок через плетень и давай ту капусту есть.

Увидали его собаки, за уши поймали, к владыцу - зайчишке приволокли:

— Так, мол, и так, ваше благородие, злоумышленник.

— Ты как же это смел, зайчишка-то чужому говорит: — разве ты не знаешь, что огород этот — моя собственность?

— Слушай ты, могилак. Капусты тут не токмо на нас двоих, а и еще на сотню хватит. А коли ты жаден очень, выходи, я тебе твою жадность живо собою. А собаки в нашем деле совсем лишние.

Покачал наш зайчишка головой:

— Вижу, говорит, что ты заяц глупый, отсталый; ну да я уж так и быть по доброте своей благодеяние тебе окажу... Эй, кто там! Дать ему листок из тех, что утренниками прихватило, да проводить его по добру, по здоровью!...

Осердился чужой заяц, срамными словами заругался.

— А так ты так? - говорит зайчишка: — А ну-ка, собачки, ату его!

Едва ноги чужак унес...

И пошли так себе ловкие да хитрые

огороды отмежевывать, а те, что попроще да поглупей, на них работали; работали и ворчади. Соберутся когда в темном углу и давай друг дружке жалиться.

— Я - говорит один: — целый день по жаре от кота к кошке любовные записки носил. Верст пятнадцать в оба конца будет. К вечеру - то во - как умаялся. А кот вынес три морковки, да и то третья то червивая... Стал я прибавки просить ... “А по две, говорит, не желаешь? Мало тут вашего брата - голяка шатается! Захочу — по половинке найду“... А кот богатый: на подушках спит, шея ленточкой перевязана!“...

— А я, говорит другой: — у лисы пору чистил. Оно бы и ничего, да дух уж больно тяжелый...А взятки-то тоже гладки. А кругом, куда ни глянь, все чужая собственность стала... Думали, с новой то правдой жизнь лучше станет, а она горше прежнего стала.

И такая на зайцев тоска нашла, что стали они себя от нее жизни решать: с горки разбегутся, в дерево головкой бух! — и дух вон.

Прослышало про то зверье, что делами правило, и наслоло к зайцам лис видимо-невидимо. Стали лисы по логовам ходить да такие речи разводить:

— Ах, вы, зайцы вы, косые, несмышленные! Как вам нету в жизни утешения? Норовите на мамону жить, о душе то не подумали. Просветились светом истины, а любовь не проникнулись, и в потемках бродите, хоть зряче, духу темному на радость, на веселие... Разве здесь искать нам нужно утешения, в жизни сей ничтожной, кратковременной? Ответи свой взор на небушко, погляди на звезды ясные, где блаженство несказанное ожидает души заячьи! ... Уж, мол, здесь коли натерпитеесь, зато после будет радостно: бедность тоже капитал большой, только выплата отсрочена.“

Складно, сладко приговаривали. Зайцы уши поразвесили и как есть всему поверили.

А жизнь то ихняя, заячья, чем дольше, тем больше запутывалась.

Был там волк один ученый. Сидел - сидел, думал - думал, а под конец того и надумался:

— Я, говорит, открыл, что не земля из лозы растет, а лоза из земли.

Выслушали это зайцы, в лапки вежливо кашлянули да и спрашивают:

— Дозвольте нам, ваше - скородие, по темноте нашей вопрос вам предложить: а на что нам собственно знать, что из чего растет? Какая нам от этого польза?

— Как "какая польза?" А просвещение? Опять же, значит, лозу в землю сажать можно.

— А на кой ее ляд сажать-то?

— Мало на что! Пороть ею очень способно.

— Вм ... м ... м ...

А тут лис один подбегает.

— Я, говорит, многоуважаемый коллега, нашел прекрасное практическое применение вашему гениальному открытию и устраиваю фабрику для производства переносных логовин из лозы.. Вот, извольте видеть — практично и удобно ...

И как только лис новые логова, их же зайчьиими трудами сделанные, у норы своей выставил, кинулись зайцы каждый себе просить.

— Пожалуйте, говорит лис, — пожалуйста! Я с вас недорого и возьму: всего то по пяти кочанов с половиною.

Удивились зайцы, заморгали и ушами захлопали:

— Как так, по пяти кочанов с половиною? За что по пяти кочанов с половиною?

— А что ж, я вам даром работать стану?

— Что ты, рехнулся, что ли? Да разве не мы лозу грызли, на горку таскали да кошелки плели? А ты что делал — на хвосте сидел? А ты — "по пяти кочанов с половиною"... Да и где нам такую уйму капусты найти?

— Не вы найдете, другие найдут..

И разговаривать больше лис не стал — хвостом вильнул да и в пору спрятался.

И точно, его правда вышла: все богатей себе новые логова позаводили, а делать их — не дежали.

Удивились зайцы, поморгали красными глазами, похлопали длинными ушами и подумали:

"Ну, мол, здесь коли натеримся, зато после будет радостно. Бедность тоже капитал большой, только выплата отсрочена."

А волк что ни день, то все больше да больше выдумывает.

Ковырял, ковырял землю лапой, камень какой то нашел. Отдал его лису. Тот потесал, поточил камень и на продажу выставил. А ввизу и цену подписал: четыреста кочанов!

Ну, тут зайцы даже и порадовались, думают: "Совсем рехнулись волк с лисом! Посадит их в сумасшедший дом, все нам легче станет."

Не тут то было! И дня не прошло, как прибежал к лису кот ангорский и расписку на четыреста кочанов выдал.

Да еще и рассыпается:

— Не знаю, как и благодарить вас, многоуважаемый! Есть тут у меня одна блондиночка. Так я ей ваш камешок на шейку и повесил. И как она, дусенька, обрадовалась, как меня милая целова-а-а-ала!!!

Удивились зайцы, глазами моргнули, ушами хлопнули и подумали:

"Висит у гулящей кошки на шее четыреста кочанов капусты, и не удивится она от нее — чудеса!!!"

И опять у лиса вежливенько объяснений спрашивают:

— Ни один, говорит, камень так, как этот, не блестит.

— Только то и всего?

— Ну, и опять же в ресторане на закуску лисать им очень способно.

— Так это за блеск да за зеркало четыреста кочанов капусты?

Рассердился лис.

— Дураки вы, кричит, неvezды темные! Это — красота. Вам ее не понять, она не вещественна.

— А коли она не вещественна, так зачем же за нее капусту брать? Капуста то, ведь, вещественна?

И опять ушел от них лис, разговаривать не стал.

И опять подумали про себя зайцы:

"Уж, мол, здесь коли натеримся, зато после будет радостно. Бедность тоже — ка

питал большой, только выплата отсрочена.“

А собак сторожевых все больше да больше заводилось — на кошках камешки охраивать было нужно. А за дохлятину — то зайцы платили.

И снова на зайцев от тоски большой мор пошел.

Ну, раньше бывало, где зайцы помирали, там и пропадали, а теперь лисы так озабочены, чтобы похороны честь-честью устроить. Помрет заяц, они с него шкуру снимают, а тело в землю закапывают.

Ну, что тело в землю — это ничего, зайцы не обижались.. “А зачем они шкурки снимают, и куда они эти шкурки девают?”

— Это, — лисы объясняют: — ничего-с, не извольте беспокоиться. Шкурки у нас в сохранности за номерами в чихаузе лежат. Как покойнички поживают, каждый свою и наденет.

Только было зайцы поверить собирались, а тут слухок прошел, что шкурками то лисы на базаре торгуют.

Разузнали про это доподлинно зайцы; вышло, что и верно — торгуют.

Тут уже и заячье терпение лопнуло. Собрались они гурьбой как-то посмелее, и давай строчить на лис челобитную. И про шкурки, и про камни, и про дохлятину упомянули, сосновой смолой запечатали и послали, куда следует.

А пославши стали ждать, что вот-вот решение выйдет, по правде да по истине.

И дни, и недели, и месяцы прошли — нет решения. Послали было зайцы гонца справиться; сказали ему, что, мол, дело на очереди под сукном в теплышке лежит.

Годы прошли, а дело все на очереди лежало.

И опять собрались гурьбой зайцы и решили высказать свое неудовольствие: против гуртом мимо медвежьей берлоги и всем сразу по команде хвосты книзу опустить.

“Ни обижать никого, ни шуметь — хвосты вниз, и кончено. А уж они там сами от хвостов до деда головой дойдут ... Завтра и пойдем!”

Завтра и пошли.

Только с берлогой поравнялись, только

хвосты поопускали, как выскочит стая собак сторожевых, как начнет зайцев без разбору трепать — почитай, третья часть на месте осталась!

А которые уцелели, забежали на край леса, горькими слезами обливаются, да друг другу спрашивают:

— За что?

На другой день и разъяснение вышло, за что:

“Принимая во внимание ... за действие скопом и за опускание хвостов ниже установленной законом нормы.”

Задумались сильно зайцы, задумались да пригорюнились.

— Долго ль терпеть нам, товарищи? Не соберется ли нам вместе да медведя с волками выпнать?

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Много воды утекло, пока зайцы духа набрались зверье повиноваться ...

А собак на осинowych сучках столько повесили, что у тех, которые в живых остались, со страха заячья шерсть на брехе выросла.

Бьют, жгут, грабят зайцы да приговаривают:

— Упились вы нашей кровушкой, дайте вашей нам попробовать.

Огороды все разграбили, разорили норы, логова — знай, мол, нашу силу заячью!

И работать не работали; все болтали с утра до ночи; все свободные да равные, не зверье мы, а товарищи! А коль кто иначе думает, так уж тоже не прогневайся: есть осин в лесу достаточно. А несем мы братство, равенство и свободу безграничную.

Так, как прежде сказкам верили, так теперь во всем изверились. “Все брехня, мол, буржуазная!”

Зайкнись-ка им про небушко, — засмеются, заругаются:

— Небо ваше синькой крашено, из картона звезды слеплены... Не морочьте, мол, нам головы: мы теперь не лыком шитые!

Так и льются речи смелые, речи сильные, отважные, все сплошные трехэтажные...

С. ЛАНИН.

Лос Анжелос, Кал.

В. ХУДОЛЕЙ.

АНАРХИЗМ И КООПЕРАЦИЯ.

I

Обмениваясь мнениями с товарищами, я встретил большие возражения в отношении частностей, намеченных в статье "Основные положения программы а. - к." и очень мало возражений в отношении основного принципа кооперативного строительства.

Многие анархисты теперь склоняются к мнению, что кооперация есть метод строительства анархического общества. Можно считать, что наиболее приемлемым для этих анархистов является такое определение кооперации: "кооперация есть анархическая форма обобществления народного хозяйства, подвергаясь извращению вследствие использования ее руководителями для своих политических целей, несовместимых с принципами коммунистического анархизма."

Не я придумал такое определение, но поскольку оно хорошо определяет значение для нас кооперации и наши задачи в кооперации, я считаю необходимым с ним согласиться.

Из этого определения следует ряд выводов. Во-первых, — кооперация, по своему существу, является средством строительства анархического общества. Это само собою понятно, поскольку каждый кооператив есть добровольное объединение трудящихся для совместного ведения общего хозяйства в целях наиболее полного удовлетворения их потребностей. Анархическую основу кооперации составляет добровольность членства, право свободного выхода для меньшинства, возвратная выбывающим членам, подконтрольность и сменяемость всех выборных лиц.

Во-вторых, идеологическая враждебность кооперативного движения к анархизму, которую мы можем наблюдать во всех странах, объясняется воздействием руководящего состава кооперации на массы: руководят кооперацией наши враги из буржуазного и социалистического лагеря, которые и приспособляют анархическую по форме кооперацию к своим антианархическим целям. Таким образом, смысл кооперации извращает-

ся благодаря сознательному воздействию на нее наших врагов.

В третьих, сам собою напрашивается вывод, что для того, чтобы кооперация служила нашим анархическим целям, нужно, чтобы анархисты ею руководили. Жизнь строит тот, кто активен. Если мы будем стоять в стороне от кооперации — самого мощного общественного движения в мире, — другие партии будут использовать его во вред нам. Большевикам, например, было очень трудно строить свой государственный социализм при противодействии кооперации. Они потратили около двух лет на борьбу с ней, которая кончилась полным уничтожением кооперации. Теперь сызнова они восстанавливают кооперацию. Так же и мы не сможем построить анархическое общество, если кооперативное движение будет против нас. Значит, нужно идти в кооперацию и бороться за то, чтобы сделать ее анархической.

А для того, чтобы кооперация стала анархической, анархистам необходимо бороться за то,

1) чтобы кооперация обслуживала высшие слои пролетариата, трудовое крестьянство и интеллигентскую бедноту;

2) чтобы кооперация укрепляла связи между пролетариатом и крестьянством (трудовым фермерством);

3) чтобы кооперация постепенно кооперировала и домашнее хозяйство, (чтобы освободить женщину от рабства домашнего очага);

4) чтобы потребительская кооперация постепенно усваивала задачи других видов кооперации;

5) чтобы кооперация широко ставила культурно - просветительную работу среди членов;

6) чтобы кооперация вела или содействовала ведению анархической пропаганды;

7) чтобы кооперация стремилась к захвату в свои руки орудий и средств производства.

После анархической революции потреби-

тельская кооперация должна взять в свои руки орудия и средства производства и заменить наемный труд личным трудом своих членов. Замена наемного труда трудом членов превращает кооператив в коммуны. До революции это невозможно, после революции — необходимо.

Анархическая коммуна — это потребительский кооператив с собственным производством, которое ведется личным трудом его членов.

Товарищи дружно возражают против выделения жилищной кооперации и придания ей особых задач в будущем обществе. Они говорят, что такое выделение одного из подвидов кооперации залутывает программу, делает ее туманной. Нужно выдвинуть принцип и отбросить частности — говорят они. Действительно, жилищная кооперация — вид потребительской кооперации (удовлетворяет потребности в жилище). Не будем спорить из-за частности. Признаем, что в будущем города и села должны будут исчезнуть с лица земли и их должны будут заменить города — сады. Признаем также, что организовывать удовлетворение всех потребностей (пища, одежда, жилище, транспорт) должна будет потребительская кооперация.

Некоторые товарищи возражают против принципа потребительской кооперации и средством строительства анархического общества считают все виды кооперации (сельскохозяйственную, кредитную и производительную). С этим уже никак нельзя согласиться. Потребительская кооперация объединяет рабочих и крестьян (фермеров), а другие виды кооперации разединяют их. Поэтому, в других видах кооперации можно участвовать для того, чтобы привести их к слиянию с потребительской, но отнюдь не для того, чтобы на них что либо строить. Наша задача — построить такое общество, где не будет ни рабочих, ни крестьян, не будет даже профессий, а все виды кооперации, кроме потребительской, связаны с профессиональным делением людей.

Для того, чтобы уничтожить профессиональное деление людей, потребительская кооперация в будущем обществе должна будет

проводить принцип интеграции труда. Потребительский кооператив должен будет (после революционного захвата орудий и средств производства) образовать секции по отдельным отраслям производства и проводить принцип участия каждого члена в нескольких секциях, обращая внимание на разнообразие занятий (чередование сельскохозяйственных работ с промышленными и умственного труда с физическим).

Для того, чтобы кооперативы не выродились в государственные организации (на подобие синдикатов), должна быть сохранена добровольность членства и принцип возврата пая выходящему члену должен быть заменен, после анархической революции, принципом выделения пропорциональной доли имущества. Это — основная гарантия добровольности организации. Вышедший член может распорядиться своей долей имущества как ему угодно. Он может жить по индивидуалистически.

Анархический коммунизм не будет навязываться силой. Анархический коммунизм не мешает отдельным людям жить не по коммунистически, но он учит, что вольный коммунизм — самая удобная для человека форма общежития.

Так должны мы исправить и дополнить основные положения предлагаемой нами программы, в той части ее, которая касается кооперации.

II

Как построить большой кооператив?

Один товарищ пишет мне, что идея кооперации не всюду осуществима, так как в некоторых городах Америки живет так мало русских и так они далеко друг от друга находятся, что нет никакой возможности объединить их в один кооператив. Бывают случаи, когда в маленьком городе живет всего несколько десятков человек русских и большое количество их рассеяно по фермам.

Конечно, такой случай представляет большие затруднения, но эти затруднения вовсе не непреодолимы. В таком случае нужно будет построить кооператив по типу федерации групп: разбить всех членов на группы, все вопросы управления кооперативом

обсуждать по группам, а для решения их созывать представителей групп.

Городских рабочих можно разбивать на группы по месту жительства или по месту работы (кому как удобнее окажется), а фермеров — по месту жительства. Группы надо составлять так, чтобы членам их легко и удобно было собираться.

Группы могут быть как маленькие, так и больше, т. е., и в 10 человек, и в 30 человек, и в 100 чел. Каждая группа должна иметь список своих членов. Правление кооператива должно также иметь список всех членов кооператива с разбивкой их по группам.

При таком построении район деятельности кооператива может распространяться на десятки и даже сотни верст. В СССР по такому типу построены кооперативы охотников, объединяющие по 1000 и более членов, разбросанных небольшими группами по селам. Бывает в одном охотничьем кооперативе до 30, даже до 50 таких групп, причем расстояние между самыми дальними группами доходит до 300-500 и даже до 700 верст. В Болгарии в 1923 году был потребительский кооператив, который работал на всю Болгарию, насчитывая до 70 тысяч членов.

Следовательно, большой кооператив, имеющий членов, живущих на расстоянии сотен верст от местонахождения правления кооператива, вполне возможен. Он неудобен тем, что в нем не будет живого непосредственного общения между всеми его членами. Это общение будет происходить только через представителей групп, т. е. через Собрание Уполномоченных. Это — большое неудобство.

Для того, чтобы такое построение не вело к перерождению кооператива в прототип государства, управляемого чиновниками, нужно, чтобы организация сохраняла свой анархический характер. Кооператив со всеми его группами должен управляться так, как управляется Федерация Русских Рабочих Организаций Соед. Штатов и Канады или Южной Америки. Правление кооператива — то же, что Исполнительный Комитет ФРРО СШ и К или ФРРО ЮА, а Собрание

Уполномоченных от групп кооператива — то же, что съезд федерации.

У большого кооператива есть и хорошие стороны: объединение рабочих с фермерами и большая хозяйственная мощность.

Один товарищ справедливо указывает мне, что маленькие кооперативы, обычно, объединяют или одних рабочих, или одних фермеров. Это верно. Рабочие объединяются с фермерами только через союз кооперативов. А там, где русских колонистов мало, там не только союз кооперативов, но и один кооператив трудно построить. Поэтому, в таких местах нужно строить большой рабоче-фермерский кооператив по типу федерации групп.

Хозяйственная мощность такого большого кооператива будет велика, потому что он будет иметь много членов и будет заниматься разнообразной хозяйственной деятельностью.

Он будет снабжать своих членов доброкачественными предметами широкого потребления по умеренным рыночным ценам. Городских членов своих он будет снабжать через магазин, а фермерам будет высылать товары по их заказам. Кроме того, фермерам кооператив может высылать по их заказам семена, удобрения и все, что надо для ведения сельского хозяйства.

Затем, кооператив может организовать сбыт продуктов, производимых фермерами. Это должно значительно увеличить его торговые обороты.

Далее, в городе кооператив может снимать в аренду квартиры и даже целые дома для того, чтобы предоставлять своим членам более дешевое и более удобное жилище. Может даже, если пожелают члены, сдавать им в найм квартиры и комнаты с мебелью, приобретаемой им в рассрочку. За городской чертой кооператив может арендовать участки земли для представления их в личное или групповое пользование своим членам, желающим заниматься земледелием, садоводством или огородничеством. Кооператив может выговорить лучшие условия аренды, чем отдельные лица, так как он является более солид-

ным с'емником, чем каждый его член в отдельности.

Затем, кооператив может организовать производственный кредит для фермеров. А для рабочих он может организовать страхование на случай болезни, увечья или смерти. Кредитное и страховое дело организовать очень трудно и, поэтому, с ними спешить не приходится.

Кооператив может общественно организовать домашнее хозяйство своих членов, открыв прачечные, столовые, ведя уборку комнат и т. д.

Словом все, что нужно человеку, сообща можно лучше сделать, чем в одиночку. Это относится не только к хозяйственной работе, но и к культурной.

При кооперативе нужен клуб. Клуб должен иметь пропагандистскую секцию для устройства лекций, бесед и докладов, музыкальный кружок, хоровой кружок, драматический, профессиональную секцию, секцию фермерского союза, библиотеку и другие обслуживающие клуб учреждения. Для того, чтобы фермеры не были оторваны от клуба, можно установить радио - передатчик (на

коротких волнах) и это даст возможность фермерам слушать лекции, доклады и концерты, организуемые клубом.

При клубе же может быть Бюро Труда, имеющее целью подыскание работы для рабочих и подыскание участков земли для фермеров.

Кооператив может также организовать и воспитание детей своих членов, устраивая детские ясли для маленьких детей, детские сады для детей школьного возраста, школы клубы и бойскаутские отряды для детей школьного возраста и курсы для взрослых.

Кооперация может всю нашу личную жизнь построить на совершенно новых началах. В это строительство жизни мы должны вложить начала анархической культуры. Тогда в час революции останется только захватить в свои руки орудия и средства производства и заменить наемный труд личным трудом членов, чтобы анархическая коммуна была уже осуществлена.

Стройте же такую кооперацию, которая служила бы нашим идеалам!

В. ХУДОЛЕН.

Д-р Дж. П. САЙМОНДС.

ПРОГРЕСС.

(Перевод с английского).

Прогресс, как биологический и социальный факт, и идея прогресса, как общественная сила, являются различными феноменами. Факт прогресса оспаривается, но идея прогресса, как динамического элемента в современном обществе, общепринята.

Может быть имеет значение и то, что началу идеи прогресса около половины ХУІ столетия, а также приобретению ею настоящего общественного могущества в конце ХІХ-го — каждому соответствовало событие, серьезно поразившее гордость человеческой расы. Коперник доказал, что земля не является центром вселенной, а лишь весьма незначительной частью ее собственной солнечной системы. В 1858 году, Дарвин выпустил свои "Происхождение видов", выдвинув теорию эволюции, по которой человек был понижен в его гордой позиции, "немного ниже ангелов," до весьма скромного разряда, немного выше обезьяны.

До Дарвина, человек, оглядываясь на историю своей расы через очки религиозной догмы, видел райский сад, или еще какой либо золотой век невинности и счастья; но с приступом подобия расовой "пресбиопии" (кажущейся дальзоркости), очки потеряли свою силу, и человек увидел в отдаленных тусклых прогалинах прошлого не прекрасный сад, с жившими в нем совершенными мужчиной и женщиной, а неприглядное болото Палеозойской эры, из которого отвратительные пресмыкающиеся вываливали свои неуклюжие тела. Этот взгляд на давно прошедшее, вначале так смущающий, не прошел без пользы. Когда человек пробудился от своих снов о прошлом золотом веке и смутно сознал свое собственное происхождение, идея прогресса восприняла новый смысл и приобрела удивительное могущество..

Прогресс начался с появлением жизни на земле. Какова бы ни была основная природа жизни, с ее пришествием, ставшее жи-

вым вещество приобрело дееспособность, которая вполне не могла быть предугадана относительно ее направления, формы и силы. Царство органического, или живого, было отделено от неорганического, или безжизненного. Неорганический мир напряженно динамичен (деятелен), по крайней мере в своих узко определенных границах атома, но ему недостает индивидуальности. Органический или живой мир вызывает самопроизвольность и упорядоченную систему в своей среде почти невероятного множества живых существ. Индивидуальность, являющаяся качеством, которое отличает одно существо от другого той же самой породы, явилась на земле вместе с жизнью.

Второй шаг в прогрессе был сделан, когда живые организмы стали сложнее. Вместо одной клетки, стали составляться организмы из многих клеток, одни — на поверхности около источника снабжения питанием, другие — в более центральных частях, куда нужное питание могло достичь их лишь посредством диффузии (процеживания) через вне расположенные клеточки. В результате увеличивающейся сложности появилась формация различных органов в теле, составленных из весьма разнородных клеток, органов с особым строением и специальными функциями. При увеличивающейся сложности живых организмов и разделении труда между органами тела вступил новый фактор прогресса — смерть. Смерть стала биологической необходимостью, одним из основных определений прогресса. "Цепкие руки холодно обнимающей смерти" совершенно иные, когда рассматриваются с точки зрения биологии и прогресса, нежели устрашающая, неумолимая, разобщающая участь, каковой смерть является индивидууму. Гете заметил, что "смерть есть искусное приспособление Природы для производства обильной жизни." "Желать быстрой смерти в полном обладании жизнью" не является недо-

стойным биологическим желанием. Свинборн имел некоторый биологический взгляд в своем "Саду Прозерпины", когда он писал:

От любви излишней к жизни горения
Освобожденные от страхов и надежд,
Возносим мы свои благодарения
Каким бы ни было богам невежд:
Что жизнь не вечно в нас живет
Что мертвый никогда не восстает,
Что даже бег извилистый реку переутомля
ет —

Спит она в безбрежный океан и утомляет.

При увеличивающейся сложности строения и размера организмов и с пришествием смерти, — жизнь стала более обильной и наступательной, не мешая своему собственному прогрессу. Каждая живая тварь оставляет по себе избыток семени, способного к воспроизведению ее рода, делая возможным полезные вариации.

Это является, как графически точно высказал Гексли, "Сизифовым процессом, в течение которого живое и растущее растение переходит от сравнительной простоты и незначительной потенции семени к полному проявлению высоко дифференцированного (обособленного) типа, чтобы затем отступить к прежней простоте и скрытой потенции."

Животная жизнь обособилась от растительной жизни, и между этими двумя формами явились промежуточные родственные одна другой, телесные и даже необходимые группы бактерий. В этой триаде живых типов был установлен чудесный химический механизм — азотный цикл. Растения вырабатывали оригинальную и могущественную материю — хлорофилл, посредством которой они пользуют солнечные лучи для построения очень сложных химических составов из таких простых веществ, как азотно-кислые соли, угле-кислые соли и почвенная вода. Протеин, сложное вещество, которое содержит азот и необходим животной жизни, но которое животные не в состоянии вырабатывать из его простых элементов, — в изобилии находится в растениях. Это сделало возможным зачатие, продолжение и дальнейшую эволюцию животной жизни. Животные

превращают растительный протеин в более сложные животные протеины. Но животные достигают их в 70 лет или соответственного предельного возраста, и умирают. Тогда бактерии разлагают сложный животный протеин, раздробляя его в простые азотно-кислые соли, углекислые соли и воду, а последние снова потребляются растениями. Таким образом, азотный цикл стал необходим для всякого дальнейшего прогресса.

Другие достижения животной жизни, которые были основными факторами этого прогресса, это — приобретение тела, с его составными органами, между которыми была распределена работа по поддержанию различных функций живого вещества; двусторонняя симметрия тела, способствующая большей свободе и лучшей координации движений, затем, — развитие спинного хребта, которое сделало возможным стоячее положение тела, освободив передние оконечности для другого пользования, кроме передвижения. Известный палеонтолог описал как "самый драматический момент земли" тот день, когда первое животное выползло из Палеозойской тины и, посредством могущего быть выработанным механизма, гарантирующего ему снабжение кислородом, — сумело удержаться на сухой земле.

Некоторые из животных со спинным хребтом выработали механизм для урегулирования температуры своего тела. Температура, так называемых, холоднокровных животных всегда бывает приблизительно одинаковой в той среде, в которой они живут, а поэтому, переменяется соответственно сезонам, даже, дням. Приобретение свойства поддержания постоянной температуры тела дало животному возможность избежать необходимости быть один день живым и деятельным, а другой, ленивым и инертным. Это породило возможность прогресса неизмеримой важности. На этом основана свобода человека от порабощения переменам погоды, ряду сезонов и вариациям климата.

Дифференциация полов повела к освобождению и воспитанию эмоций: люди стали любить и ненавидеть, сожалеть и браниться, чувствовать стыд и выражать гнев, пе-

жать удовольствие и находить страдание. У животных развились глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и другие специальные чувства, посредством которых медленно развивающаяся внутри личность узнала красоту и безобразие, сладость и горечь окружающего его.

Величайшим же биологическим достижением, с передаваемыми им возможностями, было приобретение центральной нервной системы. Она развивалась постепенно, дойдя до самой высшей точки у человека в его сравнительно огромных мозгах, покрытых питовым черепом, и в его длинном спинном мозге, заключенном в защищающем его позвоночном столбе. Развернутая пластом оболочка человеческого мозга покрывает не более двух футов поверхности, но мозг, по заявлениям ученых, содержит 9.200.000.000 нервных клеток, которые, собранные вместе, весили бы менее подушки. И все-таки, этот тонкий слой серой материи является "существенным театром интеллектуальной жизни человека."

Появление жизни на земле; приобретение тела, особенно с двусторонней симметрией; вмешательство смерти, как биологической необходимости; учреждение азотового цикла; достижение механизма для поддержания постоянной температуры тела; обособление полов; развитие специальных чувств; развитие центральной нервной системы — вот несколько основ биологического прогресса.

Выдающейся чертой всего этого является увеличивающаяся сложность строения и функций, что дает живому организму увеличивающуюся способность в отношениях к окружающему. Самым важным из всех этих элементов биологического прогресса является приобретение центральной нервной системы, цельного механизма, посредством которого различные органы и функции тела организованы в однородную систему с объединенным контролем. Эта система, с ее увеличивающейся сложностью строения, является основой наших поступков. В восходящем масштабе животной жизни, поведение все более и более усложняется, приобрета-

ет более и более атрибуты разума и заключает в себе расширяющееся господство над окружающим.

С появлением жизни на земле началась эволюция многочисленных видов животных и растений. С образованием человеческого ума зародилась история, которая трактует об обществах разумных существ. "Огромная разница между эволюцией человека и животного становится явной, когда мы замечаем, что человек знает о своей собственной эволюции и помогает направить ее согласно своим собственным идеалам," — замечает Томпсон.

Эволюция любых видов является результатом взаимодействия статического фактора наследственности и двух динамических факторов: вариации и подбора. Через все времена до нас идет струя зародышевой плазмы, посредством которой и в которой действует наследственность. Наследственность является инерцией, которая стремится предотвратить изменения; она побуждает живые существа воспроизводить подобных себе. Но вопреки постоянству влияния наследственности, происходили вариации (отклонения), порождая новые виды. Изменения бывают двух родов: те, которые зачинаются в зародышевой плазме, как окраска кожи и форма ноги, и которые, посему, являются глубоко укоренившимися и основными и воспроизводятся в последующих поколениях; и другие, которые являются следствием приобретенного изменения тела или же модификации его отправлений без соответствующего изменения в зародышевой плазме, как, например, гладко выбритые лица, или выполнение некоторых религиозных обрядов, — и, посему, не передаются в наследство потомству.

Первые являются основой образования новых видов; а последние являются важным фактором в эволюции человеческого общества, будучи передаваемы от поколения к поколению через прочность личной привычки и общественного обычая.

Как вид живого организма, с своим механическим дееспособным телом и его высоко развитой и законченной центральной

нервной системой, со всем их значением, человек представляет несомненный биологический прогресс. Это результат длинных серий первобытных изменений, основанных на фундаментальных переменах в чудовишно длинном потоке зародышевой плазмы, простираясь назад, по крайней мере, до зарождения позвоночных первообразов. Физическая форма человека кажется установившейся, и дальнейшие анатомические перемены кажутся невероятными. Поэтому, будущий прогресс человечества должен быть результатом общественной эволюции, отличной от биологической.

Общественная метаморфоза есть результат и будет результатом действий сил совершенно отличных от тех, которые установили и усовершенствовали настоящую физическую форму человека. Устройство человеческого тела подчинено основным, а не по прихоти изменяемым качествам человеческой зародышевой плазмы. Общественная организация базируется на огромном количестве преданий — традиций, передаваемых вначале устно, а позднее более аккуратной и прочной письменной и печатной записью. Никто не может по своему хотению прибавить себе росту ни на локоть, потому что рост в действительности определяется законами наследственности и экономией произрастания; но достаточно поразмыслив и употребив соответствующую индивидуальную и коллективную силу воли, человек может изменить свою общественную систему, соответственно требованиям постепенно изменяющихся условий.

Доказательства биологического прогресса обильны и убедительны, если считать прогрессом те серии перемен, которые дали возможность животным жить свободнее, освобождать себя постепенно, но упорно от рабства окружавшему, получать побуждения посредством все увеличивающегося количества органов чувств, обобщать и переводить эти ощущения посредством все более усложняющейся центральной нервной системы — другими словами — жить жизнью более богатой довольством и более обильной в выражении. Но что относительно обществен-

ного прогресса? Что случилось с человеком как общественной единицей в организованном обществе, что можно бы сравнить с тем, что случилось с ним как биологической единицей в царстве животных?

Первая потребность человеческого прогресса, особо от биологического прогресса, было образование ассоциаций человеческих существ или общественных групп. Кровавое родство, возможно, было первой связью таких организаций. Семья разрасталась в род, а род в племя, и дальнейшее скрепление стало необходимым. Для этой цели было необходимо иметь закон, который был бы почитаем человеком, и почитатель этого закона, которого люди уважали бы. Для того, чтобы установить и укрепить унаследованную свободную общественную организацию, не равенство перед законом было нужно, а покорность закону.

Война и религия установили это повиновение закону. Война поощряла быстрое воспроизведение расы и воспитывала слепое повиновение принятому закону. Прimitивные религии, с их финикийскими Молохами и Хвитцилопоклисами ацтеков, были невероятно жестокими. Они возложили на установленный закон племени такую ужасную санкцию, что никто не смеет игнорировать его. Наказания за отступления и нарушения установленного обряда были самыми суровыми и поражающими их жестокостью. Личность, упустившая проявить подобающее уважение каким бы то ни было богам, не только подвергала опасности свою жизнь, но и жизни своих родных и друзей. Война и религия прочно зацементировали "осадок облачая" и, таким образом, ввели круговую поруку в общественную организацию. Но если затверждение общественного строя имело свои невыгоды, — только те нации сделались прогрессивными, в современном смысле слова, которые пробились через этот "осадок обычая." Это освобождение случилось только с западными нациями, и то только за последние две-три сотни лет.

При условиях современной цивилизации человек был принужден принять меры к аннулированию закона естественного подбора.

Это было единственное средство, посредством которого людской род мог выжить и все-таки удержать огромное социальное наследие, которое накаплилось в течение поколений в прогрессивно увеличивающейся степени. Ниспровержение какого-либо биологического процесса — опасное средство. Противодействие природе вызывает суровые наказания. Путь современных наций усугубил опасности, некоторые из которых так стары, как и общественные организации, другие же явны новы.

Увеличивающаяся сложность групповых отношений породила проблемы, которые требуют для своего разрешения величайшие интеллектуальные способности. Наследственность является единственной известной биологической силой, способной выполнить эту общественную необходимость в хороших условиях. И все-таки, современное общество расточает свой запас этого незаменимого материала. Резервуаров свежей зародышевой плазмы, в виде огромного примитивного населения, с помощью которого можно было бы омолодить падающую и портящуюся расу, нет уже в изобилии.

Помесь совершенно неродственных людей почти неизменно дает низший плод. Смешение было бы лекарством еще худшим, чем сама болезнь. “Природный англичанин”, в общем, довольно желательное сочетание, несмотря на сбродные, но все-таки расово родственные элементы, из которых, согласно Де Фо, он составлен.

“На немцев многие с презрением глядят гер-
рой,

Браня вновь приходящих иностранцев
вдвое,

Забыв, что сами сделаны из расы-теста

Подлежней, на земле имевшей место:

Лентяев и воров бродячих шайки грубой,

Громящей царства, города, предав людей
смерти сугубой,—

Тихт, вероломный Скот и крашений Бритон.

Пригнаны голодом и грабежом сюда, в один
приток:

Норвежские пираты, грабители морей Дат-
чане,

Рыжеволосые потомки коих живут и ныне в
вашем стане;

Вот кто, с Нормано-Франком, образовали
племя,

Откуда произошел “Природный Англичанин”
в наше время.”

Но чтобы там ни привнесла эта “смесь пород” в Англию, а оттуда в Америку, она доставила массу превосходной зародышевой плазмы, солидную основу для наследственности с высокой потенцией для общественного и интеллектуального преуспеяния. Что лучшее из “смеси” в конце концов потонет и будет безвозвратно утеряно, оставя лишь “подлую расу” — как в результате настоящего соотношения количества рождений в различных общественных группах, — кажется резонной вероятностью, если только человечество, как организованное общество, не примет мер для предотвращения этой опасности.

Человеческий род может еще стать “де-вицей без гроша, но с длинной родословною.”

Что искусственный подбор в форме евгеники (науки об улучшении человеческого рода посредством сохранения и увековечения хороших черт наследственности) может быть подходящим разрешением проблемы, нет никакой уверенности, ибо нет никакого мерила для определения наследственных черт характера, самых подходящих для гарантии современного общественного прогресса. Может быть какая-либо форма евгеники была бы не хуже, чем настоящее перепутанное смешение пород и даже рас. Критериум пригодности к переживанию неодинаков при современных, или при примитивных условиях. Теперь, когда человеческая рука успела подняться с низкой ступени труженика до более достойного положения руководителя инструмента, одна животная мощь и мускульная сила не так уже необходима к переклиту, как в ранние времена.

Вместо пребывания рабом природы, современный человек открыл ее тайны, и научился заставлять ее силы служить его личным и коллективным нуждам.

(Окончание следует).

Д-Р ДЖ. П. САЙМОНДС.

А. А. СОЛОНОВИЧ.

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

(Продолжение)

Тогда "мысль" Бакунина или "душа" расшифровывается, как все, что относится к личности, а стало быть к "эгоизму" в тесном смысле слова. Сюда относится анархизм-эгоизм Штирнера и анархизм - коммунизм Кропоткина. Один обосновывает себя на своем "я", другой — на чужом, ибо для Кропоткина подчас общие понятия обладают личностью и ради нее он перестраивает свою, чтобы в коллективном "я" найти самоутверждение, чтобы жить в памяти человечества, в его сознании.

В мучительных противоречиях проблемы личности и общества бьется и мысль А. А. Борового, ибо и он в данной области целиком стоит на точке зрения психика, на точке зрения "мысли."

Весь человек на данной ступени соткан из "мысли" и подобно тому, как слой льда на поверхности воды, образуются понятия на поверхности эмоций. Понятия наши суть только закристаллизовавшиеся эмоции, ставшие сухими, твердыми, но хранящими в себе настоящую способность плавиться в фантазии. На этой ступени чувствуется необходимость дать определение всему, даже по существу неопределимой свободе, ибо и она выступает, как понятие.

Состояние "мысли" есть существенно состояние критики, анализа, раздвоенности. Проблемы "я и ты", субъекта и объекта, личности и общества, свободы и необходимости, мышления и бытия, должного и сущего, права и обязанности, добра и зла, культуры и цивилизации, религии и науки, материализма и идеализма раздирают психика своими невыносимыми противопоставлениями. Все это область "мысли", поднявшейся над стихийным сном "животности." Но здесь нет еще никакого "бунта", ибо человек бьется о стенки своей тюрьмы, своей скорлупы, своей "мысли", заключенный в "границы познания." О, еще далеко ему до бакунинского "бунта", ибо этот "бунт" есть взрыв

всей тюрьмы, всего "рационального", всей "мысли" — выход в безбрежные океаны свободы с его асфальтовой дорожкой самоутверждения личности.

Даже, когда психик говорит об интуиции, он понимает под ней совсем не то, что выше мысли, нет, роковым образом его интуиция оказывается нырянием под лед понятий, через прорубь бесформенности в океан эмоций, где кажущееся отсутствие двойственности приносит ему на миг успокоение. Что такое интуиция Бергсона, как не та же "мысль", быть может еще кипящая эмоциями? Его "порыв" есть порыв страсти. Что такое все учение Когена, как не застывшие сосульки и кристаллы все той же страсти? Отсюда — невозможность построения морали, ибо она всегда есть гетерономия личности и нет никаких путей, чтобы можно было ее превратить в автономию. Бесцельны поэтому все построения позитивистов, в том числе Гюйо и Кропоткина, так же, как Прудона или Штирнера.

"Личность есть центр анархического мировоззрения", — пишет А. А. на 20 стр. своего "Анархизма". "Полное самоопределение личности, неограниченное выявление ею своих индивидуальных особенностей — таково содержание анархистского идеала.

Но личность — немыслима вне общества. И анархизму приходится решать проблему — возможно ли и как возможно такое общество, которое бы цели личности сделало своими целями, которое утвердило бы полную гармонию между индивидуальными устремлениями личности и задачами общественного союза и тем самым осуществило бы, наконец, идеалы Хилизма.

Анархизм может решить эту проблему только отрицательно. Такое общество — невозможно.

Исторически и логически антиномия личности и общества — неустраима. Никогда, ни при каких условиях не может быть

достигнута между ними полная гармония. Как бы ни был совершенен и податлив общественный строй — всегда и неизбежно вступит он в противоречие с тем, что остается в личности неразложимым ни на какие проявления общественных чувств — ее своеобразием, неделимостью, неповторимостью.

Никогда личность не уступит обществу этого последнего своего “одиночества”, общество никогда не сможет “простить” его личности.

Стремление — всегда вперед и всегда дальше есть удел личности, и представление о такой общественной организации, которая видимым своим совершенством могла бы убавлять это стремление — было бы вместе убеждением в возможности духовной смерти личности.

Для анархиста подобное представление — невозможно. Постоянное, непрерывное, ни извне, ни изнутри не ограничиваемое стремление личности к самоосвобождению — есть основной постулат анархизма.

Именно здесь, на пути к свободному творчеству личности и встают те мощные препоны, которые создает организация общественности, порождаемой бессознательно стихийно инстинктом самосохранения.

И, принадлежа общественности одними сторонами своего существования, личность освобождает другие, которые служат только индивидуальным ее запросам.

В приведенных словах А. А. чрезвычайно четко и правильно ставит проблему, как она должна стоять у психика. Своим ответом он признает только, что проблема остается неразрешимой в плоскости психизма. Однако, отказ от ее разрешения в данном случае имеет, как и почти всегда у психиков, две стороны: одну — сознание неразрешимости и другую — неосознанную эмоцию страха, ибо тут порог, который психику нельзя переступить, оставаясь психиком. Страх порога между душевным и духовным, между психизмом и пневматизмом, между мыслью и бунтом — страх схватывает психика чувством пустоты и отбрасывает его вновь по сю сторону “границ познания.” В самом деле — сущность страсти — в стремлении,

страсть не существует, если нет цели, как не существует мышление, если нет причины или основания. Представьте же себе, что достигнута гармония между личностью и обществом, гармония, которую может мыслить психик. Но ведь это же есть состояние достижения всех целей и желаний, по крайней мере основных. Для физика достижение окончательной сытости есть идеал и он не боится его, потому что у него тенденция к покою, к инерции, к лени. Но у психика не так. И вот он чувствует, как разverzается пустота величайшей скуки. Хорошо об этом говорил Достоевский. Все будет достигнуто, стремиться некуда — нет целей, нет идеалов — о, какая тоска! Отсюда слова Лессинга о приятии достижения и отказе от достижения. На этом можно успокоиться, чтобы “наслаждаться” — ведь все равно “по сю сторону” ничего больше не остается, если не считать “биения головой об стену” от отчаяния, что “дважды два — четыре.”

Это не единственный путь, на котором встречает психика “страх порога.” Страх встречает его и на других путях. Он встречает его и на пути к смерти, ибо смерть превращает личность в “лопух” и обезценивает все ее ценности, а прежде всего ее самое. Тогда начинается бегство в философию, попытки зарыться с головой в ее песок и в особенности попытка засыпать себя от страха поскорее могильной землей атомизма, оградить себя от падения в пустоту кирпичной стеной материализма и т. д.

И для А. А. пока что здесь предел. И у него должен родиться сын-пневматик. Внутри его самого должен родиться его сын. Его матерью должна быть его душа, его сыном должен быть дух, а отцом придется ему быть самому. В этом решение всех мифов о рождении сына от матери без отца.

Только сыну присущ “бунт”, только он переходит через порог, ибо он бесстрашен. Для человека первое переживание духа есть переживание всеобъемлющей пустоты. В ней исчезают все страсти, все стремления. Человек чувствует, что проваливается в какую-то бездонную пустоту и его душа сжимается

в ужасной боли и страхе. Душу охватывает отчаяние, она видит великое Ничто и трепещет в невыразимых муках. Все, все, что она до сих пор считала своим, самым дорогим и близким, разбивается вдребезги и душа стоит, ломая руки над осколками своих драгоценностей.

Когда Фауст решает идти к Матерям, чтобы взять ключ, психик-Мефистофель дрожит от страха. Он уговаривает дух-Фауста не идти туда, ибо там "нет ничего", ибо там пустота, там ничто. И Фауст отвечает, что в этой пустоте, в этом ничто — он найдет все.

Физику присущ страх физический, психику — психический, страх моральный. Таков страж порога, встающий перед ним, когда он идет в глубину мира. Когда же он пытается проникнуть в глубины самого себя, его встречает другой страж порога и этот страж — стыд. Великий, безмерный стыд охватывает душу перед лицом духа, ибо обнаженной должна она предстать перед ним. Так на пороге к верхним богам встречает человека Страх, а на пороге к нижним — Стыд. Постепенно обнажается Интар, опускаясь все глубже в подземный мир за своим возлюбленным. Перед очами духа обнажается душа и видит себя такой, какова она есть на самом деле. Все украшения и самутешения спадают с нее и ее сердце, бывшее до сих пор клубком самолюбия, пестеет в огне безмерного стыда.

Таковы стражи, встречающие человека, его душу на пути к духу. И нужно могучее усилие, чтобы преодолеть их. Редко кто отваживается на это, а тому психику, который не отваживается, остается топтаться на месте в области мысли, перед дверью, которую он никогда не решится открыть. И по эту сторону он может еще много открыть или изобрести, но все это будет только более детальной разработкой старого материала, будет не новым произведением, но инкрустированием или варьированием старого.

И тот, кто побывал на пороге, кто видел стражей, но через порог не переступил, увозит с собой в жизнь тоску и боязнь одиночества. Так вся современность боится одиночества. В одиночестве он снова остается

лицом к лицу со стражами и они стоят перед ним, как "портрет Дориана Грея", как тот образ, который был кошмаром последних дней жизни Оскара Уайльда, как боязнь одинокого заключения у Бакунина, как призрак из романа Бульвер-Литтона "Заннони", преследовавший Глиндона, как видения, преследовавшие аскетов.

Но бывает, что в человеке пробуждается пневматик, просыпается "бунт." Тогда обращается сын-пневматик к своему отцу-психику и говорит ему: "Я не могу жить так, как живешь ты. Ты в своей жизни похож на ребенка, беспечно играющего на краю пропасти. Ты похож на ту оницу, которую ведут на бойню, а она занята старанием укусить клочек свежей травы. Ты живешь искусственной жизнью, созданной твоим воображением. Что ты говоришь о смысле жизни, о проблеме добра и зла? Наивное представление! Пройдет сто лет и от всех, сейчас живущих, ничего, кроме лопуха, на земле не останется. Да и сейчас человечество — только плесень на лице земли. В глубокое и тупое самодовольствие своих страстей вы воображаете, что являетесь чем то большим, чем толпа инфузорий в капле гнилой воды. А ведь "перед вечностью все ничтожно — из человеческого, слишком человеческого". Да и проблема добра и зла совсем не решается в пределах жизни земли и жизни земной. Стоит ли, в самом деле, заботиться о лопухе? Ты, отец, утешаешь себя всевозможными миражами, калейдоскопом блесков от своих страстей, но все это пусто и ничтожно. Ты понял, что нельзя, как дед, жить только жизнью инстинктов, но ты не понимаешь, что нельзя найти смысла и в жизни страстей, в жизни "мысли". О каком разрешении проблемы добра и зла можно говорить? Вот перед тобой ребенок, родившийся больным и умерший десяти лет, прошедший всю свою жизнь в сплошных страданиях — посмотри, какой уничтожающей насмешкой звучит его плач над всеми твоими смыслами и философиями, науками и искусствами. В горячей влаге его слез исчезает весь смысл мира и ты бессилен, позорно бессилен против этого. Твоя, наука, философия, искус-

ство — великая ложь, безмерное лицемерие трусости. Проблема добра и зла неразрешима ни в какой Коперниковой системе. Она разрешима только в размахе всей вселенной и только для того, кто познал в себе бытие бессмертной индивидуальности. А иначе железная логика берет, как клещами, человеческую личность и говорит ей: “Смотри! Ты — ходячее ничтожество и все вокруг тебя “дрожащая тварь.” Будь же силен, пожирай все, что тебе понравится, и помни, что перед лицом чистого разума все — только предразсудки, препятствующие тебе наслаждаться, а наслаждение — единственный смысл и цель бытия. Помни, чем грубее наслаждения, чем они острее — тем лучше. Изобрети еще никем невиданные пытки, еще никому неведомые развращения и наслаждайся. Пусть дураки и дети, в ожидании, когда ты покрешь их, верят в правду, добро, человечность, красоту. На то они и дураки, а ты умный, чтобы суметь использовать их. Делай все в тайне, пока не сможешь добиться открытого признания и даже зависти!” Вот неприкрытый разглазительством подлинный смысл жизни по принципам чистого разума и эмоций.“

Так говорит пневматик своему отцу-психику, а тот глубоко возмущен всем поведением сына: “Чорт знает, что за бездельник ты у меня. Учись плохо, занят какими то фантазиями. Ну, что тебе за дело, есть ли потусторонние миры, или их нет? Наука доказала, что все это суеверие и я вижу, что в тебе говорят атавистические пережитки. Нужно оздоровить свою жизнь. Ну, приволокнись за какойнибудь хорошенькой дамочкой, наконец, займись социальными вопросами, так, чтобы это было научно, а не так, как ты это делаешь сейчас. Бессмысленно говорить о страданиях тех, которые умерли, ибо их нет и никогда не будет. Нечего тебе бросаться вниз головой со ступеней лестницы прогресса и в силу только того, что тебе не дают отчета в жертвах Филиппа IV и Инквизиции. Конечно, все это печально, но такова необходимость. А помимо того, надо думать о будущем, о прогрессе, а не о том, что было и чего не вернуть.“

А сын постепенно убеждается, что, подобно тому, как для его деда-физика была непонятна и казалась бессмысленной жизнь его сына-психика, так же точно теперь он, пневматик, в своей жизни кажется непонятным и бессмысленным своему отцу-психику. Замечает он и то, что для психика физик понятен, но не наоборот, что для пневматика понятны и физик, и психик, но не обратно.

Характерным для пневматика является преодоление личности в жертве и преодоление “мысли” в “бунте”, “рацио” в мистике.

Если физик религиозен, то он представляет себе бога в виде большого тела, если же религиозен психик, то он представляет себе бога в виде большой души. Как бог физика обладает руками, ногами, глазами, бородой, усами, так для психика он является царем, судьей, правителем, палачем, отцом, матерью и т. д. Физик застывает в культе и церемониях, психик — в догматике. Только пневматик подлинно знает, что он неопределим и что наиболее подходящим для людей его отблеском является Свобода.

Физик живет в мире случая и чуда, психик — в мире закономерности и необходимости и только для пневматика он раскрывается, как свобода. Свобода психика эфемерна и есть только игра с необходимостью. Свобода психика нередко, как у Фихте, граничит с тайной полицией и не может обойтись без городского. У психиков анархистов таким городским является мораль, “ты”, общество, народ, личность — дифференцированный городской или же просто самодержавное собственное “я”. “Чужая личность должна быть для меня священна”, говорит он. А почему так? Может быть она и должна быть священной, но почему? На это у анархистов-психиков нет и не может быть ответа. Для них это просто табу. И когда А. А. на стр. 72 “Личности и общества” пишет: “Начало свободы имманентной личности необходимо приводит нас к понятию и утверждению равенства. Не только “я”, но каждое я”, каждая личность есть цель и потому нет свободы там, где свободный живет рядом с рабом. Чужая несвобода есть несвобода моя, ибо представляю моему о

личности, как цели, о личности, как своеобразном и единственном проявлении индивидуальности, противоречило бы мое согласие на эксплуатацию одной личности другой. Как моя свобода не может строиться на несвободе другого, так и сознание ограничения прав другой личности не может не вызвать отпора с моей стороны. В противном случае страдает нравственная неприкосновенность и моего "я".

Когда А. А. утверждает таким образом равенство на свободе личности, он очень характерно и хорошо отмечает, что от свободы мы приходим к понятию и утверждению равенства. Надо только добавить ... и утверждению понятия равенства — тогда характеристика будет полной. К равенству от свободы для психика путь лежит только через понятие и нужно глубоко вдуматься, чтобы дать себе полный отчет во всей силе разницы между "равенством" и "понятием равенства". Область "мысли" органически не в силах подняться над "понятием" — это "крыша" полета души... "Бунт" знает само равенство, "мысль" же — только понятие о нем. Самоутверждение психика может обосновываться на своей личности и тогда его называют эгоизмом, или же на личности чужой, и тогда его называют альтруизмом. Однако, и в том и другом случае мы не выходим из области понятий. Цитируя А. А. непосредственно дальше, вслед за приведенным отрывком, мы читаем: "Но если свобода и равенство — понятия, от личности не отделимые, то как возможно действительное их сочетание?"

... Понятие свободы — в его логическом пределе — есть торжество частного, индивидуализации и, таким образом, отрицает равенство.

Равенство, стремясь к уподоблению людей, сглаживает их своеобразия, враждебно частному, индивидуализации и, таким образом, отрицает свободу.

Так создается принципиальный конфликт между требованиями отвлеченного равенства и конкретным неравенством, не только имеющим место в жизни, но и взирая на все успехи эгалитаризма, но и неизменно

прогрессирующим. И необходимо: или пожертвовать отвлеченной свободой, правом на неограниченное развитие нашей индивидуальности, нашим конкретным своеобразием во имя признания абстрактного принципа равенства. Или похоронить отвлеченное равенство во имя живой, конкретной, не знающей ограничений личности...

Здесь мы подходим к труднейшей методологической проблеме — об отношении общего понятия к индивидуальному, к старому, нерешенному доселе спору платонизма, утверждающего реальность наших понятий и иллюзорность окружающей нас действительности и номинализма, утверждающего обратно непосредственную действительность и отрицающего значение общих понятий.

Спор этот в социологическом плане кажется неразрешимым, ибо, если, с одной стороны, частное — всегда нам ближе, дороже, живет трепетом и полнотой подлинной жизни, протестуя против призраков, ограничивающих нашу волю и деятельность, то, с другой стороны, общее — собирает нас, спасает от распыленности и внутреннего опустошения. Если ничем неограничиваемая свобода и вытекающее из нее конкретное неравенство — представляют высокую ценность тем, что подчеркивают и выявляют все своеобразие, всю творческую оригинальность конкретной личности, то торжество равенства, отменяя все частное, стирая все слишком острые углы личности, подготавливает как бы вселенское единение, мировое братство и наполняет отдельные личности общим, универсальным содержанием.

Однако, оба принципа в их логическом пределе равно отталкиваются современным правосознанием.

... Самая свободолюбивая индивидуальность нашего времени не может строить своей свободы на фундаменте порабощения других. Любовь к своей свободе неизбежно обращается в любовь к свободе всех других; в противном случае исчезает самое понятие свободы.

(Продолжение следует)

А. А. СОЛОНОВИЧ.

М. А. ИСТОЧНИКОВ.

Философия Ницше

(Продолжение)

Слова "добро", "зло", "хорошее", "плохое", все это понятия относительные; никого ни "добра", ни "зла" самого по себе не существует, точно также и моральные истины тоже относительны.

Каждая эпоха и каждый народ имели свое особое мерило ценностей, свой особый взгляд на "добро" и "зло", на "справедливость" и "несправедливость". Современная мораль и понятия о "добре" и "зле", о "справедливости" и "несправедливости", тоже временны и преходящи, и могут быть измененными. Всякая мораль не дается свыше, она есть лишь обычай, сложившийся в известных условиях жизни; всякая мораль не что иное, как привычка, с течением времени перешедшая в обычай, а обычай в моральные предпосылки. Все несправедливое, все анти-моральное-древности, на пример — жертвы человеческие богу, каннибализм, воровство, грабеж и захват чужого имущества, разве оно не считалось теми или другими народами или племенами за добро и справедливость. В наше время, захват чужих земель, чужих территорий, разве не считается справедливостью, а способность больше убить на фронте геройством и благородством? Все новое, как в морали, так и в науке, коренным образом расходящееся со старыми установившимися понятиями, всегда встречается с чувством подозрения, ненавистью и враждебностью. Подобными явлениями полна вся история. Сократ принял яд за свои убеждения, которые казались его современникам безнравственностью, Христос пошел на крест, как имморалист того времени, Джордано Бруно сгорел на костре, Коперник и Галилей сгнили в заточении за свои убеждения, как еретики и безнравственные личности, а учение их было проклято и книги преданы сожжению.

Современная мораль точно также была

понима в свое время и преследуема; став господствующей, она сама стала преследовать новые, идущие ей на смену, моральные ценности. Однако, и ей суждено сойти в область забвения подобно отошедшим уже старым моральным понятиям.

Все это Ницше прекрасно понимал, поэтому то он в современной морали (и именно в ней) и видел самого ярого, самого консервативного врага будущности. Современная мораль, это — неслыханный деспот и паразит, питающийся кровью грядущих поколений; мораль это — каменная почва, на которой увядает всякий росток мысли, рвущийся к великому будущему. Она сковывает еще в детстве всякий порыв к самостоятельности, приучает к покорности и зависимости, надевает намордник и приучает мыслить по указанным правилам.

В этом Ницше видит величайшую опасность грядущим поколениям и будущей культуре. Это грозит вырождением духовному совершенству, атрофирует всякий порыв и способность к творчеству; мораль своим деспотизмом повергла человечество в абсолютное духовное вырождение, она несовершенна, в ней нет тех движущих сил, которые бы постоянно возбуждали интерес к совершенству. Наоборот, современная мораль есть яд и смерть всякой жизни. Поэтому-то ее Ницше и хочет убрать как ненужную и вредную, а на ее место водрузить новую здоровую мораль, способствующую совершенству человеческого рода в целом и духовному освобождению каждого в отдельности.

Главное зло современной морали Ницше видит в христианстве, так как оно порождено христианством и основано на его принципах. Дабы более уяснить лицемерие в иррациональном христианстве и понять почему Ницше так восстал против него, я

позволю себе бегло заглянуть в историю христианства, начать, так сказать, с корня происхождения его, и оттуда, следуя по стволу, подчеркивать попутно главные моменты.

До появления христианства, все религии, исключая веру иудейскую (еврейскую), были естественными религиями, т. е. религиями обоготворения природы и поклонения видимым предметам. Естественно, поклоняясь природе, все поклоняющиеся были, как физически, так и духовно, в тесном общении с ней. Благодаря этому, жизнь их была здоровой и быющей сильным ключом творчества и духовного освобождения.

Величайшие культуры древнего Вавилона, Египта и вообще восточные культуры а также Эллинская культура, созданы именно в периоды поклонения природе.

Из всех древних религий, одна только иудейская вера была и есть не естественной, а социальной религией. В то время, как другие религии были духовным воплощением, стремлением к красоте, изяществу, раскрытием душевной чистоты перед природой, погружением в стихию ее, иудейская религия была и есть утилитарной религией, имеющей в виду материальную пользу и состоящей из законов главным образом экономического и политического происхождения. Благодаря этому особому религиозному уклону, иудеи не создали ничего, никакой культуры не оставили после себя. Иудеи по расовым свойствам стремятся к захвату, но не воинственны; благодаря этому и не культурности их, они и были завоеваны в последнем веке до Р. Хр., римлянами.

Еще в половине шестого века до Р. Хр., во время Вавилонского пленения, иудеи уже определили свой путь борьбы с окружающими их народами. Способы борьбы вроде войны, открытого выступления, требующей физической силы, смелости и рыцарского героизма, сопряженного с великими опасностями, и даже самопожертвованием, иудеи принять не могли: для этого они были слабы, трусливы и не

способны к героическим подвигам. Сознывая эту свою слабость, они отказались раз и навсегда от подобного рода борьбы, и с гениальнейшей хитростью, присущей исключительно им, избрали орудием в борьбе - капитал и мораль. Они решили не побеждать своих противников, а разлагать их изнутри, атрофировать в них всякую охоту и способность не только воевать и сопротивляться, но даже желание жить и размножаться, и направлять на пути, ведущие к полному как физическому, так и духовному вырождению. С этой целью ими и была изобретена новая религия - христианство, как социальная мораль. Дабы победить врагов своих и превратить их в рабов, иудеи изобрели рабскую мораль. Христианство, это мораль черни и рабов.

"Возьмем, пишет Ницше, наиболее наглядный пример. Все, что делалось на земле против "благородных", "знатных", "сильных", "владык", "властителей", не стоит упоминания сравнительно с тем, что сделали против них иудеи. Иудеи — народ жрецов, который нашел удовлетворение, отмстив своим врагам и повелителям местью духовной — радикальной переоценкой их ценностей. С замечательным успехом выступили они против аристократического отождествления оценок, в силу которых их повелители считали равнозначными понятия "хороший", "благородный", "могущественный", "красивый", "счастливый", "возлюбленный Богом", установив вместо этого новый, свойственный им, принцип: "только несчастные — хорошие люди", "только бедные, слабые, низкие — хорошие люди", "только страждущие, нищие, больные, уроды — благочестивые, блаженные люди, только их ожидает блаженство; а вы, благородные, сильные, вы — злые, жестокие, чувственные, ненасытные, безбожные, вам во век не будет блаженства, вы навеки прокляты!"

Так началось восстание рабов в морали, то восстание, которое имеет за собой тысячелетнее существование и которое нам незаметно теперь только потому, что оно сделалось победоносным.

Но разве вы не понимаете этого? Разве у вас нет глаз для того, чтобы видеть, что в течение тысячелетий шло к победе? Это и неудивительно: все, что совершается медленно и долго, трудно видеть и заметить. Так именно произошло и здесь. Из ствола того дерева мести и ненависти, самой глубокой и захватывающей, создающей идеалы, производящей переоценки, подобной которой никогда больше не было на земле, — из ствола древа этой ненависти выросла новая любовь, самая глубокая и самая захватывающая любовь: — да и из какого другого корня могла бы вырасти такая любовь? Но не думайте, что эта любовь явилась как отрицание указанной жажды мести, как противовес иудейской ненависти! Нет! Истину этого явления надобно искать в факте противоположном! Эта любовь выросла из ненависти, как ее крона, крона все пышнее и пышнее разпускавшаяся на свете и солнце и так же сильно стремящаяся в царство света, высоты, как указанная ненависть — к победе, к добыче, к обольщению, как корню

этой ненависти, все глубже и страстнее проникали во все, что имело глубину и было злом. Эта любовь, несшая счастье и победу бедным, больным, грешным, — не была ли она обольщением в самой страшной и непреодолимой форме, обольщением и обходом, ведущим к новым оценкам и нововведениям в области идеалов? Не достиг ли Израиль в лице этой заповеди, уничтожившей его, своей последней цели — отщепенца сильным?

“Окончим. Две противоположные оценки понятий “хороший и дурной”, “добрый и злой” вели в течение тысячелетий, жестокою борьбу; и хотя вторая оценка уже давно одержала победу, однако, до сих пор еще то там, то здесь вспыхивала нерешительная борьба. Но теперь она разрастается все более и становится все глубже, все сильнее. Так что теперь, может быть, нет другого более отличительного знака “высшей культуры”, “более духовной натуры”, как быть раздвоенным в

этом отношении, быть местом борьбы этих противоположных оценок. Символ этой борьбы — “Рим против Иудеи, Иудея против Рима.” До сих пор не было еще такого крупного исторического факта, как эта смертельная борьба. Рим чувствовал в Иудее нечто противоестественное, своего антипода. В Риме иудеев уличали в их ненависти ко всему человеческому роду, справедливо видя спасение и будущность человеческого рода в безусловном господстве аристократических оценок, римских оценок. Римляне были так сильны и благородны, как никого никогда не было на земле: каждый остаток их истории, каждая разгаданная надпись полна жизни и способна возбуждать к творчеству. Иудеи наоборот, были жреческим народом — злобы и мести *par excellence*, среди которого расцветала народно-моральная гениальность. За кем из них осталась хотя временная победа? Перед чем преклоняется теперь сам Рим, — да не только Рим, но почти половина земли, всюду, где есть только или где должен быть “прирученным” человек? Перед работой иудейской культуры! Замечательно! Рим покорен. В эпоху возрождения было блестящее пробуждение классического идеала, принципа оценки сильных и благородных. Сам Рим двигался как привидение, как восставший от сна мертвец. Но вскоре затем Иудея отпраздновала триумф в чисто простонародном движении, именуемом реформацией. Но еще более торжественный триумф победы над классическим идеалом одержала Иудея во время французской революции. Последнее проявление силы и благородства в политической области падает на 17-18 столетие Франции, но их сокрушили народные инстинкты: месть и злоба низших и рабов: — не было на земле большего торжества, более шумного энтузиазма!” (Ницше, “Генеалогия морали”). Следовательно, христианство есть продолжение иудизма. “Оно не есть движение, враждебное иудейскому инстинкту, оно есть его последовательное развитие, силлогизм в его логической цепи, внушающей ужас. По фо-

рме искупления: "спасение идет от иудеев." (Там-же).

Итак, христианство, это мораль, придуманная злыми, завистливыми, мстительными и жажущими наживы, отсталыми, но хитрыми жрецами. Мораль эта проповедует абсолютное рабство. "Повинуйтесь вашим господам даже когда они гневаются и творят зло" (Апостол Петр). "Всякая власть исходит от Бога; кто противится власти, тот противится порядку, установленному Богом. Царь есть слуга Бога, исполняющий волю его" (Послание апостола Павла к Римлянам). В другом месте он говорит: "Если ты не хочешь трудиться, то и не ешь"; дальше, "Рабы повинуйтесь господину над вашим телом со страхом и трепетом, в простоте вашего сердца, как Христу. Пусть рабы повинуются своим господам, угождают им во всем, не противоречат им, не обманывают их, но докажут им свою верную службу, чтобы во всем славить учение Спасителя нашего Бога..". Златоуст же говорит: "Рабство есть благо, потому что служит христианину для заслуги. Апостольское слово велит оставаться в повиновении своему господину." Если кто ударит тебя по щеке, подставь ему и другую" и "Берущему у тебя верхнюю одежду, отдай ему и нижнее белье."

Проповедникам христианства пришлось выдержать упорную борьбу с сильными и жизненными народами того времени. Сильные телом и духом греки и римляне с величайшим мужеством и невероятной силой сопротивлялись принимать эту наркотическую прививку. Слишком уж пропахшим трупом веяло от соприкосновения с ней. И жрецам христианства никогда не удалось бы сломить жизненного и творческого ду-

ха великих греков и римлян, если бы не помогла им сила и власть государства. Чувствуя свое бессилие, жрецы начали сначала склонять на свою сторону государственных мужей, которые в свою очередь пустили в ход костры и мечи. Последовало полное извращение жизненных понятий, пошла кошмарная переоценка всех ценностей. "Нельзя позволять вводить себя в заблуждение: "не судите", говорят нам, но сами посылают в ад все, что стоит у них на пути. Вручая суд Богу, они судят сами; прославляя Бога, они прославляют самих себя; требуя тех добродетелей, которые как раз им свойственны — даже более — которые им необходимы, чтобы вообще не пойти ко дну, они придают себе величественный вид борцов за добродетель, борцов за господство добродетели. Мы живем, мы умираем, мы жертвуем собою за "благо" ("истина", "свет", "царство божие"), в действительности же они, жрецы и моралисты, делают то, чего не могут не делать. Сидя в углу, ежась, как крот, живя в тени, как призрак, — они создают себе из этого обязанность; по обязанности жизнь их является, как смирение, как смирение она лишнее доказательство благочестия. Ах, этот смиренный, целомудренный и мягкосердечный род лжи!

(Продолжение следует)

М. А. ИСТОЧНИКОВ.

ОТ РЕД. КОЛЛЕГИИ: Высказываемые в статье М. Источникова суждения о еврействе являются его субъективными взглядами; Ред. Коллегия таковых не разделяет и ответственность за них возлагает на автора статьи.

НИКАК НЕ УГОДИШЬ

В парижском "Дело Труда", от июля-августа сего года, имеется маленький отзыв о первом номере нашего журнала "Пробуждение" в заметке "Новый журнал", подписанный скромными инициалами: "Л. Л."

Нам очень лестно, что парижские товарищи удостоили нас своим вниманием, хотя и не совсем дружественным и благо-

желательным.

Впрочем, иного отношения к нам и быть не могло со стороны парижцев, провозгласивших свой орган "Дело Труда" "единственным органом для русского анархического движения во всех странах."

Читая подобное заявление, робкий человек может даже испугаться.

Только подумать: “во всех странах!”
Экие громкие фразы!

И звучат:

— Гордо и смело, почти по наполеоновски: Тебе, Всевышний, мол, небо, а нам — земля!

— “Единственный орган для русского анархического движения!”

— Какой гигантский размах и какая манья величия!

Поистине у нас закрадывается серьезное сомнение в том, не утратили ли наши парижские товарищи чувства меры и не хватили ли они, как говорится, через край?

И вот, когда уже все и для “всех стран” было сделано нашими парижскими товарищами, где то, в далекой Америке, появляется какое то “Пробуждение”. И появляется оно без благословения и санкции наших парижских товарищей, выдавших себе монополию на пропаганду анархических идей.

И поэтому, нас несколько не удивляет, а еще меньше смущает то обстоятельство, что наши парижские товарищи волнуются и сочиняют о своих каких то фантастических врагах различные небылицы.

Чем же особенно недовольны наши парижские товарищи?

Не нравятся им, что в передовой статье мы заговорили “о честных и добросовестных людях, ищущих, как и мы, правды и справедливости на земле.”

Вот об этих предметах, как раз и не стоило говорить, по мнению нашего почтенного критика Л. Л. Вся правда, ведь, уже сказана и изложена в организационной платформе — этих новых десяти анархических заповедях, данных нам П. Аршиновым для неуклонного руководства и исполнения. А честность и добросовестность — вещи неудобные и мешающие политике наших парижских товарищей. А посему, обо всем этом лучше было бы умолчать.

Главное — надо в каждой строке, в каждом предложении употреблять на все лады и перепевы слово “анархизм”, а остальное все — “прунда”, как выражается один наш нью-йоркский товарищ.

Не важно, очевидно, для Л. Л. какое содержание вкладывается в понятие анархизма: анархо-большевицкое, анархо-синдикалистское, ассоционистское, индивидуалистическое, анархо-коммунистическое и т. д., но главное, — чтобы непременно было слово “анархизм.”

Как в библии:

— В начале бе слово...

Ничего мы, конечно, не имеем и против этого слова, хотя слово само по себе, как и всякая вера без дел, мертво суть. В то же самое время мы считаем, что слово “свободники” более просто и понятно выражает идею анархии. И употребление слова “свободники” вместо слова анархисты, — нельзя даже назвать опасным новшеством, так как это слово еще задолго до нас употреблялось Элизе Реклю и другими анархистами.

Даже нашего критика, не в суд и осуждение будь ему сказано, не удовлетворяет одно слово анархизм, и он в другой своей статье, в том же номере “Д. Т.”, ругает уже не за анархизм, а за какую то “анархическую партию” (скоро мы, видно, будем курить и “анархический” табак), уверяя, что анархическое политиканство приведет к безвластию.

Все это не мешает, однако, Л. Л. прибегать к чисто демагогическим и недобросовестным выпадам, вроде следующего:

“Можно, понятно, критиковать анархизм и не соглашаться с анархистами”....

А вы то, милый человек, согласны с анархизмом и анархистами? И если да, то зачем вы носитесь с идеей создания “анархической партии”, долженствующей стать вторым плохим изданием большевизма. Если вам так нравится партия, то зачем трудиться и беспокоиться, когда есть уже готовая большевистская партия. Вы в ней не будете одиноки и встретите там даже своих знакомых бывших товарищей....

Называет нас Л. Л.: “анархо-боязливые люди.” Это верно: на Марс лететь мы пока не собираемся, а делаем дело, нам possible и возможное при данных условиях и обстановке.

А что поделявает наш "анархо-храбрый" воин? В последние годы о нем что то ничего не было слышно. Ходили слухи, что человек отсиживается, страдает свойственной нашему времени сонной болезнью, а теперь, видно, пробудился от спячки, и показывает свою храбрость тем, что разносит и критикует все, что делают другие.

Недоволен он "Рассветом," хотя ни одной анархической статьи для него не потрудился написать.

Не нравится ему и то, что в обстановке развращающего американского материализма "Рассвет" и "Пробуждение", действительно, уделяют не мало внимания культурно-просветительной работе.

По Л. Л., просвещение — к чорту, хо-

тя сам, видимо, сидит над книгами, и все время занимается самообразованием. Другие же пусть будут дураками и невеждами. Таких и в "анархическую партию" и еще кое куда, пожалуй, легко заманить.

Л. Л. указывает на иную задачу — социально - экономического порядка. Он настаивает: беритесь раньше за дубинки, а потом мы вас уже умными сделаем.

По такой формуле в России действовали большевики.

И получилось то, что дураки остались дураками, а умные краснобаи в Кремле сидят, и о просвещении дураков и не думают.

Но подобная тактика в наше время и устарела, и совсем не к лицу она людям, претендующим на название анархистов.

М. Р.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Настоящий номер журнала "Пробуждение" выходит с значительным опозданием. Объясняется это замиранием организационной деятельности в летнее время, и вследствие этого слабым притоком средств, нужных для регулярного выпуска журнала.

Преодолеть эту нерегулярность в выпуске журнала возможно лишь в том случае, если с наступлением зимнего времени сочувствующие журналу организации, группы и лица окажут ему моральную и материальную поддержку.

Желательно создание во всех городах, куда проникает журнал, - групп "Пробуждение", которые вошли бы в связь с издательской группой в Детройте, и приняли бы более активное участие в издании журнала.

Самое широкое распространение журнала среди русской колонии, подыскание подписчиков и присылка пожертвований в фонд журнала - вот все, что необходимо для регулярного его выхода.

Мы надеемся, что наш призыв поддержать "Пробуждение" встретит отклик в сердцах всех тех людей, кому дороги идеалы свободы, правды и справедливости.

Редакционная Коллегия.

ОТЧЕТ ПО ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА "ПРОБУЖДЕНИЕ" ОТ 15-го ДЕКАБРЯ 1926 Г. ПО 1-ое СЕНТЯБРЯ 1927 Г.

ПРИХОД: Дали заимообразно Полейко и Максимюк 55.00. Жертвовали: К. Зелениук 1.00, Инициативная группа г. Детройта 67.00, Общество "Самообразование" г. Балтимор, Мл., 10.00, через т. Язинского из Мерилен, Конн., 5.00, через т. Бренъко из Амбридж, Па, 5.00, т. С. Филипов, Скрентон, Па, 2.00, Вотербури, Конн., 6.25, Р. Союз "Самообразование" г. Нью Йорка 20.00, Союз Русск. Граждан С. Луис, Мо., 8.00, т. П. Брав, Нью Британ, Конн., 5.00, т. Степовой 5.50, т. Козлович 2.00, через т. Котова из Гамильтон, Онт, 6.00, Прогр. Общество Елизабет, Н. Дж., 10.00, т. И. Соколович, Детройт, 3.00, т. М. Бычко 2.50, т. И. Тарасюк 5.00, Общество Взаимопомощи Гартфорда 6.00, от продажи журнала 246.57, выручено за картину в Детройте 36.20, от пикника в Детройте 29.10
ИТОГО 536.12

РАСХОД: По изданию журнала 527.45, печать для группы 4.55, заголовок журнала 5.00, рама для розыгрыша картины 7.60, почтовые расходы 10.23

ИТОГО 554.83
ПЕРЕРАСХОД 18.71

Открыта подписка НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся русскими прогрессивными
организациями Северной Америки.

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ОСВОДИ-
ТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУ-
РЫ И КРИТИКИ.

К УЧАСТИЮ В ЖУРНАЛЕ ПРИГЛАШЕНЫ
ИЗ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ ЛУЧШИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СИЛЫ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”
9219 Russell Street, Detroit, Michigan